

СОКОЛОВА ЕКАТЕРИНА

WHEN I GROW UP

пособие для
взрослых
девочек,
выросших в
дисфункциональ
ных семьях

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Екатерина Соколова

**When I grow up. Пособие
для взрослых девочек из
дисфункциональных семей**

«Автор»

2021

Соколова Е. А.

When I grow up. Пособие для взрослых девочек из
дисфункциональных семей / Е. А. Соколова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-92474-1

«Книга Екатерины Соколовой — пронзительная и нагая — заставит каждого задуматься о многом... Годы уходят на то, чтобы женщины поняли, изменили себя, зажили полноценно... Вы вживую познакомитесь со всеми персонажами, увидите путь их трансформации, а иногда — падения. Вы увидите первопричины их не всегда логичного поведения и саморазрушительного характера». Если такие слова, как «созависимость», «дисфункциональная семья», «токсичные отношения» не являются для вас пустым звуком, добро пожаловать в мир моих рассказов, чьи героини так не похожи друг на друга, имеют разный уровень образования и жизненный опыт, но всех их объединяет одно - они учатся жить. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92474-1

© Соколова Е. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

От автора	7
Отзывы тех, кому книга пригодилась	8
Love story	13
И сердце почувствует спицу...	20
Новогоднее...	23
Кукла Даша	26
Глава 1	26
Глава 2	28
Глава 3	30
Глава 4	31
Глава 5	33
Глава 6	34
Глава 7	35
Глава 8	36
Глава 9	37
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	45
Глава 14	47
Глава 15	49
Уроки французского	52
Глава 1. Отдаление	52
Глава 2. Власть	53
Глава 3. Подчинение	54
Глава 4. Память	58
Глава 5. Дорога	59
Глава 6. Курс	60
Глава 7. Автопилот	61
Глава 8. Безысходность	62
Глава 9. ENGINE START	63
Глава 10. Любовь	64
Глава 11. Жизнь	65
Глава 12. Тайны	67
Глава 13. «Как себя поставишь, так и жить будешь»...	69
Глава 14. Невесомость	70
Глава 15. Отрыв	71
Глава 16. Остановка	73
Глава 17. Что-то происходит	74
Глава 18. Разбитое стекло	75
Глава 19. Карма	76
Глава 20. Снижение	77
Глава 21. Истинная скорость	78
Глава 22. Перегрузка	79
Глава 23. Прошное	81
Глава 24. Правда	85

Глава 25. Посадка	87
Глава 26. Надежда	88
Эпилог	89
Первая любовь	90
Часть 1	90
Глава 1	90
Глава 2	91
Глава 3	91
Глава 4	92
Глава 5	92
Глава 6	92
Глава 7	93
Глава 8	93
Глава 9	94
Глава 10	94
Глава 11	95
Глава 12	96
Глава 13	97
Глава 14	97
Глава 15	98
Глава 16	98
Глава 17	99
Глава 18	100
Глава 19	100
Часть 2	102
Глава 1	102
Глава 2	103
Глава 3	103
Глава 4	105
Глава 5	106
Глава 6	107
Глава 7	107
Глава 8	109
Глава 9	110
Глава 10	111
Глава 11	111
Глава 12	112
Глава 13	113
Глава 14	114
Глава 15	115
Глава 16	116
Глава 17	116
Глава 18	118
Глава 19	118
Глава 20	120
А вы не видели Олю?	123
Часть 1	123
Глава 1	123
Глава 2	124

Глава 3	126
Глава 4	127
Глава 5	128
Глава 6	129
Глава 7	129
Глава 8	131
Глава 9	131
Глава 10	132
Глава 11	132
Глава 12	132
Глава 13	133
Глава 14	133
Глава 15	134
Глава 16	135
Глава 17	135
Глава 18	136
Глава 19	136
Глава 20	137
Глава 21	137
Глава 22	138
Глава 23	139
Глава 24	139
Глава 25	140
Глава 26	140
Глава 27	141
Глава 28	141
Часть 2	143
Глава 1	143
Глава 2	143
Глава 3	145
Глава 4	145
Глава 5	148
Глава 6	149
Глава 7	150
Если тебе очень плохо и не с кем поговорить – поговори с книгой	153

Екатерина Соколова

When I grow up. Пособие для взрослых девочек из дисфункциональных семей

Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.
Серафим Саровский

От автора

Здравствуй, моя милая маленькая взрослая девочка!

Лично я сама всегда ненавидела все эти вступления и реверансы, поэтому буду краткой.
Если ты держишь в руках эту книгу, значит тебе очень-очень плохо.

Уже не первый месяц (а, может, не первый год) ты ищешь ответы на вопросы, но не можешь найти.

Я очень надеюсь, что эта книга, если и не поможет тебе в твоих поисках, то хотя бы подарит надежду на то, что из самой страшной ситуации всегда есть выход.

Я дарю тебе кусочек своей души и своего сердца. Бери его и живи! В жизни так много прекрасного!

Обнимаю тебя крепко-крепко, Соколова Катя

Отзывы тех, кому книга пригодилась

Книга Екатерины Соколовой – пронзительная и нагая – заставила меня подумать о многом... Годы уходят на то, чтобы женщины поняли, что же в их жизни не так, изменили себя, зажили полноценно... Ощущение от рассказов у меня, будто пережила снова собственные и клиентские истории. Мне кажется, я вживую знакома со всеми персонажами. «Кукла Даша» произвела убийственное впечатление. Что касается «Уроков французского», моя мама – это самая настоящая Света, которая (в отличие героини) не села в самолет, такая классическая жертва. Иногда в книге я встречала совпадения с реальными историями, например, фраза «Дверь не закрывай, чтобы я тебя видела!» У одной знакомой дамы, ей уже 42, дома нигде не запирались двери. Даже в туалете и в ванной. Один из повторяющихся кошмарных снов, что она сидит на горшке в присутствии людей. По недосмотру ее матери, большинство родственников мужчин заставляли мою клиентку моющейся в ванной или сидевшей на унитазе. Потом на семейных застольях этот факт бурно обсуждался. Мать, занимаясь сексом с мужем, не закрывала дверь, чтобы контролировать взрослых дочерей. Я так понимаю, что токсичность родителей одинакова во всех странах. И это отклонения в мозгу. Ибо не могут сценарии повторяться до мелочей. Как и поведение психопатов и нарциссов. Грустно это. Но зато теперь есть маркеры, с помощью которых можно показать клиенту, в каком придуманном мире он живет. И есть возможность изменить существующее положение.

Эльмира, 60 лет

* * *

О Екатерине и ее книге узнала случайно, в группе в социальной сети. По жизни с разными проблемами сталкивалась: мама-нарцисс, деструктивные отношения с друзьями и мужчинами. Уже не первый год ищу ответы на вопросы. И тут посоветовали книгу Екатерины.

Сначала немного боязно было читать, темы-то важные, но тяжелые. Начала читать и будто кино посмотрела. Прочитала залпом! Персонажи так чисто выписаны. Стиль настолько выдержан! Законченная художественность в изложении!

Невероятно! Без проколов и приблизительности.

Александр Андреевич из повести «Первая любовь» – это нечто. Напомнил мне риелтора одного, с которым я общалась на днях. Ну все прям с него списано! Не могу понять, почему Катя запала на Макса. Он же слабак!

В какой-то момент я взяла блокнот и прямо начала цитаты выписывать – ведь в моей жизни было также! Вот прямо маркеры токсичного воспитания и его последствий! Например, из рассказа «Новогоднее»: «Она понимала, что произошло что-то... что-то очень гадкое и несправедливое... но с кем и как это произошло – она понять никак не могла» Это ж я! Или вот, из «Уроков французского»: «В конце концов, Светлана поняла, что так часто *«мешала»* родителям и их друзьям, что в какой-то момент она стала *мешать самой себе*» Или вот, в «Первой любви»: «Глядя на почти ночную Москву, бегущую, несмотря на высокие тонкие каблуки; сигналящую, несмотря на работающий светофор; дребезжащую и обгоняющую, несмотря на пробки, Катя впервые в жизни начала спрашивать себя, где же в этом огромном мире было место *для нее*». Господи, как же знакомо! Мне 45, а все те же поиски!

Есть вообще фразы из рубрики «Без комментариев». В точку. *«Вкус власти – это даже не вкус денег. Это ощущение владения чужой душой».*

А в «Кукла Даша», по поводу их любимого, нарциссического, что кухня – это власть. «Даша не умела готовить. Хотела научиться, но пользоваться кухней без разрешения мамы

было запрещено». Невероятно, но я снова узнала себя! В 22 года, после института вернулась в родительский дом. Причем, я ведь могла остаться в столице, предложений по работе было тьма. Но нет. Мама ЗАПРЕТИЛА оставаться в большом городе, вот я и вернулась. И думаю – буду мамочке с готовкой помогать, она же все время жаловалась, что от меня помощи не дождешься. И что? Все, что я ни приготовлю – выливалось в раковину и выкидывалось в помойку. А это был 1994 год. А у нас в нашем провинциальном городишке и работы-то не было толком. И вот ты живешь и ведешь войну на два фронта: в поисках работы и с родителями. А потом спрашивается – почему дети токсических родителей добиться ничего не могут!

И вот ты ради них вернулась, а вокруг травля и обвинения. И ты становишься такой безэмоциональной амебой, просто, чтобы выжить. Просто, чтобы не было конфликтов, чтобы было как-то ровно что ли.

А цитаты Карен Хорни в эпитафиях! «Установка угождения может состоять в том, что невротик не смеет разойтись во мнениях с другим». И снова про меня!

Еще в «Кукла Даша» вот эта фраза зацепила: «в ее семье стоял какой-то странный запрет говорить о своих успехах при маме, дабы не провоцировать скандал!» Просто про меня и мою мать. Чего бы я ни добилась – все обесценивалось на подходе. И ты, что в 10 лет, что в 30, с этим успехом, как с драгоценным стеклышком. И поделиться хочется, а с другой стороны маме не говоришь, чтобы не провоцировать скандал. И ты мечтаешь вырасти и окрепнуть, чтобы никто у тебя уже эту радость и успех не забрал. А ее все равно забирают! Ты бережешь свой маленький осколочек счастья, а они, токсины, все равно забирают. И ты видишь у них на лице это страшное садистское удовлетворение, улыбку сытости от ощущения унижения тебя. А потом скандал. И еще один. А как скандалы отгремят – тебя будто изнасиловали, вербально изнасиловали. И ... в доме тяжелейшая тишина, от которой они испытывают какой-то страшный оргазмический садистский кайф!

«Кукла Даша» вообще врезалась в память своими цитатами. Вот, например. «Она, наконец, поняла, как чувствовала себя все эти годы: она была черно-белой раскраской с едва прорисованными контурами в ожидании, когда кто-то возьмет цветные карандаши, и на страницах ее жизни появятся полноценные картинки». Это прямо то, как я подходила всю жизнь к выбору мужчин! Всю жизнь я как будто чувствую себя пустой и жду, пока кто-то подойдет и наполнит! Раскрасит!

Отдельного упоминания, конечно, заслуживает разговор Кати и ее отца в повести «Первая любовь», когда Катю на свидание позвал мальчик, а папа ее не пустил под идиотским предлогом. Такое убийство характера! Как же они режут по живому!

И вот мне 45. И все мы сейчас говорим о токсических родителях. Да только всегда они были. Помню, как мне, тогда еще наивной и восемнадцатилетней женщине одна пожилая про свою старенькую маму такое рассказывала! Тоже какие там были садистские уловочки! Всегда это было в обществе, всегда! Только говорить стали открыто недавно! Спасибо, Екатерина, за книгу! Вот уж и заставила меня эта книга задуматься!

Марина, 45 лет, архитектор

* * *

Кать, очень хорошо. Интересно и цепляет. Стиль у тебя легкий и хороший. Особенно повесть «Уроки французского». Все немного другое у меня было, но в то же время очень знакомое... В конце вздохнула с облегчением: как трудно от них уйти! И они потом всю жизнь пытаются догнать и вернуть такую удобную жертву... Фразы и модели поведения – от моей мамы много... Тяжелые истории. Писать их надо, и для себя, и для того, чтобы еще кому-то помочь освободиться. Продолжайте и присылайте.

Елена, 60 лет, адвокат

* * *

Книга написана очень легко и живо. Все герои – обычные люди, которые живут с нами по соседству, работают вместе с нами, бегут куда-то по своим делам. Прочитывая каждую историю, вместе с героями, я проживала свою маленькую жизнь вместе с ними...

Анна, корпоративный юрист, 33 года

* * *

Хочу спеть небольшую хвалебную оду Екатерине Соколовой!

Я читала статьи о нарциссах и почему-то информация не хотела складываться в единый образ, как вода уходила сквозь пальцы. Предполагаю, что это срабатывали защиты, которые помогли мне выжить рядом с мамой. Я пыталась задействовать свой мозг, а он мне рассыпал картинку)).

И вот под одним из постов, это был пост Кати, я увидела ссылку на ее книгу. Прочитала первый рассказ совсем небольшой, но КАК меня накрыло. Рассказ назывался Love Story. И хотя я никогда не была в такой ситуации, мое тело, минуя все барьеры, моментально узнало атмосферу абьюза.

Чем хороши писатели? Они обладают тонкой наблюдательностью, внимательны к деталям, их бытовые зарисовки полны правды жизни. Они рисуют картинку точными маленькими описаниями-мазками и за счет этого отлично воспроизводят эмоциональную атмосферу. Информация обращается прямо к нашему подсознанию, нашей душе. И это очень ценно!

Мы познакомились и разговорились. И в разговоре она упомянула, что регулярно смотрит

видео на YouTube доктора Леса Картера (Dr. Les Carter Surviving Narcissism)

<https://www.youtube.com/channel/UCIELB1mz8wMKIhB6DCmTBlw>

и готова перевести его лекции про скрытый нарциссизм с английского и показать мне. Мне стало интересно, и я попросила ее написать пост в нашей группе поддержки. Катя с радостью согласилась, чувствовалось, что она очень хотела поделиться. Пост был написан.

И ву а ля! Пазл сложился, у меня появился образ, кто же такие скрытые или уязвимые нарциссы. Для меня это похоже на чудо, чудо того, как взаимодействие, которого я так была лишена в родительской семье, дает возможность понять себя и другого. Уже не первый раз сталкиваюсь с этим в группе, и мне это очень нравится. Разговаривая с другими, ты наводишь порядок в своей голове и твоя жизнь улучшается. И потом ты делишься тем, что ты понял, и твоя жизнь улучшается еще больше)).

Наталья, 45 лет

* * *

Прочитала. Мне очень понравилось. Есть мнение, что в своих персонажах автор всегда описывает часть себя, вне зависимости от фактуры и проработки темы. Что в диалогах, действиях мы отражаем свои светлые и темные стороны. И лучшие черты героев, это Ваши луч-

шие черты – мудрость, ответственность, твердость, смелость. По героям видно, что вы очень наполненная, глубокая личность. А вы специально использовали анахронизмы вроде «энергически бросила трубку», или это прием стилистики? Немного не поняла. В целом мне очень понравилось, захватывает. Действительно здорово, в художественной форме показана логика жертв токсичного детства. Иногда если моменты, где я что-то не понимаю, от меня ускользает связь, но их очень мало.

Дарья

* * *

Прочитала на одном дыхании книгу целиком, как все знакомо...

У меня мама умерла в январе 2019, но в голове еще звучат ее напутствия... уже 51 год, а я все еще не освободилась... и Ваша книга отозвалась в моем сердце... Вы молодец, поднимаете очень сложную проблему, которая помогает сделать переоценку ценностей...

Ирина, 51 год

* * *

Волею случая мне повезло прочитать ряд произведений Екатерины Соколовой, включенных в эту книгу, до их публикации, и я искренне благодарен этому случаю.

Крайне редко возникает такое ощущение, что, прикоснувшись к чужому творчеству, ты будто колодезной воды напился и стал чище, стал лучше видеть жизнь во всем ее многообразии. И за это дорогое чувство я искренне благодарен автору.

И это притом, что ситуации, которые она описывает, в принципе непростые. Героям (героиням) сопереживаешь, хочешь помочь, что-то подсказать. Фабулы вполне жизненные, отдельные персонажи узнаваемы, поневоле задумываешься над собственным жизненным опытом, в котором тоже случались пересечения с более или менее похожими людьми, как положительными, так и отрицательными.

В этом плане, дам небольшой, как сейчас принято говорить, спойлер: мне особенно импонирует повесть «Уроки французского» – в ней есть эпилог, из которого читатель узнает, что героиня смогла победить себя и обстоятельства, не просто вышла из своего «тела боли», а и буквально взлетела ввысь. В других произведениях открытый финал оставляет читателям широкий простор для догадок о дальнейшей судьбе персонажей.

Однако в реальной жизни хеппи-энд – явление хотя и не исключительное, но необязательное. Когда нам доводится познакомиться с интересными, а то и шокирующими обстоятельствами и событиями чьей-либо жизни, мы зачастую не знаем ни предыстории, ни дальнейшего развития событий. В большинстве случаев даже финал собственной жизни – открытая книга, и на какой ноте Бог поставит в ней точку, известно лишь Ему.

Тем жизненнее и живее персонажи Екатерины, которые, как и в жизни, возникают ниоткуда, показав тебе кусочек своей жизни (будь то прекрасное лицо или, например, уродливый шрам), а потом бурный поток жизни их бесследно уносит. Тексты написаны живым и простым русским языком без малейшего налета вычурности или манерности, что только добавляет к ним доверия. А коллизии и страдания, через которые проходят героини по чужой воле, заставляют задуматься: не совершаешь ли ты сам вольно или невольно ошибок, которые сейчас или через годы принесут боль живущим возле тебя людям.

Не скажу, что сам после прочтения испытал этакий катарсис, однако произведения Екатерины, которые, как может показаться, нацелены прежде всего на женскую аудиторию, заста-

вили и меня задуматься, взглянуть внутрь себя, что-то переоценить как там, внутри, так и снаружи. Надеюсь, в результате я стал лучше. За творчеством Екатерины Соколовой я теперь буду внимательно следить. Желаю ей всевозможных творческих успехов: такой богатый опыт и, главное, умение сочно и увлекательно о нем рассказать заслуживают внимания самых широких народных масс.

Владимир 50 лет, переводчик

Love story

*Да, я хочу остаться,
Но я уже разучилась любить,
Я была слишком глупа,
Я прошу тебя «Остановись, остановись»,
Я очень сожалею,
Нет, я не хотела этого!*

*Вот я стану богатой,
И подарю все тебе,
Но если тебе наплевать,
Я буду ждать тебя до последнего,
Если ты меня проигнорируешь,
Я отдам тебе последний вздох в моей жизни.*

Индилла, «Love story»

– Я одного не могу понять – как они меня нашли?! – прижимая подбородком телефон к плечу, эмоционально говорила Мария, преподавательница русского языка и литературы тридцати пяти лет, неся в руках сумки с продуктами.

Пластиковые пакеты начинали неприятно впиваться ей прямо в пальцы, грозясь уже нанести реальный порез.

– Подожди, Вер, я телефон переложу, плечо затекло, – наконец, остановившись и выдохнув, перевела дух Мария.

– Машк, ты что, наушники себе так и не купила? Ты ж два года собираешься! – зазвенел в трубке бодрый, не знающий возражений голос Верки, – А, ну как всегда! Ежики плакали, но продолжали есть кактус!

– По-моему, это все-таки были мыши, которые мечтали стать ежиками, – засмеялась Мария. – Вера Павловна, ну посудите сами, – с новыми силами, поудобнее повесив пакеты на пальцы и переложив телефон, продолжала Маша, – бедного парнишку вместо каникул хотят обязать ежедневно заниматься русским и французским все лето! А как же отдых? Не говоря уже о том, что я так и не добилась от тебя информации, откуда они вообще взялись с таким рьяным желанием заниматься именно у меня. Ладно, передай им, что я подумаю. Но в любом случае – после конференции в Ялте! Чеховские чтения будут, я материал год готовила! И кстати, уже купила билеты на поезд! Чехов, Ялта, море – ммммм, – улыбнулась Мария.

– Спасибо, Маш, я знаю, что ты никогда не откажешь.

– Вер, подожди, второй звонок. Мама звонит. Я позвоню тебе позже!

– Ну, ма-а-ма – это святое, – протянула Вера и отключилась.

Это было последнее, что помнила Мария о том дне. Потом начинался какой-то бред. Опьянение бредом. Шок. Боль. Обида. Снова боль. И четкое ощущение неизбежности.

Ключ, поворачивающийся в замочной скважине, превращался в голос Машиной мамы, обращавшейся к ней с просьбой. Самой жестокой и бессмысленной, которую только можно было вообразить. Мария старалась не терять нить разговора, но связь с «здесь» и «сейчас» все равно мучительно покидала женщину.

Она уже ставила сумки в коридоре, когда ее мать прокричала в трубку:

– Я твоя мать! Мать! Забыла?! А еще ты, видимо, забыла, что квартира, в которой ты живешь, все еще принадлежит мне! И я могу с ней сделать все, что захочу! Ты поедешь во

Францию, заплатишь свою часть за дом, будешь переводить все, что понадобится. Потому что я так решила! – с нескрываемой злобой прокричала Машина мама и энергически бросила трубку.

Для Марии подобное отношение в семье было не новостью. Она давно привыкла и к крикам, и к обвинениям. Но то, что заставляла ее сделать мама в этот раз, казалось чем-то... нереальным.

Мария аккуратно разобрала сумки, достала фильтры с полки, затем запрятанную на особый случай баночку дорогого кофе. Отсыпав ровно три ложки, она впервые за много месяцев включила свою старенькую дешевую кофеварку.

Когда кофе был готов, она, медленно и смакуя каждое движение, налила себе кофе в огромную белую чашку, села за стол и набрала Вере.

– Как-то ты быстро в этот раз, – зазвенел бодрящий, возвращающий в реальность голос Верки.

– Она в приказном порядке просит меня во Францию поехать, как раз на те даты, когда конференция в Ялте запланирована.

– Ну о Франции ты всегда мечтала. Правда, почему именно сейчас? И почему ты говоришь голосом, как из преисподней?

– Она хочет, чтобы я поехала с Володей и его второй женой. В Ниццу. И еще она хочет, чтобы мы там одну виллу на троих сняли – так, типа, дешевле. Володя, как ты помнишь, за десять лет французской спецшколы язык так и не освоил. А французы, сама знаешь, любят, когда к ним обращаются на родном. Вот мне и надо поехать в качестве третьего вилласъемщика и переводчика. Вера, но это безумные деньги!

– Чего? – выронила чашку из рук Верка. – С Володей и его женой? В одну виллу? И ты еще платить за это должна? Если не секрет, то сколько?

Мария, задыхаясь, произнесла сумму, равнявшуюся ее годовому заработку.

– Господи, – прошептала Верка, – и об этом тебя мама попросила?!

– Вер, ну она мне добра желает. Все эти годы, несмотря на мое рьяное желание, она не разрешала мне поехать во Францию одной – опасно. А тут вроде как Володя рядом, плюс он на машине. Знаешь, что самое смешное? Все эти годы я действительно мечтала попасть во Францию именно с ним. Ходить по уютным улочкам, пить кофе. Но в моих мечтах не было ни его жены, ни виллы, за две недели проживания в которой мне придется отдать весь свой денежный запас, – с болью в голосе произнесла, стараясь не плакать, Мария.

– Откажись, – стукнула голосом Верка. – Выселит из квартиры – у меня поживешь! Откажись! Ты же умрешь там! Я же знаю, как ты в него влюблена была!

– Двадцать лет прошло! И потом – это, действительно, такая возможность!..

Время бежит с неумолимой скоростью – факт всем известный. Вот только мало кто может представить, что для человека, внутри которого живет надежда, школьная математика не работает, и один год равняется вечности.

Володя был сыном маминой ближайшей подруги и одноклассницы тети Лены и по совместительству лучшим гитаристом школы. Боже, как же он пел! Ему впору было ехать в Голливуд и записывать саундтрек для какого-нибудь известного фильма. Учеба его интересовала мало, французский (несмотря на элитную французскую спецшколу) – еще меньше. Они росли вместе, пели вместе. Маша делала за него домашние задания и отдавала свой бутерброд на завтрак, он наспех благодарил ее и небрежно целовал в ухо. Собственно, вот и все, что связывало их в школьные годы.

Потом были бесконечные «своднические» попытки их родителей, закончившиеся бунтом Володи и женитьбой... не на Маше. За скорой свадьбой пришел скоропостижный развод. Володя, по своей вечной безалаберности успевший приобрести на мамины деньги квартиру в одном из строящихся домов, потерял не только жену, но и деньги – дом так и не построили, но,

поскольку квартира была «совместно нажитым», первая жена без зазрения совести мстительно потребовала половину ее стоимости...

Потом была череда неудачных проектов и таких же неудачных Володиных романов. Казалось, Володя мстил сам себе, что, повинаясь родителям, стал экономистом, вместо того чтобы заниматься музыкой.

И вот недавно он женился второй раз. На девушке значительно младше себя, бывшей модели. В его жизнь пришло некое подобие стабильности, нарушаемое лишь постоянной критикой его жены, которой, по ее мнению, он не смог обеспечить достойное существование.

С Машей они ритуально поздравляли друг друга каждый год с днем рождения и Новым годом. Ну, собственно, и все. Хотя... Маше до сих пор казалось, что та детская любовь никуда не делась – именно этим она оправдывала свое многолетнее одиночество и нежелание впускать никого в свою жизнь.

История с виллой с самого начала ей не понравилась. Почему она? Зачем? Зачем Франция? Почему именно сейчас? На все эти вопросы у Марии ответа не было, как и не было сил спорить с собственной мамой. И хотя на кону стояли огромные деньги, Маша подчинилась.

– А вот и сама «Мисс Франция», – язвительно прошептала жена Володи, красавица Ирка, незадолго до объявления посадки, и по лицу у нее пробежала улыбка омерзения. – Надеюсь, вы рады, что мы едем в таком составе? – В ее голосе звучал нескрывааемый сарказм.

Мария почувствовала себя неловко, но ничего не ответила. В конце концов, разве не об этом она всегда мечтала? Франция, море, мороженое...

Впрочем, уже в самолете Володя и его жена стали ссориться. Громко и как будто сценически. Ирка, растолкав стюардесс, демонстративно ушла в бизнес-класс и больше не появлялась до конца полета. Володя закрыл глаза и, не обращая никакого внимания на Марию, пытался притвориться, что спал.

По прилете во Францию ссоры продолжились. Как будто Ирку раздражало все: небо, море, люди, но больше всего, конечно, ее раздражала Маша. Когда бы она ни обращалась к несчастной учительнице, в ее вопросе звучала нотка раздражения и злобы:

– Мария, вы, говорят, много работаете? А каково это – быть не замужем в тридцать пять? Я бы со стыда сгорела!

– Мария, надеюсь, вы к пляжному сезону хоть немного подготовились, и нам не будет за вас на пляже стыдно?!

В какой-то момент Маша начала считать, сколько раз за день ее унизили, и насчитала двадцать четыре.

Впрочем, помимо философских проблем были еще проблемы житейские, а именно: чем вся компания будет завтракать на следующий день. Но в этот раз это как будто интересовало одну только Машу. Она одиноко сходила в одинокий неприметный супермаркет и предусмотрительно купила яйца, йогуртов и кучу другой еды, которой в случае необходимости хватило бы на всех.

В первый же вечер Володя и его жена снова поссорились. Ирка надела довольно откровенное платье и со словами: «Пойду искать себе нового мужа», – ушла, вернувшись аккурат к завтраку.

Не обращая внимания ни на рычащего Володю, ни на Машу, предусмотрительно наготовившую стопку блинов, Ирка злобно плюнула словами:

– Что, мисс «Правильный французский» никогда не умирала от похмелья?

Маше показалось, как будто ей снова пятнадцать...

Володя и Ирка снова сценически ссорились. Потом также громко помирились. Где-то к обеду они как ни в чем не бывало зашли без стука в Машину комнату, и Ирка, ненатурально приобнявши учительницу, торжественно произнесла:

– Поехали в город! Нам понадобятся услуги переводчика!

Нетрудно догадаться, что было дальше. Только с одной поправкой – они едва не попали в аварию на арендованной машине. И хотя опыт у Марии был небольшой, она уговорила Володю уступить ей водительское сиденье, и весь оставшийся день Маша работала не только переводчиком, но и водителем.

Вечером Володя и Ирка снова картинно-образцово ругались.

– Ты неудачник и слабак! Как я вообще могла согласиться на такое! Притащил сюда эту жирную корову, которую мы вынуждены везде за собой таскать, – жадно заглатывая воздух, возмущалась Ирка.

– Куда ты собралась?! – с нескрываемым волнением в голосе проорал Володя.

– Я собралась петь, танцевать и напиться. И, может быть, найду себе какого-нибудь действительно богатого парня, который привезет меня на виллу, где мы будем только вдвоем, ходить голышом и заниматься сексом.

Нетрудно догадаться, что случилось потом. Складывалось ощущение, что Ира – это некий робот, настроенный на смены настроения по определенному графику.

Вечером второго дня Марии самой понадобился спасатель:

– Вер, они опять ругаются. Она сейчас хлопнула дверью и ушла. Я снова чувствовала себя маленькой девочкой, слушающей скандалы родителей.

– О Боже! Маш, ты что еще не поняла? Не поняла, куда тебя втянули? Так я объясню. Твой любимый Володечка в очередной раз вляпался в дерьмо. В красивое такое, эффе́ктное, модельное дерьмо. А тебя назначили спасателем. Ты в детстве за него сочинения писала, французский делала. Вот и вырос мальчик – нечего сказать – образцовый. Женился на какой-то безмозглой дуре, которая потащила его в Ниццу и виллу заставила снять стоимостью как иномарка. И что же наш мальчик? Снова за помощью побежал. Только на этот раз умнее заход сделал – через ваших матушек. Маш, черт подери, тебе объяснить, почему она бесится? Потому что она хозяйкой себя здесь не чувствует! Тебя бы еще потерпели как домработницу, так ты ж со своими душевными разговорами и блинами к мужу ее лезешь. Она уже все испробовала, а ты все никак не уезжаешь! Ты не понимаешь этого, что ли? – задыхалась от объяснений возмущенная Верка.

– Слушай! Вот почему она мне, когда я в первый день завтрак приготовила, сказала: «Вова, ты глянь, у нас личная домработница!»

– Господи, – уже срывалась на настоящий крик Верка, – это что, игра такая? Называется «Убей мою самооценку за мои же деньги?» Смотри, чтоб она тебя ночью не задушила. Такая зарежет и не подавится. Маш, хочешь совет? Бери билет на ближайший самолет и возвращайся. Чем скорее, тем лучше. Денег ты не вернешь, ясное дело. Но хотя бы жива останешься. Что там у этой психопатки на уме – никто не знает!

– Мне мама башку оторвет, – закрывая лицо руками, шептала Маша.

– Маша, ну как тебе объяснить? Ты за эти два дня спала от силы пару часов из-за их бесконечных скандалов. Вы едва не попали в автокатастрофу. Сейчас она напьется, ее изнасилуют местные бомжи, – а виновата ты! Потому что из-за тебя она ушла! Потому что с такими, как ты, вместе отдыхать невозможно! Маша, – пытаясь успокоиться, говорила всегда сохраняющая рациональное зерно в рассуждениях Вера, – беги!

Второй день странного отпуска подходил к концу. Но Машу преследовало чувство, что, несмотря на «шантаж» матери, ей приезжать не следовало. Надо было принимать какое-то решение. Надо было, наконец, становиться взрослой.

И Мария это решение приняла. Но напоследок ей важно было все-таки объяснить *ему*. Зачем? Она и сама не знала.

– Маш, я хочу тебе верить, но не могу. Уж слишком странно все это, – закрыв глаза, сказал Володя.

– Я могу это доказать. Подожди секунду.

Маша ушла в свою комнату, а, вернувшись, держала в руках папку, в которой лежали какие-то бумаги.

– Вот посмотри, – протягивая голубой листочек, сказала Маша, – под номером пять мое имя и мой доклад. А вот билеты. Или скажешь, что это тоже поддельное?

– Что это? – автоматически произнес Володя.

– Это программка и билеты на поезд. Как раз сейчас вместо того, чтобы разбираться в сложных хитросплетениях твоей семьи и слушать истерики твоей жены, я должна была быть в окружении умнейших филологов. И доклад этот я готовила год! Понимаешь? Год! Меня вообще не должно было здесь быть! – начинала выходить из себя Мария.

– Но идея с виллой была твоя! Это же ты внесла депозит, и твоя мать моих просто перед фактом поставила.

– Иванов, я смотрю, у тебя после школы мозгов не прибавилось! – прокричала Маша, сама не веря в то, что говорит. – Для меня подобная поездка – это огромные деньги! Огромные! Понимаешь? Честно заработанные! И в отличие от тебя я деньгами разбрасываться не привыкла! Это меня мама перед фактом поставила, сказала, что вы уже депозит внесли, и рассчитываете на меня. И что, если я откажусь – вы потеряете деньги, а она тетю Лену потеряет как подругу, – уже не сопротивляясь слезам, кричала обезумевшая Мария.

– Маша, но все было не так! – неистово орал ей в ответ Володя. – Да, Ирка истеричка и любит роскошь! Но ни ей, ни мне, ни тем более моим родителям в голову бы не пришло такое извращение. Они сидели втроем: наши мамы и Ирка, и эта маленькая дурочка показала им виллу эту на букинге, вот, мол, как было бы здорово хоть раз в жизни провести в такой вилле отпуск. Она сказала и забыла – для нас сейчас это неподъемно, мы ипотеку брать собрались. А на следующий день звонит твоя мама и говорит, что это отличная идея поехать втроем, и что ты загорелась и уже внесла огромный депозит, вернуть который нельзя. Но разговора про *втроем* вообще не было! То все твоей матушки домыслы – я Ирку заставил потом поминутно весь их бабий треп вспомнить! Ты знаешь, что у нас в тот вечер было? А твоя мама в слезы – мол, она, наверное, неправильно поняла. Но деньги-то уже заплачены. Ты думаешь, мы не понимали, какой это бред – ехать *в отпуск в таком составе*? Ирка, естественно, подумала, что ты нам за что-то мстишь, поссорить хочешь. Ты думаешь, ей легко? Ты думаешь, мне легко?

Мария слушала с трудом. Точнее, слушала, но не слышала. Крича, Володя размахивал руками так сильно, что стал напоминать марионетку в кукольном театре. Да, впрочем, марионетками они были здесь все...

– Я не верю. Она не способна на такое.

– Способна, как видишь, – отчаянно прокричал Володя и закрыл лицо рукой. – Я не знаю, что делать. Я не хочу ее потерять. А после этой поездки она от меня точно уйдет.

Мария вдруг почувствовала такую невыразимую жалость к этому тридцатипятилетнему мальчику, который, даже сейчас, зная, как тяжело ей, в отличие от него, достается ее хлеб, мог думать только о себе и своей личной жизни.

Она пошла на кухню и начала выполнять свой ритуал – открыла дверцу полки, достала кофе, включила кофемашину...

Володя сидел на балконе, плакал и курил.

Мария разлила кофе по чашкам. Открыла балконную дверь. Поставила одну чашку на перила напротив Володи.

– Помнишь, как в детстве я за тебя сочинения сдавала? За тебя и за твоих друзей? В результате, вы ни одного сочинения не написали, а я писала по четыре штуки! И ведь надо было написать четыре разных! Сколько ж мне тогда читать приходилось! – засмеялась Мария, отпивая кофе.

– А знаешь, – продолжала она, – Я была в тебя так сильно влюблена, что силы брались сами по себе – так я хотела тебе понравиться. А что в итоге? Я к концу десятого класса прочи-

тала столько, что в институт поступила вообще без проблем. А теперь – у меня работа, которую я обожаю, коллеги, которые стали мне семьей. Серьезные люди звонят и просят учить их детей. И все почему? Потому что в попытках доказать тебе, какая я хорошая, я сама себе скульптором стала. Я сама себя высекла из камня. А теперь, также благодаря тебе, я смогу, возможно, «освоить жизнь». Спасибо тебе за это, – допив кофе, поставила чашку на стол Мария, и, глядя вдаль, медленно поднялась со стула.

– Куда ты?

– В аэропорт. Вот, – протягивая Володе ключи, тихо произнесла Мария. – Думаю, объясниться с лендлордом твоего французского хватит. У вас есть одиннадцать дней, чтобы попробовать спасти свой брак.

– Ты не обязана, – по-директорски «выстрелил» он.

– Я делаю это не для тебя, а для себя. Я-то со своей жизнью разобралась, хоть и стоило мне это моих накоплений, а тебе со своей – еще разбираться и разбираться. Прощай!

Мария еще долго вспоминала огни ночной Ниццы. Ей хотелось запомнить все: яхты, плывущие по морю, которые при приближении к берегам превращались в автомобили и продолжали плыть по суше; девушек в невидимых платьях, сидящих нога на ногу, весело щебевших что-то на ее самом любимом французском языке; запах рыбы и острого соуса.

Как же хотела она когда-то оказаться *здесь с ним!*

Самолет улетал, оставляя позади Володю, виллу и Машино детство.

Верка с мужем, как и обещали, встретили ее в Москве.

– Что-то в тебе изменилось за эти два дня, Маш. Не хочешь к нам поехать? Витька плова наготовил.

Мария лишь отрицательно замотала головой.

Уже когда они подъезжали к дому, она снова неожиданно для себя произнесла:

– Вера, спасибо тебе!

– Да прекрати, мы вот с Витьком в кои-то веки по ночной Москве проехались.

– Вера, спасибо тебе! – повторила Мария. – Ты и наши девчонки – моя семья. Я никогда не говорила...

– А ты моя, – со слезами на глазах произнесла обычно непробиваемая Верка.

Еще не успев толком разобрать чемодан, Мария услышала звонок своего сотового.

Экран зловеще сообщал: «Мама».

– Машка! Слышишь меня, дурище ты, молоко на губах не обсохло! Звонила тетя Лена, сказала, что ты в Москву улетила и бросила Володю с женой! Что, вилла не понравилась? Тварь избалованная! Не нравится? Во Франции не нравится? А потерпеть ты не могла, как я терплю тебя все твои 35 лет? Ты опозорила меня, опозорила в глазах тети Лены и Володи. А ведь тетя Лена – моя подруга, подруга детства! Тебе, видно, такие слова не знакомы! Как я теперь им в глаза смотреть буду – ты обо мне подумала, эгоистка? А?! Всю твою жизнь от тебя одни неприятности! Это моя подруга, моя ближайшая школьная подруга! И не смей деньги обратно за виллу просить! Ты мне больше не дочь!

Ты...

Не выключая телефон, Маша отнесла его в ванную, положила на полку, вышла и закрыла за собой дверь.

Все персонажи данной истории выдуманные. Любое сходство – чистое совпадение.

И сердце почувствует спицу...

Какие физические реакции мы чувствуем, когда нас обесценивают, и почему мы не придаем им значения?

Три недели назад я бежала мимо метро по дороге в банк. Народ струился по узкой улице, туда-сюда шныряли попрошайки, продавцы колготок и хурмы. Пара узких глаз остановилась на мне, и что-то помимо моей воли стало тянуть меня из этого неуправляемого потока.

– Катюша, – улыбнулись узкие глаза – как твои дела? А я думаю, ты или нет? У тебя есть время? У меня тут две такие беды, сейчас я расскажу тебе, ты ж юрист, сможешь мне помочь.

Я стояла, словно приклеенная к асфальту. Нина Альбертовна! Ну как же! Давняя приятельница моей мамы и по совместительству моя репетитор по английскому в пятом-седьмом классах, – факт, который на протяжении долгих лет давал ей санкцию использовать маму как «эмоциональную помойку», а меня – как бесплатную юридическую консультацию. Если Нина Альбертовна звонила, я иногда убегала в другую комнату – иначе мне пришлось бы потратить три часа своей жизни на horror stories о ее детях, дачах и прочем. Впрочем, в последнее время Нина Альбертовна и внешне все больше и больше походила скорее на персонажа из фильма ужасов, чем на человека с дипломом иняза.

– Катя, у нас такая трагедия. Мою Жанну (младшую) выгоняют из института. Ничего делать не хочет. Вот еду с сумками и пакетами разговаривать с администрацией. Я живу на даче, писаю в ведро, отдала им квартиру, оплачиваю ей учебу, а она только мужиков водит кавказской национальности, все время новых, которые к тому же все время что-то из квартиры подворовывают.

«Ну, понеслось, – пронеслось у меня в голове, – в банк я сегодня точно не попаду».

– А еще у нас же суды длятся уже пять лет. Ведь мои родители оставили мне полдома в Саратовской области, а другая половина принадлежит какой-то стремной тетке-риэлторше. И она не хочет согласовать со мной границы участка. Подержи, пожалуйста, мои вещи. Я сейчас в туалет сбегаю.

Внезапно я и сама оказалась обвешанной старыми сумками Нины Альбертовны. Но не успела я и выдох сделать, как мне уже показывали странные фото какой-то клетки – как оказалось, то были фото из зала суда, где проходили процессы по делу ее дачи. Ну действительно, где еще фотографироваться?

– А еще моя средняя, Сима, ты ж знаешь. Она инвалид. И хотя она получила высшее образование, никуда ее на работу не берут. И вот она живет вдвоем с Жанной, и мужики Жанны все время пытаются у нее, бедняжки что-то своровать.

Вот тут-то меня и пробило. Меня вообще не так сложно пробить на эмоции, когда речь идет о детях токсических родителей.

Я вспомнила, что моя подруга работала с организацией, помогающей инвалидам в устройстве на работу. Я сказала, что постараюсь помочь. И дала свой e-mail.

– Катя, ну расскажи, как твоя мама? – получив свое, переключилась Нина Альбертовна. – Она же такой человек хороший, такой добрый, но почему такая несправедливость?

Мне в очередной раз пришлось рассказывать долгую историю болезни моей мамы и то, как сложно мне было решать многие административные вопросы, с этим связанные.

– И да, Нина Альбертовна, никто из ее подруг мне, к слову сказать, не помог. Никто.

Нина Альбертовна попятилась назад, при этом ее рот оторвался в оскорбленном порыве.

– А что мы-то сделаем? Что сделает Лидия Викторовна или Виктория Павловна?

– Да, мне очень тяжело, – продолжала я, – спасают только поездки к любимому в другую страну. А то у меня на нервной почве руки и ноги немеют.

– А ты перчаточки теплые надень, – улыбнулась Нина Альбертовна.

И я почувствовала спицу внутри. Да, именно ощущение, что мне воткнули ее прямо в сердце.

Вот на этом моменте мне надо было замолчать... и бежать... в другую сторону, ведь то была реакция моего тела на так называемое «обесценивание».

Но нет. «Комплекс хорошей девочки» и тут победил. И я, словно школьница на уроке, продолжала подробно, с чувством, с толком, с расстановкой рассказывать про диагнозы моей мамы и их лечение. И снова мой правдивый рассказ был прерван словами, которые почему-то прозвучали очень гадко:

– Ты мамочку не бросай, – вытягивая свои тонкие губы, произнесла Нина Альбертовна, покачивая своим старым тощим пальчиком.

И мне опять стало плохо. Теперь уже намного больше. И снова я не придала этому значения.

– Катя, а я писаю в ведро и живу на даче. Девочкам своим любимым квартиру в Москве оставила. Но младшая, Жанна, спит с кем попало, в основном, с парнями с Кавказа, с уголовным прошлым. Они у нас из квартиры постоянно что-то воруют. И даже у моей средней, Симы, – а ты знаешь, она инвалид второй группы, – кошелек и деньги несколько раз пытались украсть. Она поэтому собаку себе завела.

Симу я помнила. Красивая милая девочка с огромными глазами и потрясающими волосами, своей инвалидностью она напоминала красивую дорогую сломанную куклу, которую бросили, едва наигравшись.

– А мой старший сын уже профессор, вообще со мной не общается. Знать меня не хочет. У него жена, детки, а мы вообще не видимся... Он такой подкаблучник, только жену слушает. И деньги все – только ей.

Вот тут во мне внезапно проснулся здравый смысл. Проснулся... и, к сожалению, тут же уснул, потому что я решила для себя (со своим комплексом вечного спасателя), что непременно должна помочь Симе. И я помогла. Я позвонила своей близкой подруге, работавшей в свое время в организации, помогающей устраиваться на работу людям с инвалидностью, и попросила помочь.

Да, к слову. Нина Альбертовна очень настойчиво просила мой телефон. Я настойчиво давать его ей не хотела – тут опять работала скорее логика тела, чем разума.

– Да ты не хочешь мне свой телефон давать, – начала вешать на меня «вину» и «стыд» Нина Альбертовна.

И я опять сдалась. И дала ей свой номер. Резюме Симы я, соответственно, переслала своей подруге.

Прошло три недели. И сегодня, в воскресенье, раздается звонок.

– Катя, здравствуй. Это Нина Альбертовна. Как ты? Как мама?

– Нина Альбертовна, я на вопросы про маму больше не отвечаю. Что вы хотели?

– А я звоню, чтобы послать тебя на хуй. Потому что до этого твои друзья послали на хуй и обидели мою Симу.

– До свидания, – сказала я и повесила трубку.

Сердце выпрыгивало из груди. Но руки и ноги уже не немели... Но не успела я порадоваться, как быстро от меня отстала эта ненормальная, как получила от нее чудное смс:

«Ты с пиздецей. Бедная твоя мама!»

Сразу почему-то вспомнилась моя же статья про токсичность и преследование.

В одном я была уверена: моя близкая подруга – человек ответственный и интеллигентный. Ее коллеги, каждый день помогающие людям с ограниченными возможностями, никогда не послали бы на три буквы никого.

И тут же я получила сообщение от этой своей подруги. Привожу его текст практически дословно.

«Катя, за свою коллегу из той организации я ручаюсь: она никогда не будет посылать никого матом. И перед твоим сообщением (как бы воскресенье вечер, нерабочий день) я получаю смс от той самой коллеги – она работать с этой девочкой не сможет: девочка была вполне адекватной и вменяемой, потом стала вести себя странно, потом появилась мама, названивала, качала права и угрожала. Моя коллега работать с ними не сможет, но я не понимаю, это что ж надо было такого сказать ей, человеку, каждый день устраивающему на работу огромное количество людей, в том числе с ментальными нарушениями».

Данная история является личным опытом автора. Имена персонажей изменены.

Новогоднее...

С детства Лиза ненавидела 31 декабря, потому что в этот день ей, невидимой, как ей казалось, крошечной серой мышке надо было и вовсе надеть волшебный колпак и превратиться в человека-невидимку. Будучи маленькой девочкой, она хорошо помнила, как любое ее слово, любой ее шаг в этот день вызывал «вулканическое извержение» мамы.

Шли годы. Лиза закончила школу. Потом институт. Но праздник по-прежнему носил для нее неприятно-терпкий запах. Мама по-прежнему много готовила и устраивала истерики, папа по-прежнему обижался, уходил в другую комнату и молчал. Лиза пробовала помогать маме в приготовлении еды и пробовала не помогать, пробовала разговаривать с ней в этот день и пробовала не разговаривать, – итог был один: во всем, что случалось в этот день, виновата была Лиза, и только она. В том, что отключили горячую воду, в том, что тесто «не подошло», в том, что мама сожгла утюгом любимое платье... Новый год уже давно превратился для Лизы в «стресс-марафон», победителями в котором были просто выжившие.

Но у Лизы были друзья... И была, как ей казалось, ее волшебная крестная, ее вторая мама, тетя Люся – бывшая коллега с работы.

В отличие от Лизиной мамы, тетя Люся всегда являла собой само спокойствие и самодостаточность. Она никогда не позволяла себе поднять голос или опуститься до обвинений. И именно к тете Люсе (которая много лет подряд приглашала Лизу встретить Новый год) Лиза и отправилась одним новогодним вечером, предварительно позвонив ей и поинтересовавшись о планах женщины.

– Боже, Лиза, как я рада тебя слышать. Да что ты по телефону, – просто приезжай. Поболтаем, чайку попьем. У меня тут столько вкусностей. Приезжай! Наконец, с дочкой моей познакомишься и моими бывшими коллегами из министерства!

«Русский язык богат, прежде всего тем, что даже в таких, казалось бы, банальных словах, как глаголы движения, мы, русские, всегда можем прочесть нечто неуловимое, понятное только нам», – думала Лиза на следующий день, первого января.

И Лиза «уехала». Именно *у-ехала* (не *при-* и не *по-*). И, быть может, именно это и стало ее роковой ошибкой.

Вооружившись огромным подарком, состоящим из всякого рода вкусностей и вин из всем известного магазина, Лиза нажала на кнопку звонка.

– Лизочка, дорогая, – открыла ей дверь «забигудированная» тетя Люся в халате – как здорово, что ты пришла! А я, видишь, ничего не успеваю!

Лиза на секунду замерла: ее взору предстала прекрасная чистая сталинская квартира тети Люси, наполненная запахом свежих фруктов, печеного мяса, рыбы под маринадом и терпких тетилюсиных духов.

– Это вам, тетя Люся, надеюсь, понравится!

– Боже мой, это что? Конечно, понравится! Заходи, проходи на кухню. Чай хочешь?

– Да, с удовольствием, настроение уже новогоднее!

– Ох, да ведь уже все чашки на столе и стаканы тоже! А, ну вот как раз одна чашка есть, отколотая, которую я как раз не стала на стол ставить. Сейчас я тебе чайку налью. Ну рассказывай – как твои дела? Как работа?

– Да, работа потихоньку. Хотела как раз вашего совета спросить по поводу одной барышни. Не могу понять, что ее во мне так раздражает, честное слово.

– Рассказывай. Я тебе помогу и все подскажу. Будешь делать, как я скажу – не будет у тебя никаких проблем.

Лиза почему-то вздрогнула, услышав эту фразу. Тетя Люся частенько произносила ее, когда у Лизы были «проблемы», но потом внезапно пропадала на несколько месяцев, так что

«проблема» либо решалась сама, либо исключительно Лизиными выдающимися дипломатическими способностями, как говорили о ней друзья.

Лиза неожиданно для самой себя снова, как в юности, стала подробно рассказывать о наболевшем – о коллеге, которая ее все время «гнобит», о том, как ей в обход внутреннему уставу не повысили зарплату, навесив обязанности.

Внезапно из ванны показалась уже красиво уложенная с идеальными кудряшками голова тети Люси. Один глаз был накрашен, в то время как второй, дожидаясь своей очереди, злобно косился на Лизу.

– Лизанька, слушай, – перебила ее на полуслове тетя Люся, – это так здорово, что ты пришла! Так здорово! Ты мне рыбу не поможешь разделить? А то я как-то время не рассчитала и вот уже бигуди сняла, а сейчас начну рыбу разделявать, и волосы все рыбой пропахнут.

– Тетя Люся, извините меня пожалуйста, я ради вас, что угодно сделаю, но рыбу – не просите. Я не умею. У меня в плане рыбы руки не из того места растут. Я вам все испорчу.

Лиза покраснела. Ей действительно было искренне стыдно за то, что к своим двадцати пяти, несмотря на полученные два образования, она так и не научилась разделявать рыбу. Правда, откуда-то из глубины вылез Лизин страх запачкать ее новое платье и великолепный дорогой салатный пиджак, но этот страх быстро пропал под тетилиусиной светлой улыбкой.

– Неумеха ты моя, неумеха. Ничего, тебя сейчас тетя Люся научит. Главное, осторожненько так, хоп, хоп.

Говоря «Хоп», тетя Люся подняла на Лизу глаза и как бы доверчиво улыбнулась, но у Лизы почему-то мурашки побежали от этой улыбки.

– Сейчас я на тебя фартучек надену, и все у тебя получится, – надевая старый фартук, приговаривала тетя Люся.

На мгновение Лизе стало тяжело дышать: фартук, который с такой показной любовью надевала на нее тетя Люся, внезапно показался ей паутиной, а сама Лиза чувствовала себя жертвой в логове страшного зверя.

Лиза подчинилась. Осторожно, перебирая косточку за косточкой, она стала отделять кусочки рыбы. Все ее внимание в этот момент сосредоточилось на том, чтобы 1) сделать все красиво, 2) не испачкать новый пиджак, 3) не поранить пальцы.

А тетя Люся напротив, докрашивая второй глаз, как будто бы ожила:

– Я давно говорю тебе, Лиза: тебе надо иметь свое мнение! Ты не должна просто так терпеть, когда тебя обходят в плане зарплаты. Так и до пенсии досидеть можно на мизерной должности. Ух ты моя умница, смотри, как хорошо у тебя получается! Сейчас доделаешь и давай салаты на стол неси. А я пока мясо в духовке включу.

Лиза вымыла руки, покрасневшие от бесконечной, как ей казалось, рыбины, и стала носить салаты в прекрасно обставленную гостиную тети Люси.

Гостиная поражала своим великолепием: огромные хрустальные люстры, деревянный XIX века стол, пианино с подсвечниками – все говорило о том, что здесь жили «высокообразованные» и «высокоморальные» люди... ну, по крайней мере, по Лизиним понятиям.

Пока Лиза старательно выносила салаты и закуски на стол, тетя Люся уже сменила халат на прекрасное шелковое коричневое платье в кружочек.

«Какая же она все-таки аристократичная!» – подумала про себя Лиза.

Тетя Люся же в свою очередь продолжала свой монолог:

– Где твоя самодостаточность? Где твоя гордость? Где твое достоинство? – декларировала тетя Люся, подавая Лизе очередную закуску из холодильника.

Огромные напольные деревянные часы гостиной пропели долгое и звучное: «Бом».

– Это уже пять тридцать? Боже, мои подруги придут через полчаса. Лиза, солнышко, спасибо тебе огромное, что зашла и помогла. Так приятно! Ты уж не обижайся, но тебе пора

уходить. А то гости вот-вот придут. Сама понимаешь, тут праздничное настроение, не хочу, чтоб тут кто-то в коридоре толпился.

И по мановению волшебной палочки Лиза уже оказалась одетой в свою теплую куртку и стоящей во дворе тетилюсиного дома. Она понимала, что произошло что-то... что-то очень гадкое и несправедливое... но с кем и как это произошло – она понять никак не могла.

«Как-то неудобно получилось, – подумала Лиза, – Она, наверное, не поняла, что я хотела тоже на Новый год остаться. А возвращаться как-то неудобно. Куда ж мне теперь идти? И денег я столько потратила на подарок...

Ехать домой Лизе совсем не хотелось, но еще больше не хотелось по второму кругу разделять чью-то рыбу. Внезапно она вспомнила, как ее бывший тренер по верховой езде приглашала приехать на праздник к ним в парк Тропарево и встретить Новый год на конюшне.

– Жанна, привет, это я, Лиза, – начала неуверенно девушка, – как дела? Вы сегодня на конюшне?

– Конечно на конюшне! Приезжай к нам! У нас хозяин кафе сегодня всех бесплатно пирогами и чаем угощает по случаю!

– Жанн, слушай, мне так неудобно! Может, купить чего?

– Да, давай, как обычно! Кило моркови и кило сухарей, можно два, чтобы наших зверюшек порадовать.

– Жанн... Только я в вечернем платье...

– Ничего страшного! Посидишь с нами в кафе, встретим Новый год и потом гулять поедем. Приезжай, не сомневайся, тебе у нас понравится!

В компании трех тренеров по верховой езде и десяти лошадей Лиза все-таки встретила Новый год.

Одиннадцатого января, получив заказ, сотрудники прачечной еще долго не могли понять: это ж как надо было отметить Новый год, чтобы итальянское платье дорогой марки пахло одновременно навозом и испортившейся рыбой.

Все персонажи данной истории выдуманные. Любое сходство – чистое совпадение.

Кукла Даша

Глава 1

«Что есть «нормальность»? Рациональная теория, за которую человечество зацепилось много лет назад в надежде хоть как-то упорядочить общество в короткие периоды мирной жизни. На самом деле это гротеск, рациональная иллюзия. Сама категория «нормальности» меняется в зависимости от уровня культуры и общественного строя».

Даже спустя восемнадцать лет она помнила наизусть все его лекции. Все до одной могла их воспроизвести слово в слово. Они врезались в ее мозг и тело. Они не сформировали, нет – они вырезали ее характер и форму, с силой оторвав и выкинув все лишнее, неустойчивое.

Даша, администратор небольшого салона красоты в самом центре города, спрятав голову в себя, быстрыми шагами уверенно шла на работу. Острые мысы ее стареньких, но удивительно удобных зимних сапог набрасывались на утренний нечищенный асфальт, и ей казалось, что вместо ног у нее два огромных утюга, пытающихся оттянуть и разгладить снежное покрывало.

Словно из наушников доносился его голос. Жесткий, не знающий возражений, но удивительно добрый и понимающий.

«Каким образом может скрываться беспокойство? Иногда оно может скрываться полным отрицанием, – продолжал голос лектора внутри, – оно может скрываться физическим недомоганием. Оно может подавляться и вылезать с помощью иррациональных страхов».

Даше тогда было чуть за двадцать, и она уже несколько месяцев как трудилась в должности «уборщика производственных и служебных помещений» в небольшом частном вузе.

Она чувствовала себя призраком. Тем, кого нет в реальном мире. Тем, с кем никогда не здороваются и никогда не замечают. Некой невидимой силой, которая бесшумно задвигает на место парты, протирает пыль на полках, отдирает от пола жвачки...

Каждый день она бесшумно приходила в институт, заходила в свою темную кладовочку, надевала неприметный темный халат и шла выполнять свою монотонную работу.

Странное такое чувство. Мама часто пугала ее в детстве: «Вот не будешь учиться, вырастешь, станешь уборщицей». И, кажется, она испугалась. И стала.

Поначалу работа тяготила ее, она стыдилась своего темно-синего халата, желтых резиновых перчаток и старых дырявых тряпок, но со временем к ней пришло четкое осознание того, что никому не было, в сущности, до нее никакого дела: молодые люди обсуждали свои поездки и покупку новой машины, девушки – одежду и перспективу удачно выйти замуж. А Даша – ее здесь просто не было. Был он – халат, были тряпочки и мокрые полы, на которые «нельзя наступать студентам во избежание незапланированных травм».

«Вкус власти – это даже не вкус денег. Это ощущение владения чужой душой», – продолжал голос внутри.

Вот именно с этой фразы все и началось, нелепо и безумно. Даша тогда уже какое-то время работала «уборщиком помещений», знала наизусть многие лекции и лекторов, когда внезапно однажды вечером до нее донесся тот самый голос, голос, который вырастет в нее и станет ее невидимым спутником по жизни, ее советчиком, ее компасом.

Это был голос Виктора. Виктора Владимировича, самого молодого доктора наук института, преподавателя философии и истории философии.

Спустя какое-то время Даше даже начало казаться, что и любила она всегда не Виктора, а его голос. Тот самый, который она слушала за стенкой день за днем, вечер за вечером.

«Владение чужой душой».

Даша, взяв ведро и швабру, подошла к полуоткрытой двери аудитории и начала прислушиваться.

«Владение чужой душой при грамотном подходе может запускать процессы подавления защиты личности того, кого унижают».

Слова странного молодого человека заставили Дашу вздрогнуть и попятиться назад, как раз в то место, куда она поставила свое металлическое ведро. Как-то нечаянно стопа ее подвернулась, и ведро с звенящим звуком опрокинулось в самый низ, прихватив с собой и Дашу. Как назло, дверь в этот момент была открыта достаточно, чтобы и Виктор, и сидящие на первых рядах увидели все это действие, и в аудитории воцарился хохот.

– Виктор Владимирович, смотрите, от ваших лекций простые смертные просто штабелями падают, – прокричал какой-то высокий стильно одетый парень с первого ряда.

Все вновь дружно засмеялись.

Даша, готовая хоть сквозь землю провалиться от стыда, схватила ведро и швабру и побежала в сторону своей каморки в туалете. Ну, собственно, так все и началось.

Она бы многое отдала тогда, чтобы никогда не видеть человека, которому принадлежал *тот голос и то, что он говорил*. Но судьба распорядилась иначе.

Несколько дней Даша старательно обходила проклятую аудиторию, боясь разоблачения. Найдя в одном из пустых классов очередную жвачку, приклеенную к полу, она с энтузиазмом принялась ее отдираť с помощью ножа и растворителя, когда голос, тот самый голос, прогремел над ней, как первый июльский гром.

– Сотрудникам института разрешено посещать любые лекции бесплатно. В свободное от работы время.

Виктор опустил на корточки и, посмотрев ей в глаза, добавил:

– Совершенно бесплатно. Это наши принципы. Приходите. Я вас приглашаю.

Незаметно Дарья дошла до салона красоты. Открывая дверь, она привычно попрощалась со своими воспоминаниями, как со старыми, но верными друзьями, как муж перед работой, уходя, прощается с женой. Ее воспоминания уже давно стали ей семьей. Такой невидимой семьей.

Пока. Нужно работать.

Глава 2

Виктор сидел за столом в буфете и вполголоса рассказывал что-то своему коллеге с параллельной кафедры. Их разговор не было слышно, но по тем полужонглирующим жестам, по тому, как он поднимал брови, было понятно, что он очень чем-то возмущен.

– Вить, тебя, кажется, зовут, – засмеялся коллега, указывая на стоящую в углу Дашу, уже полчаса смотрящую на Виктора и странно поддерживающую левым глазом и плечом, как будто у нее был нервный тик.

– Меня? Кто?

Виктор обернулся, и, увидев вдалеке странные движения Даши, напоминающие ритуальные.

– Подожди секунду. Я сейчас.

– Дарья, вы что-то хотели? – обратился он к истерично и одновременно смешно дергающейся уборщице.

– Виктор Владимирович, держите! – доставая огромный красный талмуд, прошептала явно возбужденная происходящим Даша, – завтра перед первой парой положите в мужском туалете в кладовку, под мои тряпки. Только обязательно в файллик заверните, чтобы не испачкалось!

– О Боже! До завтрашнего дня я ее наизусть выучу! Дарья, я ваш должник!

– Берите, берите. И знайте – я полностью на вашей стороне, понимаю вас прекрасно, сама была в таких ситуациях в школе... знаю, каково это... Грымзы старые, – протягивая книгу, отчеканила Дарья.

– Даша, не знаю, как вас благодарить.

– Это я не знаю, как благодарить вас, Виктор Владимирович. Ваши лекции мне глаза открыли! Понимаете?! Я дышать научилась! Ну, до завтра!

– До завтра, Дарья, – прошептал изумленный Виктор.

Уже шесть месяцев как каждую субботу Дарья посещала лекции Виктора. Она надевала строгие коричневые костюмы, купленные мамой для нее, когда ей было шестнадцать, убирала волосы в пучок, наносила легкий макияж и шла в институт, ставший ей уже родным. Прослушав лекции, Даша внимательно записывала всю рекомендованную литературу, затем заходила в библиотеку, набирала пакеты, полные книг, и, словно домохозяйка, таща на себе тяжелую добычу из супермаркета, медленно, переваливаясь с ноги на ногу, ковыляла домой.

Мама всегда встречала ее с улыбкой.

– Как в библиотеке посидела?

– Отлично. Много прочитала, много взяла с собой.

Дашина мама не знала, что Даша посещала лекции Виктора Владимировича, иначе это бы кончилось большим скандалом. Нет, она была в принципе не против лекций по субботам. Вот только если бы вела их женщина, тогда все было бы отлично. Но узнай она, что лекции ведет еще молодой и привлекательный неженатый мужчина... Даша закрывала глаза от страха, когда представляла, что могло бы стать с мамой и с ней...

Достав книги из сумок и налив себе чай в огромную кружку, Даша уходила в свою комнату и погружалась в мир Канта и Макиавелли. Она читала, читала, читала... Жадно ища ответы на вопросы, точнее, ища сами вопросы. Вопросы, которые она задавала себе много лет, но почему-то не могла сформулировать.

– Только дверь не закрывай, чтоб я видела, чем ты там занимаешься, – крикнул строгий голос мамы из соседней комнаты.

– Конечно, мама, – отвечала Даша и продолжала проглатывать главу за главой.

Даша читала до глубокого вечера, когда мама, обычно тихо подкрадываясь и пытаясь прочесть то, что читала Даша, произносила:

– Ужин готов. Пойдем!

Это была строевая команда, по которой Даша немедленно закрывала книги и шла на кухню.

Даша не умела готовить.

Хотела научиться, но пользоваться кухней без разрешения мамы было запрещено.

«Владение чужой душой».

Глава 3

Невероятно, но факт – в школе Даша была одной из лучших учениц в классе. Тогда почему же с самого детства она жила с ощущением своей глупости? Не потому ли, что именно в детстве у нее выработали привычку постоянно называть себя «глупой» рядом с мамой?

Потом к этому ощущению прибавилось ощущение некомпетентности и непрофессионализма.

Это была какая-то странная жизнь, больше похожая на игру с правилами, которые никто до конца не знал.

С одной стороны, Даша была талантливой перспективной ученицей, к шестнадцати годам прекрасно овладев испанским и английским языками. С другой стороны, в ее семье стоял какой-то странный запрет говорить о своих успехах при маме, дабы не провоцировать скандал.

С одной стороны, Дашина мама всегда ходила на родительские собрания, сидела за первой партой и важно улыбалась, когда учителя хвалили ее дочь. С другой стороны, будучи вдвоем с Дашей, она часто зло смотрела на нее и говорила: «Ничего, я в молодости корячилась, и ты будешь».

Но все вокруг так приторно искренне убеждали Дашу, что мама ее очень любит, что в конце концов Даша просто выработала свою собственную модель жизни: хорошо учиться, найти работу, не врать, не обижать людей и, главное, никогда не обижать маму.

И схема эта прекрасно работала. Даша блестяще закончила школу. Потом поступила в институт. А потом. Настал тот самый день... День того самого экзамена.

Она сама до конца не понимала, что тогда произошло. Просто та ее часть, которая отвечала за Дашу – не Дашу, то есть за «Дашу незнающую», завладела внезапно ее головой, ее телом. И прямо на экзамене Даша вдруг почувствовала такой непередаваемый звон в ушах, такую боль в голове и, главное, она почувствовала, что больше не может притворяться... Нужно было выбирать. Прямо там. На экзамене. В конце второго курса. Нужно было прекращать это странное раздвоение личности, с которым она жила уже долгие годы. Надо было решать. И Даша выбрала маму – она не представляла свою жизнь без нее.

Прямо посередине экзамена Даша молча положила билет на стол преподавателя и ушла... С экзамена и из института.

Мама была в ярости. Она плакала и кричала. Даша тоже плакала и кричала. Она и сама до конца не понимала, зачем она сделала то, что сделала.

В конце концов, через несколько дней мама мрачно зашла в ее комнату и объявила: «В институте, где работает тетя Валя, требуется уборщица. Не можешь учиться – будешь работать».

И Даша как могла гнала от себя мысли о том, что в глазах у ее мамы было какое-то странное садистское удовлетворение. Так Даша стала «хозяйкой по чистоте» в вузе, где работал Виктор.

Жизнь начинала налаживаться.

Глава 4

Восемнадцать лет – это много. Для тех, кто действительно живет и чья жизнь меняется с бешеной скоростью. Для тех же, в чьей жизни все самые яркие события как будто остались позади, восемнадцать лет – это один день. Один долгий день, в течение которого ты постоянно ныряешь в те моменты, когда ты был счастлив.

Иногда в салоне, где работала Даша, клиентов практически не было, и она могла полностью погрузиться в свои воспоминания. И продолжать искать ответы на вопросы.

Кроме того, Даше разрешалось приносить свои книги и читать в свободное время. И Даша все время читала. Все еще ища ответы на вопросы.

– Карен Хорни, ого! – вернул ее красивый мужской голос в реальность.

Даша вздрогнула. И почему-то вспомнила тот день, когда она опрокинула ведро.

– Добрый день! Добро пожаловать в наш салон! – начала Даша неестественным выдрессированным голосом, – вы записаны?

– Да, я на шестнадцать ноль-ноль, но я пораньше пришел. Посижу, – отвечал красивый голос.

– Чай, кофе? – продолжала свои обычные цирковые прыжки Даша.

– Пожалуй, психоанализ и Фрейд, – засмеялся голос.

Даша снова вздрогнула.

– Простите? – испуганно спросила она, – я не расслышала.

– Ну вы такие книги читаете! Можем обсудить! Я в этой области, говорят, немного понимаю.

Даша вздрогнула в третий раз. И, наконец, нерешительно подняла глаза, чтобы увидеть, кому принадлежал голос.

Перед ней стоял невероятной красоты молодой человек в строгом костюме и толстых роговых очках, похожих на те, что носили в 1980-е. Он внимательно смотрел на нее своими умными глазами, как будто ожидая, что она будет делать, как дальше выкручиваться.

– Вы можете присесть здесь, на диване. Если все же захотите чай или кофе, я приготовлю немедленно. Приятного отдыха! – отчеканила заранее заученное Даша. С клиентами, тем более красивыми привлекательными мужчинами ей говорить было запрещено. Еще с молодости. А теперь, когда она работала на мечтающую выйти замуж истеричную женщину средних лет, и недавно.

– Ну я приехал на час раньше. Может, все же обсудим Хорни? Вы знаете, какая интересная у нее была судьба?!

У Даши закружилась голова. Ей становилось плохо. В ушах зазвенело что-то и как будто лопнуло. Ей показалось, что она вот-вот упадет.

– Простите, я на секунду.

Мозг отчаянно пытался найти, за что бы зацепиться. Ей нельзя говорить с ним, нельзя ни в коем случае. Она не может потерять эту работу.

– Анабелла Владимировна, – осторожно на цыпочках заходя в кабинет к директрисе, шепотом произнесла Даша, – там такой интересный молодой человек пришел. И вас спрашивает. Хочет с вами познакомиться. Специально на час пораньше приехал. Что-то такое умное говорит, я не понимаю ничего.

Этот трюк Даша знала даже лучше других. Он назывался: «А я вообще-то глупая».

– Рекламщик что ли?

– Нет, нет, этот приличный. Просто видел, что ли, вас уже на каком-то мероприятии – спросил, не заняты ли вы...

– Может, страховщик? Черт с ним, иду!

– Анабелла Владимировна, наш директор, – торжествующе произнесла Даша.

Молодой человек посмотрел на Дашу с удивлением и улыбкой – «фокус» ее он понял и ушел в кабинет директора, провожая Дашу взглядом, в котором говорилось: «Ну ладно, один – ноль. Но я еще отыграюсь».

Глава 5

Начертить линию длиной в тридцать восемь сантиметров-лет и отсчитать назад лет так восемнадцать.

«Общая эмоциональная инертность масс может быть связана с культурными особенностями, например, когда в обществе почитается скромность».

Даша конспектировала лекцию. Но слова Виктора и без того застревали у нее в голове. Она, наконец, поняла, как чувствовала себя все эти годы: она была черно-белой раскраской с едва прорисованными контурами в ожидании, когда кто-то возьмет цветные карандаши, и на страницах ее жизни появятся полноценные картинки. Что ж, Виктор Владимирович, вы свою миссию выполнили – после вас и раскрашивать стало нечего.

– До следующей субботы, – отчеканил Виктор и снял очки.

Проходя, Даша, как всегда, напоследок едва улыбнулась, сказав свое обычно-восторженное:

– Спасибо за лекцию! Очень-очень интересно!

– Даша, – остановил ее Виктор, – вы не заняты сейчас? У меня неожиданно пары отменились – там какое-то административное собрание у них, а дома по субботам я сидеть ненавижу. Пойдемте со мной где-нибудь посидим? Хочу на сегодня собеседника, о котором я не знаю подробностей его семейной жизни. С меня кофе и новый список книг. Как вам?

Даша остолбенела.

– Виктор Владимирович, я вас могу часами слушать. Это такая честь! Только давайте так, чтоб никто не видел!

– Даш, вам восемнадцать есть? Точно? – засмеялся Виктор.

Вот так все и началось. Слово в слово.

Даже спустя годы Даша могла по деталям восстановить тот день. И ту аудиторию. И то свое состояние. Радость вперемешку со страхом. Предвкушение чего-то нового – с ужасом возможной потери.

Глава 6

С момента появления в салоне красивого незнакомца прошел месяц. Но Дашу преследовало странное предчувствие, как будто этот странный молодой человек еще вернется и доставит ей кучу проблем.

– Давно не виделись, – прокричал голос из-за стойки ресепшена, за которой пряталась Даша.

От испуга несчастная девушка подскочила на стуле и пролила чай.

– Да что ж вы меня так боитесь, – засмеялся голос, глядя на пытающуюся оттереть пятно с блузки Дашу. – Я вам точно понравился, – самодовольно добавил он, – «Чуть свет – уж на ногах! и я у ваших ног», – эффектно закончил он.

– «Удивлены? и только? вот прием!» – равнодушно продолжила Даша, пропустив две строки, – Я Грибоедова наизусть в молодости знала. Мы сочинения по нему писали.

– В молодости? Я вот себя еще молодым считаю! – улыбался «чеширский кот».

Даша посмотрела на красивого молодого человека, едва сдерживаясь, чтобы не ответить ему в его же стиле.

– Вам сколько лет? – наконец, не удержавшись, сама обалдев от своей наглости, сказала она. И тут же, не дожидаясь ответа, отстучала голосом, – А мне почти сорок.

Глаза красивого незнакомца в эмоциональном порыве на секунду округлились. Взяв себя в руки, он медленно произнес:

– Вам говорили, что вы...? Неважно. Если вы выглядите *так*, – на «так» он сделал особое ударение, – благодаря процедурам в вашем салоне, то я бы тоже сделал парочку, – засмеялся он.

Это было как раз то, за что Даша смогла зацепиться.

– Нина Варфоломеевна, Нина Варфоломеевна, – молниеносно прокричала она, – подойдите на секунду.

В глазах у молодого человека застыл ужас.

– Что ж так кричишь, тут я, – отвечала красивая интеллигентного вида безукоризненно причесанная женщина лет шестидесяти, подходя к Даше.

– Нина Варфоломеевна, молодой человек пришел, уже второй раз у нас. Просит самого лучшего косметолога. Хотел бы сделать себе все процедуры, предусмотренные для «девочек после тридцати, которые хотели бы оставаться девочками!» – важно произнесла Даша.

Не поведя бровью, Нина Варфоломеевна деликатно обняла молодого человека и тихо произнесла:

– Вы как раз по адресу. Я о косметологии знала все, еще когда в Союзе слова этого не знали. У нас только натуральные препараты. Вы какими кремами обычно пользуетесь для увлажнения?

И хотя молодой человек не произнес ни слова, Даша почувствовала, что на ее блузке помимо пятна от чая появилась надпись: «Ну ты и сволочь».

Глава 7

– Даша, я неожиданно интересно провел день! Давайте повторим в следующую субботу? Вас, кстати, до дома подбросить?

– С таким, как вы, любому будет интересно. А провожать меня не надо. Мама увидит – голову мне оторвет, – грустно засмеялась Даша.

Виктор покачал головой, молча произнеся: «Ах, вот как...»

Даша остановилась на лестничной клетке перед самой дверью своей квартиры. Она понимала, что выглядела слишком счастливой, и у мамы это могло вызвать много вопросов.

Опустив уголки губ, потупив голову, Даша позвонила в дверь.

– Что-то ты сегодня долго, – громко произнесла мама Даши.

– Да автобус ждала час, наверное.

– А чем это куртка у тебя пахнет? Ну-ка, дай понюхать? Запах такой. Ты где-то еще была помимо библиотеки.

Даша поняла, что ее спасет только правда. Точнее, полуправда.

– Если честно, то пока сидела в библиотеке, так пить захотелось. Не могла найти супермаркет – пришлось в кафе зайти, – поморщилась Даша, как будто ей пришлось побывать в привокзальном туалете.

Лицо мамы приобрело неприятное выражение осуждения, смешанного с омерзением.

– Смотри, чтоб первый и последний раз. Это очень дорого для тебя! – отстучала она, – пошли ужинать! Уже все остыло!

Даша молча повесила куртку и медленно поплелась к себе в комнату, чтобы снять с себя хорошую одежду и переодеться в грязное и домашнее. Огромная четырехкомнатная квартира в самом центре города, в которой они обитали вместе с мамой, светилась чистотой и порядком – мамочка постаралась на славу.

Глава 8

Даша понимала, что Виктор Владимирович, хотя и был самым молодым профессором института, был старше... намного старше... и умнее... намного умнее...

От осознания этих фактов Даше становилось не по себе. Но любопытство... Любопытство женщины традиционно побеждает в ней все страхи.

Даша интуитивно понимала, что их отношения подходят к той опасной черте, когда они больше не смогут быть просто друзьями. При мысли об этом Дашу охватывало странное ощущение предвкушения счастья. Счастья испытать что-то незнакомое. Что-то, чему она даже название дать не могла.

В семье Даши все разговоры, хоть намеком касающиеся отношений между мужчиной и женщиной, были под строгим запретом. Даше не разрешалось не то что говорить – даже думать об этом. От того так странно ей было видеть однажды вечером свою маму в компании их соседок – ровесниц Даши.

– Ну, правильно. Мальчика родили, теперь вот давайте девочку, – нежно улыбаясь, говорила Дашина мама соседке, поглаживая ее живот.

Увидев Дашу, мама поменяла выражение лица с нежного на традиционно строго-высокомерное и, не стесняясь огромного количества людей, собравшихся в тот день в их квартире, прокричала Даше:

– А ты что уши развесила? Быстро мыть руки и в свою комнату.

Даше тогда было, кажется, двадцать...

Глава 9

– Мы сегодня идем в гости после лекций, – тоном, не приемлющим возражений, заявил Виктор.

– Ой, я не одета. И надо торт купить! – испуганно прошептала Даша.

– Одеты ты вполне прилично, как нормальный студент, – нашим бы с тебя пример брать.

А торт... Торт там не едят.

– Нет-нет, нужен торт! Обязательно! Я сейчас куплю!

Виктор засмеялся.

– погоди, я тебе денег дам. Только самый лучший, где крема побольше, – продолжал смеяться он.

Пройдя буквально пару сотен метров, Виктор вдруг остановился возле старинного строения с розово-белым фасадом:

– Вот мы и пришли.

Даша замерла. Никогда она еще не была внутри таких необычных зданий. Ей всегда казалось, что в таких живут послы или иностранные представители.

Виктор вынул из кармана ключ и как-то очень легко открыл дверь. Как будто шел к себе домой.

Внутри взору Даши предстала огромная винтовая лестница с золотыми периллами. Она кринолином кружилась вокруг, и, казалось, могла подхватить поднимающихся по ней и забросить под самое небо.

Подтянувшись за перила, Виктор уверенными шагами начал подниматься по ступеням.

– А кто тут живет? К кому мы идем в гости?

– К моей бывшей, – не сбавляя шага, автоматически отвечал Виктор.

Даша замерла.

– К бывшей студентке? – по-детски спросила она.

– И студентке тоже...

– И в каком году она закончила? – продолжала Даша свой допрос, уже понимая, что ее втягивают во что-то, во что она втягиваться не очень-то и хотела.

– Она не закончила. Быстро ушла. Поняла, что ей тесно в экономике.

– А где же ей оказалось не тесно?

Виктор остановился возле массивной металлической двери, позвонил в звонок, и, когда за дверью уже зашевелились, тихо ответил:

– В психиатрии.

Глава 10

Дверь отворилась, и на пороге появилась женщина какой-то необыкновенной... нет, не красоты. Скорее – энергии. Именно так потом про себя Даша называла Вивиану, женщину лет сорока, к которой они пришли в тот день.

Даша как-то сразу отметила ту необыкновенную связь, которая чувствовалась во взглядах ее новой знакомой и молодого профессора. Было ясно, что когда-то их не просто связывали отношения – люди, смотрящие друг на друга *так*, умеющие понимать друг друга по повороту головы, должны были пережить какую-то общую личную драму.

– Это вам! – протянула Даша торт.

– Вау, – раскатисто и искренне рассмеялась Вивиана, – Байзенштейн, ты за двадцать пять лет первый раз не с пустыми руками!

И они снова переглянулись.

– Ну что, нравится? Красиво у нее, а? – как будто хвастаясь собственным домом, промяукал Виктор.

– Очень! А планировка чем-то на нашу похожа! У вас четыре комнаты?

Виктор и Вивиана снова молча переглянулись. Они потом еще много раз переглядывались в течение того вечера.

– Должно быть четыре, но я их них сделала две. Люблю много пространства. Проходите, Дарья. Вы капучино любите? Я вам сейчас сделаю!

Дарья вошла в гостиную, которая, несмотря на строгость линий и некоторую мрачность, поражала своим уютом.

– Даш, Вивиана сейчас пишет докторскую диссертацию. Я ей сказал, что мы не откажемся помочь. Ты же знаешь, каково это – когда тебя гнобят... Помнишь, как ты мне книгу украла из фонда, и мы потом ее прятали?

– Конечно, – послушно сказала Даша, – чем я могу помочь?

– Даш, расскажите немного о своем детстве, – начала Вивиана.

– Даже не знаю. Сколько себя помню, мы всегда были с мамой вдвоем. И детство, мне кажется, у меня было очень счастливое.

– А папа?

– Папу я никогда не знала. Пару раз спрашивала про него, но мама только начинала кричать и обвиняла меня в неблагодарности ко всему, что она для меня делает.

– Даш, вы сказали, что ваше детство было счастливым. А что вы под этим понимаете? Расскажите какой-нибудь эпизод. Мое детство, в принципе, тоже было счастливым. Я то путешествовала, то занималась танцами. А вы?

– Мама покупала или шила, скорее даже шила, новые костюмы. Мне и себе. Она шила всегда два одинаковых, но мой, естественно, меньшего размера, потом мы включали музыку и кружились... кружились... кружились... Я тогда была очень счастлива.

– Вы имеете в виду – мама шила карнавальный костюм, на новый год?

– Нет, нет, она их шила сотнями. Может, тысячами. У нас в одной комнате шесть шкафов забитых. Там только костюмы. Мои детские мы потом отдавать соседям и друзьям стали, а свои мама носит. До сих пор.

Вивиана и Виктор снова переглянулись.

– Вы хотите сказать, что ваша мама дома одевается всегда, как на карнавал?

– Да, – опустила глаза Даша, – ну такой уж она человек. Любит наряжаться, – улыбнулась Даша.

– Даш, а какие это костюмы? Ну, например, снегурочки, или, может, царевны-лягушки?

– Ну... У нее есть костюм принцессы – розовый парик, розовое платье и носочки – очень красиво! Костюм злой ведьмы! Костюм королевы из «Алисы в стране чудес». Я ее маленькая боялась, когда она этот костюм одевала. Приду после школы, а она в этом костюме. И брови, и глаза еще себе такие нарисует, что страшно. Сейчас не страшно – сейчас смешно! – пыталась улыбаться Даша.

– Даш, а кто-нибудь из ваших друзей или соседей знает про это странное увлечение вашей мамы? Ее кто-нибудь видел в таком наряде?

– Хороший вопрос. Мне кажется, что нет. Нет, точно нет.

– Даш, а такой вопрос. Вы когда-нибудь кому-нибудь рассказывали про мамин костюм? Как вообще друзья, взрослые реагировали?

– Ну, когда я подростком была, мне кажется, я начала стесняться немного. Все-таки моя мама никогда не работала. И все время была занята тем, что шила костюмы. И я как-то попыталась поговорить с ее подругами. Но одна ответила только: «Это ваши с ней *игры*, не вмешивай меня». Другие просто говорили: «Ну это же твоя мама! Подумаешь, ну, странности такие! Ну и что?»

– Я смотрю, у вас с мамой свой особый мир!

– Да, – задумчиво ответила Даша, – это точно.

– Она, наверное, часто вам говорит: «Никто не будет любить тебя так, как я». Я права?

– Да, – закивала головой Даша.

– Она, наверное, помогает вам во всем. Всегда спрашивает, где была, что делала? Интересно, наверное, всем, что вы делаете! – продолжала свою атаку Вивиана.

– Да, все так. Вы прямо ясновидящая, – улыбалась, пытаясь закрыться внутренне, Даша.

– А про то, что *у тебя* парень появился вдвое старше, мама тоже знает? – перешла к открытой атаке Вивиана.

И в этот момент напряжение Даши дошло до какой-то крайней точки. Она зажмурила глаза, замахала руками, как будто желая сказать: «Стоп. Хватит меня мучить», – и расплакалась.

– Ну вот и все. Простите, Даш, пойду сделаю вам еще капучино и заодно покурю. Вот там платки бумажные, как раз для таких случаев.

Вивиана тихо ушла на кухню. Виктор последовал за ней.

Послышался жужжащий звук работающей кофемашины. Даша тихонько подошла к двери, чтобы послушать, о чем говорят ее «парень» и его «бывшая студентка».

Мимо пронесся ледяной ветер и запах дорогих сигарет.

Даша увидела Вивиану, медленно подносящую сигарету ко рту и смотрящую куда-то вдаль.

– Знаешь, что меня всегда удивляет в таких историях? – говорила она как будто сама с собой. – В многомиллионном городе, среди обычных людей, живет маленькая девочка, которая годами приходит из школы домой, где ее встречает «злая королева» из сказки. И все, абсолютно все делают вид, что ничего не происходит. Даже ее отец, который, судя по всему, все эти годы от них просто откупался, – глядя вдаль, продолжала разговор сама с собой Вивиана.

– Ты сказал, она в институте работает, – продолжала втягивать сигаретный дым Вивиана, – с какой она кафедры?

– Она уборщицей работает, – почему-то глядя в пол, отвечал Виктор.

Было видно, что Вивиану это совсем не удивило.

– Типично. Уверена, у нее мать даже зарплату, и ту забирает. А отцовских денег девчонка и подавно не видела... От меня ты что хочешь?

Виктор молчал.

– Вить, – как-то по-семейному сказала ему Вивиана, – ты ответы все знаешь сам.

Виктор почему-то закрыл глаза. Даше показалось, что в глазах у него появились слезы.

– «Спасая кого-то, мы пытаемся на самом деле спасти самих себя», – продолжала «курить вдаль» Вивиана. – Помнишь?

Виктор молчал. Он впитывал каждое слово Вивианы так же, как Даша впитывала каждое слово Виктора.

Около шести вечера Виктор грустно посадил Дашу в такси, поцеловав ее в лоб так, как будто прощался с ней навсегда.

– До субботы!

– До субботы, Виктор Владимирович! Спасибо, я никогда не забуду этот опыт!

Даша приехала домой в молчаливом философском настроении. И, несмотря на расспросы и крики мамы, пошла в свою комнату, закрыла дверь, легла на кровать и разрыдалась. Как будто тот разговор с Вивианой отодрал какую-то затычку, с которой она жила всю свою жизнь.

Виктор же до поздней ночи просидел на лекции у своего главного «преподавателя».

– В их доме должна быть только одна женщина. А Дашина функция – оставаться ребенком, – произнесла Вивиана уже на улице, ища глазами такси Виктора.

– Как она поступит? – крикнул он в темноту.

– Она выберет мать. Она не представляет своей жизни без нее. Как только она почувствует что-то, что-то действительно сильное к тебе – ее накроет чувство стыда. Невыносимое чувство стыда и страха. Чувство предательства по отношению к матери. А для таких как она остаться без значимого родителя все равно, что остаться без самого себя. И она уйдет.

Глава 11

Несмотря на то, что оба были убеждены в обреченности ситуации, Даша и Виктор продолжали свою странную полудружбу. Теперь они не только проводили вместе выходные, но и ходили вместе обедать.

В Даше появилась какая-то невиданная до того уверенность. Она больше не смотрела в пол, разговаривая с людьми. Она больше не вздрагивала и не пятилась назад при слове «власть».

Виктор стал убеждать Дашу вернуться в институт. Он никак не мог взять в толк, почему Даша тогда просто не пошла на пересдачу, почему ей не позвонили из деканата, почему ее отчислили, по сути, без ее же ведома.

Виктор знал структуру вузов изнутри, его преподавательская «бурная молодость» не раз могла поставить жирный крест на его научной деятельности. Но он так хорошо изучил устав института, нормативные акты, что легко бы дал фору любому юристу.

Так продолжалось несколько месяцев, когда у Даши появилось четкое ощущение, что за ней все время следят. Особенно за обедом, когда она обедала вместе с Виктором.

Все разрешилось в скором времени.

Даша пришла домой поздно вечером, на этот раз действительно прождав целый час автобус, когда, зайдя домой, поняла, что что-то изменилось.

Дверь Даше открыла совершенно незнакомая женщина – ее мать в облинии нормального человека. Без макияжа, чудовищных костюмов и украшений.

– Вы смотрите, кто пришел! – язвительно произнесла Дашина мама, – ну заходи, потаскушка маленькая. Расскажешь нам сейчас всем, как чужих женихов уводить.

– Что? – удивилась Даша.

Войдя в комнату, она увидела ту самую тетю Валю (мамину подругу, устроившую ее на работу) и маленькую неприметную девушку, сидевшую рядом. Вся ситуация показалась Даше фальшивой.

– Вот сейчас все нам и объяснишь. Даша, я всегда знала, что ты завистливая и злая. И что не просто так тебя отчислили из института. Ты всегда завидуешь тем, кто умнее и красивее тебя. И рушишь чужое счастье.

У Даши пересохло во рту. Она понимала, что стала участником какого-то очередного странного спектакля, срежиссированного мамой. Она понимала, что обращалась она к ней. Но она также понимала, что обвинить ее, «уборщица производственных помещений», человека, боящегося еще полгода назад поднять глаза при разговоре с людьми, в том, что она кого-то там уводит – Дашу не покидало ощущение, что она случайно вошла в чужое тело и чужую жизнь.

– Даша, это так мерзко. Завидовать чужому счастью и уводить чужих мужчин. Я так много вкладывала в тебя. А теперь понимаю, что это не моя дочь. Это какой-то моральный выродок.

При слове «моральный выродок» тетя Валя вздрогнула. Видимо, это был перебор даже для нее.

– Да что случилось-то?! – не выдержала Даша.

– Вы посмотрите, какая она смелая у нас стала. Дерзит! Мозгов нет, а дерзит! – продолжала мама Даши своим привычным высокомерным голосом. – Как ты могла увести у дочки тети Вали ее будущего мужа после того, что тетя Валя для тебя сделала?!

– Чего? – повторяла Даша как заведенная.

– Какая наглость! Даша! Не притворяйся! Ксюшенька, скажи, что ты хотела сказать этому недоноску.

При слове «недоноску» тетя Валя и Ксюшенька снова вздрогнули и переглянулись.

– Дарья, – начала неуверенно «серая девушка» – что у вас с Виктором Владимировичем?
– А? Что? – плюхнулась Даша на диван от удивления.

– Боже, не могу это видеть. Моя дочь – обманщица и лицемерка! И еще потаскуха!

Даша молча переводила взгляд с матери, от которой она впервые слышала подобные слова, на Ксюшеньку и обратно.

«Раздражение, вызванное беспокойством» – пронеслось у нее в голове.

– Молоко на губах не обсохло, а она уже чужих мужиков уводит, – продолжала Дашина мать как заведенная.

Внутри у Даши что-то рухнуло. Громко так и с треском. Мать смотрела на нее, как на совершенно постороннего человека, и говорила фразы, как будто заученные наизусть.

Даше хотелось крикнуть, что это не их дело. Что Виктор не женат. И никогда не был. И что она, одна она знает истинную причину. Ей хотелось крикнуть, что это *ее* жизнь, *ее*! И что она вообще не обязана отчитываться, когда, с кем и почему встречается.

«Не скатывайся в оправдание», – пронеслось снова у нее в голове. И она почувствовала запах дорогих сигарет Вивианы.

Полуправда.

– Господи! – засмеялась неестественно Даша, – И из-за этого весь сыр-бор? Ну ничего не скроешь в институте! Виктор Владимирович мне с литературой помогает! Я думаю поступать на будущий год, но не к нам, а в институт, который он сам заканчивал.

И, обратившись к матери, она неожиданно для самой себя произнесла:

– Это все пустое. Я дома. А не захочешь, чтобы я поступала – не буду. Но Виктора Владимировича вы зря так обвиняете. Он умный, хороший. И я уверена, что он вас очень любит!

Ксюшенька, прекрасно осознавая, что ее игра была опасной и могла кончиться разоблачением, сильно напряглась. Она никогда не была ничьей «невестой», просто ее, завсегдатая администрации крутого вуза, ее, которую устроили туда исключительно для поиска достойного мужа, последнее время стало раздражать, что у какой-то уборщицы появился ухажер, а у нее, *у нее* – нет.

А в Даше включился какой-то режим самосохранения.

– Ксюша, да он постоянно о вас только и говорит. И о вашей свадьбе! Прямо сейчас ему позвоним, сам вам расскажет!

У Ксюши на лице отразился ужас – перспектива разоблачения обмана ее явно не грела. Одно дело, воспользовавшись *известным диагнозом* Дашиной мамы, щелкнуть Дашу по лбу, и совсем другое – занять проблемы в институте на уровне деканата.

Придя к Даше домой, они рассчитывали как обычно вогнать Дашу в состояние беспомощной маленькой необразованной дурочки. Да Даша сама рассчитывала как-то оказаться в той самой роли. Но месяцы общения с Виктором, разговор с Вивианой – Даша как будто говорила не своим голосом! Надо будет рассказать об этом Виктору завтра!

– Сейчас мы ему позвоним, – продолжала внешняя смелая Даша, в то время как ее внутренняя скатывалась в клубок страха.

– Не надо! – крикнула Ксюша, – я вам верю! Успехов с поступлением! Нам пора!

Даша потом долго не могла вспомнить, как тетя Валя с дочерью ушли – так быстро это произошло.

Внешняя смелая Даша спряталась куда-то вглубь, оставив Дашу-жертву наедине с обезумевшей от ярости матерью.

– Завтра же ты подашь заявление на увольнение. Ты опозорила меня. Ты врала мне. Ты решила поссорить меня с моими друзьями, – повторяла она снова и снова.

И Даше тогда показалось, будто матери было вообще все равно, кому и зачем она говорила все это. Главное для нее было сказать это *кому-то вслух*...

Глава 12

*Я взяла ключи, надела пальто, обулась,
Взяла мобильный, собрала сумку, сделала
маникюр,
И хоть ты рядом, мне одиноко,
Я распрощалась с твоей тенью.*

*Как мул, ты тянешь меня к берегу,
Но я не могу больше быть твоим океаном,
Не могу, а ты не знаешь,
Каково мне, поэтому мне нужно уйти.*

И каждый раз, когда я говорю: «Прощай»...

Лорин, «Каждый раз» (перевод с англ.)

– Даша, здравствуйте! Мы на семнадцать ноль-ноль записаны, – проговорил голос Виктории, постоянной клиентки салона, женщины лет сорока и, как помнила Даша, выпускницы какого-то серьезного факультета с техническим уклоном. – Ну-ка поздоровайся с тетей Дашей! – обратился голос к стоящему рядом заплаканному мальчугану лет девяти.

– Здравствуйте, – тихо проговорил мальчик, едва сдерживая слезы.

– А что у нас случилось? Почему плачем? – обратилась к зареванному мальчишке Даша.

– Даша, не спрашивайте! Мальчишки есть мальчишки! Всю жизнь я от мужиков бегаю, так мне вот – сына Бог дал, чтоб, видно, училась терпению и смирению. Сил нет! Школа шикарная, дорогая, репетиторы одни, вторые. Ну не идут у нас гуманитарные предметы, хоть режь его. И ведь я сама такая была! Но у нас как-то глаза закрывали! А тут! Каждый раз что-то! И каждый раз сначала слезы – а потом двойки! И по кругу! А мне как? У меня пятьсот человек в подчинении! Командировки!

– Может, у него просто так беспокойство проявляется? Диапазон проявления беспокойства у всех разный! – проговорила Даша каким-то не своим голосом, и внезапно ей почудился давно забытый запах дорогих сигарет Вивианы. – Похоже на ситуационный невроз. И беспокойство, переходящее в страх. Идите на стрижку, я посижу с ним, вдруг получится что-то ему объяснить.

– Даша, вы такая умная! Уже не первый раз такие вещи мне говорите правильные! Что вы тут забыли? – оглядывая салон, обратилась Виктория к девушке и, помолчав, строго дала наказ маленькому сыну слушаться «тетю Дашу».

– Ну что, давай посмотрим, почему ты так ненавидишь историю и английский. Доставай тетради и учебники!

– Нам сочинение задали! – начинал рыдать мальчик.

– Не бойся, сейчас напишем! Где наша не пропадала?! Доставай тетради!

Глава 13

Павел с детства привык говорить о себе только в превосходной степени. В школе его считали самым красивым парнем в классе, в институте – самым сексуальным студентом курса. Ну, а к своим двадцати восьми он слыл самым ловким психотерапевтом, клиентками которого в основном были женщины с достатком значительно выше среднего. Именно поэтому он, гордившийся своим участием в международных конференциях, учебой в зарубежном вузе, никак не мог объяснить сам себе, зачем он снова и снова приходил за стрижкой в салон, в котором работала Даша. С одной стороны, он не был в нее влюблен. С другой, он уже догадывался, что в ее поведении была какая-то патология, связанная с какой-то сильной деформацией характера, но вот объяснить эту патологию он сам себе почему-то не мог. И, убедив самого себя, что его интерес к Даше носил исключительно профессиональный характер, Павел вновь, надев зачесанный галстук, быстрыми шагами шел «на стрижку».

– Почему вы так ненавидите мужчин? – бросился он первым в атаку, перевалившись через стойку ресепшена, за которой сидела Даша.

– О Господи, – только успела вскрикнуть она, – вы свой галстук чуть ко мне в чай не опустили!

– Простите, – неожиданно для самого себя извинился Павел, – может, просто вы очень религиозны? У вас табу даже на разговоры с мужчинами?

Даша подняла на самоуверенного психолога свои огромные красивые глаза, затем резко выпрямила спину, так что вся ее поза выражала невольно только одну фразу: «Какой же идиот!»

Павел хорошо знал «невербалику», также хорошо понимал, что Даша в своем эмоционально молчаливом порыве была совершенно искренней – от Павла и его манер ее начинало подташнивать.

– Может, у вас отец – тиран? Или первый муж бросил? – продолжал играть в игру «а ну-ка, угадай» психолог.

– Отца я не знала, замужем никогда не была! Спросите сразу все, что вас интересует, и давайте на этом закончим!

– Может, как-нибудь выпьем кофе, и вы мне все расскажете? – выстрелил Павел.

– Ах, кофе? Сейчас я вам принесу! – вновь зацепилась за слова Даша, не понимая, что на этот раз к ее трюку он был готов.

Павел уже выучил ее штучки и приготовил эту провокацию заранее. Как только Даша ушла на кухню, психолог начал свою секретную операцию.

Со словами: «Она невротик, значит, должна носить с собой паспорт», Паша бесцеремонно полез в стоящую у стойки ресепшена Дашину сумку, достал оттуда нужный документ, сфотографировал и ловким движением, положив все на место, принял привычную для себя в салоне наглую позу.

Даша почему-то долго не возвращалась.

– Кофе ему не то, чай ему не тот, полотенца ему не те, – повторяла она, стоя у кофемашины.

– Дай угадаю, опять наш очкарик приперся! – слышался за спиной у Даши голос Нины Варфоломеевны.

– Сил моих нет! – выдохнула Даша. – Два года тут работаю, и первый раз такое. Не угодишь ему.

– Дашка, ты осторожнее с ним! Анабеллка-то, судя по всему, на него запала! Вот он властичку-то свою и чувствует! Последний такой у нас тут тоже ходил, на халяву стригся, а потом пропал и деньги из кассы забрал все. Ладно, деньги – шампуни прихватил! – причитала

Нина Варфоломеевна, – А эта дура опять на те же грабли! Ой времена, ой нравы! В наше время у мужика чем грубее руки – тем красивее, значит по дому сейчас починить что-то сможет, а сейчас... На маникюр ходят и к косметологу!

Даша не слушала. Она мысленно уже писала заявление и думала, что надо бы обновить резюме.

Выходя из салона, Павел отправил фото сделанного паспорта своей давней подруге и бывшей клиентке Анне. Отправив, он коротко добавил: «Пробьешь?»

«Тебе не стыдно использовать мою работу, чтобы о бабах своих узнавать? Тут простой благодарностью не отделаешься!» – пришел молниеносный ответ.

«Ань, это реально по работе. Тут, судя во всему, какая-то клиника. Не хочу в историю вляпаться. И потом... как будто я когда-то отказывался заехать к тебе в гости?»

«Сделаю. Спишемся», – лаконично ответила Аня.

Глава 14

С момента последнего появления Павла в салоне прошел уже месяц. Даша просматривала вакансии в интернете, когда директор в очередной раз с озабоченным видом спросила:

– А Павел больше не приходил? Не записывался?

– Нет, Анабелла Владимировна.

– Странно. Даша, а вы ему точно не нахамили? – обратилась она к побелевшей девушке.

– Что вы, Анабелла Владимировна, как можно?!

– Даша, что-то вы не договариваете! Врать-то вам не к лицу, – приближалась к Даше директриса, когда в салоне внезапно появился силуэт Виктории.

– Добрый день, Виктория, – сменила маску Анабелла, – вы же вроде сегодня не записаны.

– Да вот мимо пробежала. Время есть. Думаю, дай-ка зайду. Ознакомлюсь с тем, какие процедуры для лица у вас тут есть. Ну вы, наверное, заняты.

– Нет, нет, что вы! Просто вот делаю Дарье выговор, чтобы она нашим посетителям мужского пола больше не хамила!

Виктория громко засмеялась.

– Дарья, хамить мужчинам? Вы смеетесь, что ли? Да она скорее в обморок упадет! Посмотрите вон, на девчонке лица нет. Анабелла, если не возражаете, пусть она мне кофейку сделает – я ведь только с работы. А потом, может там, Нина Варфоломеевна мне что-нибудь для лица организует. В кои-то веки не надо мне никуда ехать!

– Конечно, Виктория. Даша, – быстро на кухню, – обратилась директриса к испуганной девушке. И, немного успокоив свою ревность, добавила, – Приятного отдыха, Виктория!

Даша уже включала машину, когда нежданная гостья на цыпочках подкралась и встала рядом с ней.

– Вик, вы меня напугали, вам с сахаром?

– Даша, оставьте этот аппарат. Точнее, – вылила она только что сваренный кофе в раковину, – включите еще раз. Чтоб нас не слышали!

Даша от удивления выронила ложку.

– Даш, послушайте, не знаю, сколько вы получаете в этой дыре, но умножаю вашу зарплату на четыре, оплачиваю больничные и отпуска. Не удивляйтесь – я видела, что у вас на вкладках в компьютере сайт по поиску работы открыт.

Даша стала доставать молоко из холодильника.

– Виктория, спасибо, конечно, но у меня даже высшего образования нет! Кем вы меня возьмете? Я ничего не умею, кроме как кофе носить.

– Кто вам сказал такую глупость? – прошептала шокированная Виктория и добавила, – Даш, у меня ребенок первый раз в жизни уходил в школу без слез, первый раз в жизни получил пятерку за сочинение и первый раз в жизни открыл книги, которые ему бабушка надарила. Я давно за вами наблюдаю. Не знаю, что у вас в жизни произошло, но это место точно не для вас. Не первый год я с людьми работаю.

Даша подумала о галстук Павла, который едва не приземлился в ее чай, и о разговоре с Анабеллой.

– Я согласна, – твердо ответила она.

– Вот и отлично! Пишите заявление. Она сейчас так бесится от ревности, что сама вас с радостью уволит, мне кажется.

Стоя в дверях, Виктория вдруг, вспомнив что-то, добавила:

– Передайте Нине Варфоломеевне, что меня на работу вызвали. И еще, – посмотрела она строго на Дашу, – Я знаю, что ни с кем вы тут не кокетничали. Вы не похожи, Даш на женщину, которая будет на работе мужиков клеить. И если Анабелла этого не понимает, это

лишнее подтверждение того, какая она дура. Даша, я убежала от отчима-садиста, когда мне было шестнадцать. Потом на руках с восьмимесячным ребенком в тапочках убегала от мужа-алкоголика. И знаете, мне почему-то кажется, что вы что-то подобное пережили. Одно могу вам гарантировать – у меня дома вас ни один мудака не тронет. Вот моя визитка, звоните, как освободитесь.

Глава 15

Уже подходя к *их* месту, Павел сделал странное наблюдение – Аня сидела, глядя куда-то вдаль, в руках у нее не было телефона, в котором она обычно листала ленты социальных сетей.

– Здравствуй, – улыбнулся психолог девушке, снимая свое шикарное в коричневую клеточку пальто.

– Привет, – грустно ответила ему Аня, и, привстав, подставила ему щеку для поцелуя.

– Судя по сообщению, тебе удалось найти что-то действительно интересное, – с огоньком улыбнулся знаток психологии.

– Паш, ты возьми себе что-нибудь, – глядя в никуда отвечала обычно веселая Аня, – рассказ будет долгий... и неприятный... для нас обоих.

Паша, подождав официанта, заказал большую порцию самого дорогого кофе и, наклонившись поближе к Ане, серьезно выдохнул:

– Рассказывай.

Аня открыла папку, все это время неприметно лежащую на столе.

– Итак, родилась в Москве, в 1983 году. Посещала школу, которую по тем временам можно было бы вполне назвать элитной. Детей пичкали языками, философией, историей... Так, это пролистнем. Ага, вот, закончила, кстати, с золотой медалью.

Брови психолога поползли вверх.

– Подожди. Дальше. Она поступает в институт, на переводчика испанского. И вот тогда начинается самое интересное. Отчислена со второго курса.

– Влюбилась, может быть?

– Не уверена. Знаешь почему? Спасибо веку цифровизации – это можно по «пенсионке» отследить – в 2001 она устраивается на работу.

– А, ну решила, видно, карьерой заняться! – попытался рационализировать информацию Павел.

– Карьерой? Ага. Она, вчерашняя студентка иняза, устраивается на работу в вуз на должность «уборщик производственных и служебных помещений». Как тебе?

– Одно слово – странно! – вынес вердикт психолог.

Аня подняла глаза.

– А знаешь в каком вузе она работала? В том самом, в который спустя несколько лет поступит та, что уже не раз, рискуя своим служебным положением, все это для тебя достает.

От удивления у Павла открылся рот.

– Вот тебе совпадения! – только и смог произнести он.

Аня лишь грустно улыбнулась.

– Ты даже не представляешь, что еще я выяснила.

– Ну, не томи.

– Придя на работу, твоя «принцесса» начинает посещать лекции одного из самых молодых профессоров в институте. Помнишь, ты у меня как-то книжищу такую видел, в полторы тысячи страниц. Я к экзамену тогда готовилась. Так вот, это он написал. И знаешь, чем закончилось у них?

– Даже предполагать не буду, – отвечал Павел, в глазах которого начинал читаться ужас. – Это ты все через ваших узнала?

– Нет, у меня многие однокурсники остались в аспирантуре, на кафедрах. Ты не поверишь – Дашу твою и ее профессора до сих пор старожилы института помнят. Уж больно странная история была.

Павел начал искать, куда бы упереться взглядом. Он и сам уже был не рад, что залез во что-то, в чем были замешаны десятки столь непонятных ему людей.

– У них большая разница в возрасте была. Но тем не менее все пророчили им свадьбу – ну, знаешь, как в коллективах бывает. Никуда не спрячешься. И что же наша принцесса? Опять сбегает. Увольняется. Потом ее карьеру отследить сложнее стало – видно, она в каких-то полулегальных конторках перебивалась, где с пенсионными отчислениями мутят. Но это и не интересно.

– Так, а что интересно? – перебил Павел.

Аня снова оторвалась от папки и пристально врезалась глазами в любопытного психолога.

– Одна старушка, которая там уже лет сто в гардеробной работает, рассказала по секрету моей подруге, что после увольнения этой странной особы профессора того как подменили. Он стал то на работу опаздывать, то приходить как будто под кайфом. И через несколько лет умер при странных обстоятельствах...

– Похожих на самоубийство? – перебил ее знаток человеческих жизненных историй.

– Да, – громко закончила Аня.

– Правда, он тоже со странностями был, этот профессор. Пятьдесят ему было, кажется, когда его не стало. Никогда не был женат. Говорят, мама его в таком же возрасте также умерла, при странных обстоятельствах. Пряма карма.

Аня сделала глоток своего остывающего капучино.

– Готов дальше слушать?

– Еще дальше?

– Ты что, самое интересное только начинается. Ты знал, что она здесь недалеко живет в огромной четырехкомнатной квартире? И является единственной ее владелицей?

– Врешь, – выпучил на Аню глаза начинающий терять связь с происходящим психолог.

– Это квартира перешла ей по наследству от ее покойной матушки. А та, в свою очередь, в 1990-е получила ее в дар от одного хорошо известного тебе предпринимателя, ныне покойного.

Аня громко захлопнула папку.

Павел сильно пальцами сжимал свои виски. Он уже и сам не знал, зачем влез во все это.

– Знаешь, – задумчиво начала Аня, – хотя Сереги пять лет уже как нет, я каждый день просыпаюсь с этим странным ощущением. Как будто мои пальцы снова колют те две розы... А во рту этот приторный вкус. Во рту, в теле – везде. С тех пор я ненавижу розы. Странное такое чувство – нести в первый и последний раз цветы тому, кто обычно дарил их тебе.

В глазах у Ани появились слезы.

– Я часто просыпаюсь и спрашиваю себя, какая она могла бы быть – наша с ним жизнь. Как по утрам я могла бы печь блинчики, а он, стоя рядом, со своей вечно глупой улыбкой, заваривал бы кофе.

Аня закрыла глаза и зажмурилась, чтобы не расплакаться окончательно.

– Все эти годы я задавала себе только один вопрос. Почему? Почему он выбрал наркотики, а не меня? А не нас? – уже не сдерживаясь, начала рыдать Аня, – что там такого произошло у него в жизни? Что его так сломало?

– Анют, Анют, послушай, – нежно глядя ее по волосам, успокаивал ее психолог, – мне, правда, очень жаль. Только я нить нашего разговора потерял.

– Прости, – вытирая слезы со своих огромных глаз, продолжала девушка, – Вот теперь, Пашенька, дорогой, самая большая вишенка на торт. Знаешь, кто подарил квартиру матушке твоей ненаглядной Дарьи? Сережин отец! Предприниматель, подаривший им квартиру, – это Сережин отец.

Паша закрыл лицо руками и почувствовал, что силы покидают его и он вот-вот скатится прямо под стол.

– Серега всегда рассказывал, что с самого детства его родители ссорились, ссорились, ссорились. Потом отец стал пить. А его старшая сестра – кстати, она родилась задолго до твоей

Даши, – как-то Сереге проговорила, что, мол, знает, что у отца вторая семья. И что мать все тоже знает. Ты не поверишь – они жили в пятистах метрах друг от друга!

Аня вздохнула.

– Знаешь, что? – волевым решением собрался с мыслями Павел, – Поехали отсюда. Я отвезу тебя домой.

Аня послушно закивала головой. И расплакалась.

Все описанные события и герои являются вымыслом автора, любое сходство с реальностью случайно.

Уроки французского

Чем более невыносимо беспокойство, тем более тщательны должны быть его защитные меры. В нашей культуре есть четыре главных способа, с помощью которых человек пытается защититься от основного беспокойства: это любовь, подчинение, власть и отдаление.
К. Хорни

Глава 1. Отдаление

Сверкающий черный BMW медленно подъехал к многоэтажному дому в одном из дорожных районов города. Девушка, сидевшая за рулем, осторожно вынула ключ зажигания, отчего звуки доносившейся музыки в сочетании со звуком мотора резко прекратились. Все погрузилось в черную тишину морозной московской ночи. Девушка поправила на себе элегантное черное пальто, посмотрела на себя в зеркало и, глубоко вздохнув, улыбнулась сама себе какой-то ледяной полуулыбкой, отчего ее лицо приобрело несвойственное ей цинично-холодное выражение.

Со стороны она казалась совершенно спокойной и уравновешенной. Движения ее были точны и имели какой-то странный ритуальный порядок. На вид ей было лет двадцать пять, но по той внутренней собранности, с которой она положила ключи в сумку и оправила свое прекрасное пальто, ей можно было дать все сорок.

Девушка закрыла глаза на минуту, как вдруг весь четкий механизм ее жизни сорвался – она завyla громким голосом и положила голову на руль, отчего автомобильный гудок взорвался громким и неприятным звуком. Ее вой медленно перешел во всхлипывания. Во дворе залаяли собаки, кто-то открыл окно и что-то прокричал. Усилием воли она подняла голову, вытерла слезы и сказала себе: «Надо выйти из машины. Надо просто открыть дверь, выйти из машины и дойти до подъезда. Давай. Ты можешь. Иди». Она вновь посмотрела на свое восхитительное дорогое пальто. И засмеялась.

В шикарной семикомнатной квартире еще горел свет. Отец Светланы (так звали девушку в черном пальто), натянув огромные очки на нос, читал какую-то научную статью.

– Ты поздно, – спокойно сказал он ей, не отрываясь от ноутбука, – как там все прошло? Кстати, ты не знаешь, чья там машина во дворе орала?

Светлана не ответила. За долгие годы жизни в своей семье она выработала у себя очень четкую привычку не говорить, когда с ней начинали разговор, и не отвечать, когда ее спрашивали.

– Там Людмила Ивановна приготовила очень вкусный суп и котлеты. Не хочешь попробовать? Кстати, у дяди Володи внук родился! Тебе рассказали? Максимом назвали.

Светлана не отвечала.

Она молча прошла через бесконечную анфиладу комнат бесконечной, как ей казалось, квартиры родителей, зашла к себе и рухнула на кровать.

Глава 2. Власть

Как только Светлана набрала побольше воздуха, чтобы от души разрыдаться, дверь тихонько приоткрыли. В комнату без стука вошла маленькая шаровидная женщина.

– Ну как там все прошло, зайчик? А нам дядя Володя звонил. Представляешь, у его дочки сын родился. Ты знала, что она замуж вышла? Максимом назвали. Как же мы дяде Володе завидуем, вот повезло так повезло.

Круглая женщина внезапно замолчала, чтобы посмотреть, произвели ли ее слова должный эффект.

Светлана внимательно смотрела и не верила своим глазам: даже сейчас, спустя два часа после похорон самого дорогого для нее, Светланы, человека, ее мать не упускала возможности зайти к ней вечером и начать свои «игры в иглоукалывание».

– Ну я дяде Володе говорю, – продолжала женщина, – «Ну, от нашей разве дождешься? Кому нужна наша-то? Уже и так все знают: старая дева. Одна работа на уме». На днях дядя Володя с зятем заедут к нам. Ты, кстати, мужа ее знаешь? Мальчик такой приятный, вы как-то на дне рождения дяди Володи виделись. Вот они все к нам заедут на днях.

Светлана молчала. Она знала, что ежедневный план по обесцениванию, унижению и прочей словесной гадости ее мама еще не выполнила. В такие минуты лучшим способом прекратить эти садистские игры было просто продолжать делать то, что она изначально собиралась. И, не обращая внимания на продолжающиеся словесные поддевки матери, Светлана рухнула на кровать.

– Прямо в пальто? – не сбавляя скорости, продолжала женщина – Испортишь! Ну хотя твои деньги, сама купила на *свои* деньги, – сделала акцент на слове «свои» круглая женщина. – Портъ, портъ, только потом у отца не проси, чтоб на новое давал. Подожди, я тебе сейчас Володиноho внука покажу, какой хороший. Смотри, какой хороший!

В этот момент перед лицом Светланы пронеслась череда фотографий сначала с лысым полужелтым младенцем, затем красивой девушки с непроницаемыми глазами.

А женщина входила в раж.

– Да ты только о себе думаешь. Чтобы детей иметь, надо сердце иметь, а у тебя... Правильно говорят, – сделав детское лицо, сказала шариковая женщина, – ты старая дева стала! Да ну тебя, – фыркнула, наконец, мать Светланы и ушла, хлопнув дверью.

Светлана поднялась с кровати, аккуратно сняла свое пальто и повесила его в шкаф: мать всегда знала, какой длины крючок нужно достать, чтобы зацепить посильнее. Светлана, действительно, зарабатывала намного меньше, чем ожидалось, и, что намного важнее, меньше, чем то, что было в нее, в Светлану *вложено*. Деньги, которые в свое время были потрачены на ее образование, всегда служили главным аргументом, когда родители теряли над ней свою власть. В конце концов Светлана поняла, что так часто «*мешала*» родителям и их друзьям, что в какой-то момент она стала *мешать самой себе*.

Посмотрев на молчание за окном дома, девушка поняла, что горе, от которого она захлебывалась последние три дня, превращалось в боль, выдержать которую становилось невыносимо. Это были первые похороны в ее жизни: она хоронила свою старенькую преподавательницу по французскому и по совместительству вторую маму. Уткнувшись носом в подушку, Светлана заснула, рыдая...

Глава 3. Подчинение

События путались в голове – их последнее время становилось слишком много. Нужно было понять, с чего все-таки все началось.

Светлана попыталась сосредоточиться. Когда ее жизнь успела превратиться в хаос?

Закрыв глаза, она отматывала, словно старую видеокассету, свои воспоминания.

Где она, эта точка?

В висках у нее застучало.

Как живой, перед ней появился ее двоюродный брат. Его приезд несколько месяцев назад. День рождения папы. Вот оно.

Ну, конечно. Именно тогда в ней и зародилось сомнение в том, что же происходит на самом деле.

Света хорошо помнила тот вечер: в ресторане в честь дня рождения ее отца собралось множество гостей. Мужчины в шикарных костюмах, красивые женщины в вечерних откровенных платьях и на высоких каблуках.

Света стояла недалеко от своего начальника, дяди Володи, папиного друга по имени Владимир Иванович, владельца и бессменного директора довольно крупного холдинга. Работы было много, и она становилась с каждым днем интереснее. У Светы тогда были большие планы на будущее.

– Конфетка, посиди со стариками, – раздался голос из небольшого зала, в котором сидел дядя Володя и несколько его друзей.

Света, пробираясь сквозь клубы сигаретного дыма, улыбнувшись, вошла в небольшое помещение.

– Узнаете Витькину дочь? Правая рука моя теперь. Вот как бывает...

Огромные мужчины, чем-то напоминающие мощные баобабы, улыбнулись и оглядели Светлану с ног до головы.

– Хорошая? А голова золотая! Только из нее эти бабские бы... И вообще – как мужик.

Он с гордостью посмотрел на Светлану.

– Мих, а мы тебе историю про посольство рассказывали? Это ж у нас теперь анекдот, – обратился Владимир Иванович к огромному мужчине, сидящему рядом.

Все внимательно посмотрели на Владимира Ивановича.

– Ну, это знаете, как. Вот мужской, бля, и женский взгляд на мир. Да, Светлана Викторовна? – обратился он к опускающей глаза Свете.

Мужчины хитро заулыбались и продолжали затягивать в себя сигаретный дым.

– Ну, че, на той неделе. Сидим. Ну, как обычно. Сами знаете, – сделал Владимир значительный взгляд на одного из собеседников.

– Ну, они мне, – повертев ладонью туда-сюда показывал рассказчик, – а я им: «А хер вам», – крутил он другой ладонью.

Все слушатели начинали улыбаться. История обещала быть интересной.

– Ну, они мне опять, типа, – наклонил голову и переходя на таинственный полусшепот Владимир Иванович, – а я им – «А хер вам». Ну так и сидим. Часа два сидим. Жрать охота-а-а! А мы сидим!

– Тут мне секретарша звонит, типа, Владимир Иванович, извините за беспокойство, – затянул в себя сигарету вместе с дымом большой Владимир Иванович – тут Светлана Викторовна звонит. У нее случилось что-то страшное.

Слушатели заинтригованно напряглись.

– Ну, че я. Я за нее отвечаю. Говорю – соединяй. А у меня как специально динамик такой громкий, – показал кулаком громкость динамика Владимир Иванович.

В комнату вошли еще пара мужчин, рассказ обещал быть интересным.

– Ну я значит такой: «Соединяй». А там Светка значит. И голос такой, вот знаете, – я почему-то тогда прям вот трагедии вспомнил, вот древнеантичные. Таким голосом просто, вот убийственным голосом говорит: «Я все-таки грохнула эту посольскую сволочь. И ей конец... Надо прибраться... Машину тоже надо...почистить». И все это голосом, знаете...

У слушателей на лицах появились улыбки вперемешку со скептицизмом.

– Ну эти, которые со мной сидели... В галстучках, блядь, в розовую клеточку... Так переглянулись, одновременно так вскочили и говорят: «Владимир Иванович, знаете, вы человек честный. Мы знакомы много лет. Мы завтра документы подпишем и пришьем». И так хоп – и исчезли.

Слушателям, казалось, не терпелось узнать, продолжение истории.

– Я как идиот. По всем светофорам. Саньке позвонил, адвокату, хорошо рядом работает. Машину так припарковал. И уже в отдалении вижу – стоит Витькина дочь. И поза у нее такая, знаете, вот – трагично-жертвенная. Прям со скалы сейчас сбросится. Голова так гордо наверх, в глазах – слезы. Спина прямая, – пытался изобразить позу девушки друг ее отца.

– Увидела меня. Ни «здравствуй дядя Володя», ничего. Голову так гордо повернула, посмотрела на меня и обратно. А я смотрю – рядом-то посольство.

Огромный рассказчик вновь втянул в себя сигаретный дым.

На лицах слушателей вместе с улыбкой начинало читаться любопытство вперемешку с ужасом.

– Я так медленно, – продолжал таинственно рассказчик, – подхожу. Голову в сторону машины повернуть боюсь. Ну думаю, ладно. А еще, вот, вдалеке вижу – Санька идет быстрыми шагами. И что вы думаете? Картина маслом. Стоит вот эта вот, вот эта, на каблуках, – указывая на Свету продолжал Владимир Иванович, – рядом, значит, машина, а там...

– Ну, не томи! – крикнул огромный мужик из угла в бежевом костюме.

– Вы вот горшки такие видели, большие такие горшки? Как в НИИ раньше на входе стояли? – едва сдерживая смех, продолжал Светин начальник. – Вот такой горшок, и вдребезги. И Санька, значит, мой. Как раз в этот момент. А, да, она ж еще ДПС вызвала. Я не знаю даже, кто себя большим идиотом чувствовал в этот момент. Я говорю, вот у баб мозг, нет бы сказать: «Дядя Володя, произошло мелкое дорожно-транспортное происшествие, в результате которого никто не пострадал. В результате происшествия нанесен незначительный вред имуществу, стоящему на балансе посольства такого-то».

Владимир Иванович раскатисто засмеялся.

– Ну что с нее взять, ответственная... А у *страха глаза велики*... зараза такая. Витькина ж мама в свое время ее отдала в школу какую-то. Плюс репетитор у нее по французскому, там вообще герцогиня какая-то... Ну вот и получилась. Девочка такая наша, – схватил дядя Володя своими огромными пальцами Светлану за нос.

Сидящие в курилке мужчины улыбались. Кто-то не без интереса осматривал Светлану, пытаясь понять, чем она смогла растопить сердце этого человека-скалы...

– А тетрабочка розовенькая у нее, – продолжал хвастаться Владимир Иванович своей молодой сотрудницей. – Она когда открывает эту тетрабочку, мне кажется, у меня подрядчики с субподрядчиками вздрагивать начинают. Тут один у нас... И Света такая сидит. Тетрабочка у нее. Понимаете?! Такая вот, у меня у жены такая в пятом классе была. А в тетрабочке, – снова вдохнул дым Владимир, – все договоры, все сроки. Все суммы. И она так поворачивается, так, по-доброму так, и говорит, ну, подрядчику моему говорит: «Что ж вы, Армен Варданович, вы же в прошлом месяце должны были закончить». И смотрит так, знаете, как всегда, с трагизмом с таким. Я смотрю, Армен на меня голову поворачивает, в глазах ужас. А я что. Типа: «Отвечай».

– Сделали?

– А как не сделаешь, когда вот такая сидит... Да еще сроки все и материалы наизусть помнит. Сделаешь тут, – улыбнулся Владимир Иванович.

– Дядя Володя, а как же по-другому? – отвечала Светлана, – Там же люди... Мы за них, за каждого ответственность несем. Когда у нас бизнес начнет понимать, что такое «социальная ответственность» – мы и заживем по-другому.

Свете самой стало неловко от невольно вырвавшихся слов, которые она тогда долго носила в себе так, что они выплеснулись в самый неподходящий момент.

– Слыхали? Вот как новое поколение рассуждает! Ладно, покурили и пойдем.

– Так, минуточку внимания! – раздался бодрый голос Светиной мамы. – У нас очень важное объявление.

Скучающие гости, уже собиравшиеся уходить, с неохотой повернули голову в сторону собирающейся продекларировать что-то важное Людмилы Ивановны.

– Как вы знаете, – с нежностью посмотрела она на племянника, – у нас в этом году большое событие. Мой племянник закончил обучение в *университете* и приехал, наконец, покорять Москву, – Людмила с нежностью посмотрела на тощего молодого человека, не знающего, куда глаза деть от внезапно свалившегося на него внимания.

– Это че, Сань? – спрашивал огромный толстяк, вышедший следом за Владимиром Ивановичем.

– Это... Это Витина жена, – нисходящей с явным раздражением интонацией отвечал вместо Сани странным, несвойственным голосом Владимир.

А Людмила тем временем продолжала.

– Все знают, что Петя – главная гордость нашей семьи, наша опора и поддержка. Именно поэтому *ему*, – сделала особое ударение мать Светланы, – ему, а не кому-то!!! – мы доверяем нашу семейную «усадебку».

Гости начали переглядываться. Никто не мог понять, что за странное действие происходило прямо перед их носом.

Людмила поковырялась в нелепой сумочке в форме улитки и вынула оттуда связку странных, будто старинных ключей.

– Это квартира принадлежала матери Виктора, а теперь, как самый старший и самый любимый, в ней будет жить наш Петя!

Многие гости, так и не поняв таинство обряда передачи ключей какому-то племяннику Пете, продолжали расходиться.

Три пары глаз внимательно следили за Людмилой Ивановной из-за угла. Они выражали шок вперемешку с ужасом.

– Злат, а разве не туда..., – начал неуверенным голосом молоденький худощавый Вася, поворачиваясь к белокурой сидящей рядом девушке, имя которой так подходило ей.

– Ты хотел сказать туда, куда Света собралась переезжать на следующей неделе и занавески уже купила? Да, это ключи от квартиры ее бабушки.

– Чего-то я ничего не понял тогда.

– А никто не понял, – ответила задумчиво девушка.

Их диалог мог бы длиться еще долго, когда зоркая Злата заметила, что одной пары глаз в их компании не доставало.

– Вась, собирайся, пошли, – неожиданно для самой себя скомандовала Злата каким-то странным тоном, напоминающим скорее интонацию раздраженной жены. Оба поняли неловкость момента, опустили глаза и, выходя, старались не смотреть друг на друга.

В дальнем углу коридора ресторана, не жалея нового платья, прямо на полу сидела Светлана. Она прикусила кисть руки, чтобы ее всхлипываний не было слышно.

Вася, поняв, что это отличный способ продемонстрировать всем, какой он взрослый, осторожно поднял Свету и, легко подхватив ее на руки со словами: «Поедем ко мне все вместе чай пить», – как раненого солдата вынес ее «с поля боя».

По дороге все молчали.

Света всхлипывала на заднем сидении. С лицом ответственного старшего брата машину осторожно вел Вася.

– Вася, книги... книги, – повторяла Света, – он же их выбросит мне назло.

– Что она хочет? – окончательно теряясь в мире женских слез, смотрел Вася испуганными глазами на Злату.

– Она говорит, что надо книги забрать. Из бабушкиной квартиры надо забрать книги по французскому.

– Света, все заберу. Не волнуйся.

Света протянула ему связку ключей, такую же, какую ее мама дала пару часов назад ее двоюродному брату.

Васька был очень хороший. Но, к сожалению, не совсем *их круга*, хотя они и учились в одной школе...

Света всегда ценила его за его доброту и честность. Именно поэтому несколько лет назад, рискуя отношениями с отцом, она одолжила ему «небольшую» сумму денег на первый взнос для покупки его крошечной квартиры.

Света не ошиблась в своем друге детства – Вася вернул все до копейки. И продолжал возвращать... в ситуациях, наподобие тех, что произошли сегодня в ресторане.

Лежа на маленьком диване в миниатюрной студии Васи, Света как будто отделилась от себя самой. Она смотрела в окно и пыталась понять, может ли еще думать, дышать, говорить, или все эти навыки благополучно потеряны ей вместе с квартирой, где она провела свое детство.

– Она еще заметит тебя, научись ждать, – прошептало, лежа на диване Васиной квартиры, белое лицо Светланы, когда тот накидывал на нее уютный плед, – Не женись просто так. Видишь, как оно... как оно бывает спустя двадцать три года после свадьбы на скорую руку...

– Не думаю, что она когда-нибудь даже близко подпустит меня в свою жизнь, – честно и по-взрослому отвечал Вася. В Свету влюблен он не был, потому в ее присутствии он мог сохранять трезвый ум и здравые рассуждения.

– Васечка, книги! – стонало лицо Светы, и на лице ее вырисовывался ужас.

– Не волнуйся. Спи! Я позвоню твоему папе, скажу, что ты у Златы.

Глава 4. Память

Света открыла глаза. Часы показывали два ночи. Уже не первый раз после сильного стресса она как будто проваливалась куда-то... куда-то вглубь себя. Просыпаясь, ей нужно было приложить усилие, чтобы определить, в какую же именно боль она на этот раз проснулась. Видимо, какие-то крепежные конструкции ее психики начинали ржаветь и давали сбой. Странное ощущение. Чувствуешь себя Алисой в Стране чудес. Только страна чудес и есть твоя жизнь.

Света тихонько пошла на кухню. Вчера? Вчера были похороны.

За несколько дней (или недель?) до похорон был день рождения отца.

Все. Теперь точно все. Надо завтра позвонить Васе, спросить, забрал ли он ее книги.

Света заварила себе ароматный чай, сделала глоток и, убедив саму себя, что ничего серьезного в ее жизни на самом деле не происходит и она, как обычно, делает из мухи слона, ушла в свою комнату, пытаясь уснуть.

Глава 5. Дорога

Но не успела Света закрыть глаза, как страшная сила событий, произошедших за последние несколько дней, снова затянула ее в свою трясику. И она как будто оказалась в том дне, точнее, ночи. Это произошло за месяц (или за несколько месяцев?) до дня рождения отца.

Света уже несколько часов наворачивала круги по МКАДу, накручивая километры на одометр только что подаренной ей отцом машины. Она не знала, куда бежать, да и бежать было страшно и *некуда*. Бежать можно, когда тебе пятнадцать... А когда тебе двадцать три, ты слишком привязан ко всему, что еще пару лет назад не имело никакого значения: квартира, машина, институт, работа... Светлана наворачивала круги по вечернему МКАДу после очередной ссоры со своими родителями. В голове носились вихрем фразы мамы:

– Света, может тебе МРТ сделать? Может у тебя опухоль в мозгу? Ну не можешь же ты такой дурой просто так стать.

Светин папа строго смотрел из-под очков, пытаясь прикрыть свое равнодушие ко всей ситуации.

Света помнила, как она схватила ключи от машины, и как ее мама кричала вслед: «Тварь! Пошла во-он! Шлюха!»

Да, именно в тот день Светина мать в первый раз обвинила ее в том, что она, Светлана, не имевшая за свои двадцать три года отношений с кем-либо, спала с мужем какой-то маминой «подруги», с которым даже не была знакома. Однако аргументы Светы, ее оправдания родители всегда использовали против нее. *Света была виновата* во всем и всегда. Такая простая философия жизни, которую так сложно принять, когда тебе двадцать три.

Это уже давно стало нормой ее семьи: сначала они обвиняли ее в каких-то показавшихся обычному человеку совершенно нездоровых поступках, а потом дарили подарки. Или наоборот. Сначала дарили дорогие подарки – потом обвиняли. Света уже сама не понимала, где в этой странной игре была она, именно она, а где – то, что хотели видеть ее родители в качестве своей дочери.

Было уже семь или восемь вечера, когда внезапно Светлана увидела припаркованную на обочине старенькую «шестерку» и мужчину лет пятидесяти в камуфляже с очень добрым, но совершенно потерянным лицом. Отчаяние в его глазах, безнадежность, с которой он смотрел на проезжающие мимо машины заставили Свету сделать нечто для нее не типичное – она резко остановила машину, дала задний ход и остановилась прямо у мужчины. Она понимала, что останавливаться *вечером на МКАДе* – глупо, безрассудно, опасно. Но что-то в его глазах... Она увидела в его глазах что-то, что видела каждое утро, глядя в зеркало.

Мужчина в камуфляже выглядел растерян. Он переводил глаза со Светы на ее BMW и обратно. Света опустила стекло.

– У вас все в порядке? – начала говорить она и сама удивилась и мягкости своего голоса, и какой-то особенной, несвойственной ей интонации. – Вам помощь нужна? Может, подвезти?

Глава 6. Курс

Выяснив, что направлялся мужчина на какую-то встречу, кажется, ветеранов какой-то «горячей точки», Света больше не задавала вопросов. Ее мысли, как и она сама, находились у нее дома, где мать все еще травилась ее душу.

Уже в машине мужчина протянул Свете руку.

– Разрешите представиться, Игорь.

– Светлана, – сухо ответила Света, и опять погрузилась в атмосферу своей семикомнатной квартиры.

– Это, знаете ли, мне прямо повезло. А вы сами куда ехали?

– Никуда, – неожиданно откровенно для самой себя сказала Света, – мне ехать некуда.

Света замолчала, Игорь, все еще потрясенный свалившейся на него удачей, понял, что сейчас ее лучше оставить в покое.

Они долго ехали по темным проселочным дорогам, а Света, автоматически глядя на дорогу, все еще пыталась мысленно оправдаться перед своими родителями.

Наконец, они подъехали к небольшому деревянному дому, откуда доносились звуки гитары и запах шашлыка.

Глава 7. Автопилот

Игорь уже доставал старенький потрепанный кошелек, когда Светлана жестом показала, что он ей ничего не должен.

– Куда ты сейчас поедешь? – безапелляционным голосом спросил новый знакомый.

Света молчала.

– Знаешь что, ты сейчас с нами здесь останешься. В себя придешь. А потом приедешь домой и позвонишь нам, что все с тобой в порядке. Поняла?

Света повернула голову на странного незнакомца, и ее уставшие глаза выражали только один вопрос: «А кому-то есть дело до меня?»

Игорь вышел из машины. Вдалеке стали слышны голоса.

– Игорек, что так долго? Что с машиной в итоге?

– Ого! – слышались другие голоса.

– Вылезай, – открывая Светлане водительскую дверь снова устанавливал свои порядки наглый незнакомец.

Света на секунду пришла в себя, и до нее дошла, наконец, вся абсурдность ситуации, в которую она загнала себя сама. Находиться одной в каком-то незнакомом поселке где-то на границе Московской и Калужской областей, в компании огромного количества подвыпивших мужчин, судя по всему, бывших однополчан или как это там у них называется. В голове немедленно прозвучал голос матери: «Ты что, вот пойдешь? Вот с этими алкоголиками пойдешь?»

Но система управления ее жизни по-прежнему продолжала давать сбой. И предохранители не срабатывали.

– Вылезай, – жестко повторил Игорь, – тебе одной в таком состоянии ехать никуда нельзя. – Вылезай, не буду еще раз повторять.

Продолжая вести внутренние споры с матерью, Света тем не менее подчинилась.

Пять здоровяков окружили машину, при этом улыбаясь довольно сально. Увидев Светлану, вся компания резко замолчала – ее московский облик явно не сочетался с обстановкой старой подмосковной дачи... На лицах у мужчин читался шок.

«Я, наверное, такая бледная, что они меня за наркоманку приняли, – почему-то подумала Света, – Может, мама права, и мне сделать МРТ?»

– Что уставились? – крикнул на одного из них Игорь, – налейте *девочке* чай с сахаром покрепче и пожрать что-нибудь. Она меня сюда три часа везла!

– Иди, не бойся. Тут все свои. А у Лехи – так вообще дочь твоего возраста. Вон, в соседнем доме. В себя придешь – и домой поедешь.

И это был второй случай в жизни Светланы, когда она не подчинилась истерическим стонам ее матери, которые звучали внутри. Трясаясь от страха, она доверилась судьбе... безрассудно и по инерции.

Глава 8. Безысходность

И хотя Петю посадили в другое крыло здания и его работа мало пересекалась с работой Светы, она постоянно чувствовала какое-то невидимое давление. Вся ее уверенность и инициатива разом испарились, она стала меньше ездить с Владимиром Ивановичем на объекты, и это не могло ускользнуть от острого взора ее руководителя.

– Свет, что происходит? – спросил он однажды Светлану, когда она в очередной раз задумчиво смотрела куда-то вдаль. – Тебя как подменили! Это из-за брата, что ли?

Света вздрогнула.

– Свет, послушай. Ты ведь прекрасно знаешь, что наши с отцом отношения – это одно. А твоя работа здесь – это совсем другое. Я не буду держать у себя трупы, разлагающие коллектив. Ты сама прекрасно об этом знаешь.

Света подняла на директора свои измученные глаза.

– Твой брат на испытательном сроке... И к тому же я какого-то рвения у него вообще не вижу. Ты пойми, девочка, это бизнес. Это как огромная машина. Один винтик не туда – и все. Как бы я к отцу твоему не относился, если Петя не потянет – значит не потянет.

– А может, это я не тяну? – резко ответила Светлана.

Владимир Иванович вздохнул. Он искренне симпатизировал этой милой, честной, ответственной девочке. Но мог ли он что-то сделать?!

Глава 9. ENGINE START

Люди склонны подчинять себе окружающий мир.

Люди подчинили себе законы природы, заставив их работать на себя. Они буквально зажали природу в кулак, выковыривая из нее уголь и выдавливая нефть.

Самолеты разрезают воздух в небе, побеждая непогоду и ураганы. Корабли разрезают море, побеждая шторм.

Есть только одна сила, которая до сих пор сопротивляется и не поддается ни контролю, ни подчинению – это сила человеческих чувств.

«Где наш золотой мальчик? – звучал голос матери у Светланы в голове. – Моя гордость! Это то, что у меня в жизни получилось!»

Света лежала и наблюдала за секундной стрелкой, которая как будто специально еле-еле ползла по циферблату, оттягивая приближение следующего часа, следующей ночи и следующего дня – момента, когда Светлана могла убежать на работу. Еще одни выходные. И Злата, как назло, улетела куда-то на море...

Светлана вспомнила тот странный вечер. И это странное ощущение, ощущение спокойствия и безопасности.

Потом она думала о вчерашнем дне... Когда ей снова нанесли удар в самое сердце, и ей нужна была доза... доза любви, понимания, сочувствия.

– Можно я приеду? Мне очень, очень плохо.

– Приезжай.

Глава 10. Любовь

Если куча странных, не очень умных людей разом начнет нажимать все кнопки и дергать рычаги самолета, автоматика перестанет работать, и огромная конструкция все равно рухнет.

Так же происходит и с людьми... Как бы ни старался ты выправлять свой курс, если разом на тебя нахлынет огромная хаотичная сила странных обстоятельств и начнет бить со всех сторон, ты начнешь падать.

Смерть преподавательницы по французскому (ее второй, но настоящей мамы), приезд брата (который должен был теперь работать вместе с ней), история с бабушкиной квартирой – все это как-то разом навалилось на Свету, и она не могла больше отрицать факта того, что теряет контроль управления своей жизнью. Вот только рядом на этот раз не было ни диспетчера, ни второго пилота...

Все это было как-то очень странно, по-взрослому и напоминало, скорее, какую-то дешевую мелодраму.

Она посмотрела на себя в зеркало и почему-то вспомнила слова своей мамы, сказанные однажды с выражением искреннего брезгливого удивления: «Свет, почему у тебя на всех фотографиях лицо уставшей от жизни женщины?»

Тихонько взяв висевшие на крючке в коридоре ключи от машины, Света убегала из ставшей привычной ее бесцветной реальности в реальность к мужчине вдвое старше ее со страшным призрачным прошлым и возможным «посттравматическим стрессовым расстройством», как говорили психологи.

Звук мотора. Света ехала по полупустым воскресным улицам, но мысли ее были где-то далеко. Она думала о том, как непостоянно все в этом мире: нефть превращается в бензин; тепловая энергия превращается в механическое движение... Но во что можно преобразовать боль, которая живет в тебе годами? Боль, которую невозможно назвать и невозможно выразить? Остается одно – преобразовать эту боль в какое-то другое вещество. В нечто, чему хотя бы можно дать имя.

Автомобильные дворники бегали по стеклу, словно чьи-то руки. Они пытались сказать: «Не надо, остановись».

А странный поток мыслей продолжал убеждать Свету в том, что у нее появился выход – преобразовать боль.

И ровно в ту минуту, как Светлана осознала и как будто согласилась с этой парадоксальной мыслью, она поняла, что паркует машину прямо у дома, где жил Игорь.

Подчинение. Боль. Власть.

Она вынула ключ из замка зажигания, и дворники рухнули, сдавшись. Все. Некому больше ее останавливать. Свой выбор она сделала.

Света вошла в темный пыльный подъезд, похожий на те, что показывают в фильмах про 1990-е.

Еще можно остановиться. Можно сесть в машину, уехать домой и снова стать хорошей, примерной, послушной. И нелюбимой.

Дверь отворилась, и на пороге появился он. То, во что можно было преобразовать боль, с которой она жила все свои двадцать три года.

– Я без тебя дышать не могу, – прошептала она, глядя ему прямо в глаза. – Мне очень, очень плохо. Ты же знаешь, каково это – жить годами в адской пустыне, теряя надежду на спасение. Забери мою боль, пожалуйста. Я не могу больше жить с ней.

Власть. Подчинение. Боль. Любовь.

Глава 11. Жизнь

– Вась, может, пообедаем сегодня? Светка опять на каком-то объекте своем. У меня перенеслось все.

– Мммм, – уже мысленно отменил все назначенные планы молодой человек, – а давай! Я все равно хотел с тобой поговорить. У меня машина забита Светкиными книгами. И это только половина.

– Так ты там был?

– Злат... Я об этом и хотел поговорить. Это вообще целый блокбастер.

– Я сейчас приеду. Расскажешь.

Вася уже и сам не рад был, что как-то опрометчиво согласился обедать вдвоем с девушкой, в которую он был влюблен уже много лет. Но то, что он увидел к квартире покойной бабушки Светланы, никак не выходило у него из головы.

– Вась, ты какой-то задумчивый, – заказав обед, прервала неловкое молчание Злата, – Так ты там был?

– Да, я там был. Уже два раза. И если честно – больше ехать никакого желания... Я смотрю, наш «золотой мальчик» уже квартиру использует... по полной...

– Что ты имеешь в виду?

Вася покраснел до ушей. Поняв, что сам себя он загнал в этот неловкий разговор, он как мог продолжал:

– Сколько времени прошло с дня рождения дяди Вити? Три недели?

– Мм. Мне кажется, что две, – подняла белокурая девушка свой милый курносый носик.

– Злат... ну я ж приехал, думал, квартира-то пустая. А там...

– О Боже.

– Неловкая ситуация вышла. Ты бы его лицо видела. А мне в первый раз в жизни врать пришлось.

– Кошмар.

– Ну он начал орать, обвинять. Какого я приперся. Ну мне так Светку жалко стало – я ж в той квартире был, когда еще ее бабушка жива была. Ну я так смотрю на него... И знаешь, такая злость у меня появилась.

Вася умолчал о том, что злость была вызвана еще и тем, что за свою квартиру он все еще выплачивал ипотеку.

– Ну я так смотрю на него и прям в лоб говорю: «Это квартира – собственность Виктора. И он лично просил меня забрать книги своей дочери».

Ну как-то и все. А второй раз его вообще не было – были только девушки. Плюс, зная, что там происходит, я дверь уже ключами не открывал – звонил.

– Подожди, подожди, что значит девушки? Их там несколько было?

– Злат... не заставляй меня вспоминать это, а? Там и так уже все водкой дешевой пропахло.

– Бедная Света. Какой ужас.

– Злат, – помолчал немного Вася, – я тебе скажу... У тебя было когда-нибудь такое чувство, как будто ты на месте преступления побывала, но еще об этом не знаешь?

– Ты про ее мать и то, как она над ней изгаляется?! Да у меня с детства такое чувство.

– Нет, я даже не знаю, как объяснить.

– Ну, попробуй образно.

Вася посмотрел в глаза этой чистой, невинной, «самой лучшей и самой невинной девушке во всем мире» – ему не хотелось говорить своему личному ангелу о мерзостях жизни:

– Ты когда-нибудь видела проститутку из Бангладеш?

– Откуда, – вскрикнула Злата и удивленно посмотрела на своего собеседника.

– Однажды передача была. «Моя планета», что ли, снимали. Я вот лица их запомнил. Точнее, не лица – а выражение. Такая боль на них. Боль и безысходность. И страх. И надежды нет уже.

– Что ты говоришь?

– Девушки, которых я там встретил. Ну, вот они также на меня смотрели. Вот как те проститутки с фотографий.

– Господи, – закрыла рот рукой Злата. – Меня сейчас стошнит.

– Прости, мне не надо было говорить. Просто ты... ну ты...

Злата с сочувствием посмотрела на Васю. В попытках не говорить ей ничего, он рассказал ей все.

– Не говори Свете. Ей сейчас и так досталось, – обреченно ответила Злата, и, обратившись к официантке, добавила, – Девушка, принесите счет, пожалуйста. Мы уходим.

Глава 12. Тайны

– Я знаю, что у тебя парень появился. Просто мне казалось, что мы подруги и тебе захочется мне рассказать.

Света подняла на Злату свои уставшие глаза. Она бы и рада была облечь все происходящее в слова, но она сама до конца не понимала, что происходит.

В тот день сознание пришло к ней тогда, когда все уже произошло. И рядом с ней, вчерашней милой девочкой, которую дядя Володя спасал от посольской вазы и которую дергал за нос, рядом с ней, которая еще вчера представляла, как у нее появится ее *первый* парень и они вместе будут прогуливаться по улицам города, держась за руки и читая друг другу стихотворения времен Серебряного века, рядом с ней сидел незнакомый мужчина возраста ее отца с огромными, пугающе огромными руками и добрым, но сильным, непробиваемым взглядом человека, который прошел через ад войны и жар песков пустыни.

– Ты про себя толком ничего и не рассказываешь, – прервал он неловкое молчание.

«Вот теперь это точно напоминает какое-то французское кино», – подумала про себя Света и вспомнила свою преподавательницу французского. Каково было бы рассказать ей обо всем этом?!

– А я... Я никто... Я сама уже не знаю, кто я, – сказало что-то голосом Светланы.

Света сказала это и вздрогнула. В Игоре было что-то такое – какая-то невероятная сила – которая помимо ее воли вытаскивала наружу то, о чем Светлана сама не подозревала.

Услышав слово «никто», Игорь вздохнул и взгляд его устремился куда-то вдаль.

Никто. Человек без прошлого. И с призрачным настоящим.

– Знаешь, – закурил крепкие сигареты Игорь, – у каждого есть этот момент. Где твой?

– Еще две недели назад я думала, что в моей жизни все легко и понятно. У меня прекрасная работа, родители, друзья. Я собиралась съезжать в квартиру своей бабушки – я провела там детство. Я даже занавески купила! Там все так, как было, когда я была маленькая... И тут мама решила, что она отдаст эту квартиру своему племяннику. Я понимаю, у меня есть все – а он вырос в провинции, – не замечая, начинала говорить Светлана интонацией своей матери, – Людям надо помогать. И ему надо помогать – это же мой двоюродный брат! Моя родня! – снова говорила Светлана каким-то автоматическим голосом. – Только мне больно. Невыносимо больно почему-то. Тебе знакомо это чувство, когда ты все делаешь правильно, но тебе при этом больно?

Игорь втянул в себя сигаретный дым и улыбнулся.

Еще бы...

– Слушай, а этот, ну, твой брат, он вообще в курсе был, что ты туда переезжать собралась и занавески купила? И что там бабушка твоя жила?

– Конечно, – улыбнулась Светлана.

– Значит, не мужик, – без доли сомнения отчеканил Игорь.

Света как будто проснулась от этих слов. Вся картина ее привычной жизни начинала рушиться – в семье говорить о брате плохо было запрещено.

– Подожди, его еще в отдел ко мне сажают. А мне страшно от этого. Я понимаю – он мой брат. Но я не доверяю ему, – снова сказало что-то Светиным голосом.

– Родители, что ли, постарались, чтоб его к тебе?

– Да, – опустила голову Света. И в этот момент ей стало невыносимо стыдно. Она в первый раз в жизни позволила себе сказать плохо о своем кузене.

Игорь хмыкнул.

– Хорошо устроился парнишка. Только вот... Это не мужик, – снова отрапортовал Игорь.

Света начинала терять сознание. С одной стороны, Игорь не мог врать, такие, как он, не способны врать в такие моменты. Его взгляд, его огромные руки со шрамами, его поведение в тот странный вечер – все внушало Светлане доверие к этому далекому и одновременно близкому человеку. Но с другой стороны, они же говорили о *ее брате*!

– Он по трупам пойдет, поверь мне, девочка. Он уже пошел. Я б на твоём месте с ним бы очень осторожен был. Мне кажется, ты о людях думаешь намного лучше, чем они есть на самом деле. А мир... Мир, он не такой. Понимаешь?

– Можно, я как-нибудь ещё позвоню? – улыбнулась Светлана.

Да, это действительно французское кино.

Из воспоминаний об Игоре Света вернулась в настоящее, где она мирно сидела со Златой и пила кофе.

– Это похоже на французское кино, – таинственно заулыбалась Света, – прикроешь меня перед родителями?

Глава 13. «Как себя поставишь, так и жить будешь»...

Света не помнила, сколько времени она просидела тогда на той даче... Она помнила только то непривычное ощущение покоя. Ощущение, что рядом с этими людьми она, наконец, может выключить свой страх. И странная мысль посетила ее в тот самый момент: «Рядом с такими брат меня бы точно не обидел».

Эта мысль как-то странно проткнула ее сознание и привела в чувство.

«Неужели я боюсь его?» – продолжала спрашивать себя Светлана.

Память пыталась схватиться за что-то. Но безрезультатно.

Света понимала, что все эти годы она действительно жила с неопознанным чувством, чувством, которому она даже имя дать не могла. До недавнего времени это чувство на время покидало ее на работе, где Света с самого первого дня попросила загрузить ее работой. Но теперь... Когда брат сидел так близко. Как ни старалась она давить на газ, система ее жизни продолжала давать сбои. Ее брат много лет назад стал каким-то инородным телом в ее жизни. Но Света никак не могла понять, каким образом это произошло. И главное – когда и почему?

Сидя на старой незнакомой даче в окружении чудаковатых незнакомых людей, впервые за долгое время Света начинала видеть картину как будто яснее. Эти люди, видевшие ее первый раз в жизни, бесцеремонно разглядывающие ее с нескрываемым любопытством, тем не менее как будто не несли в себе опасность. А вот ее брат... Что-то такое было в его взгляде. Что-то, что заставляло ее каждый раз при виде него внутренне сжиматься.

Света недолго сидела в тот вечер со странными здоровяками: по их же просьбе, придя в себя, она завела машину и поехала домой, дав слово, что по приезде позвонит.

Контроль. И здесь контроль. Но как же он отличался от того контроля и подчинения, которые она год за годом видела в своей семье!

Вот именно так и произошло ее знакомство с ее страхом к брату, ибо невозможно понять собственные чувства, не дав им имя. Она еще не знала, как зовут ее страх, но знала, что Игорем в ее сердце называлось бесстрашие.

«Как себя поставишь, так и жить будешь»...

Глава 14. Невесомость

Светлана с детства считалась чересчур ответственной, чересчур эмоциональной, чересчур умной для своего возраста. И с детства она задавала вопрос, почему она никогда не могла найти общий язык с ребятами *своего круга*.

В школе Светлана неплохо училась, но отличницей никогда не была. Ее частенько подводили нервы, а порой просто нежелание заниматься нелюбимой химией или биологией в ущерб иностранным языкам.

К проблемам грамотного распределения своего времени в ранние годы добавились проблемы в общении в институте. Как ни хотелось Свете почувствовать вкус студенческой жизни – ее ровесники как будто сторонились ее... Как будто на лице или на теле у нее был огромный уродливый шрам, и люди просто боялись посмотреть в ее сторону.

Света усердно училась, пытаясь вновь стать как все, когда, наконец, курсе на третьем дядя Володя, видя ее стремление побыстрее оказаться во взрослой жизни, предложил ей перевестись на заочку и потихоньку помогать ему в той части его компании, которая занималась строительством небольших объектов.

Света схватилась за эту возможность, как за спасательный круг.

Отец, правда, был против. Зато мама была счастлива – наконец, у Светы появятся свои деньги.

Придя на работу к дяде Володе, Света как будто прыгнула в ледяную речку из горячих искусственных источников элитного спа. Если в институте правильным и нормальным считалось создавать некую видимость обучения, пить кофе по субботам, а по воскресеньям гулять в парке и ходить в кино, то дядиволодина контора (как Света называла место, в котором работала) – это была та суровая реальность, где от твоей ответственности или ее отсутствия зависели судьбы десятка людей – идеальный способ для девушки с убитой самооценкой и нежеланием сближаться с кем-либо убежать от самой себя.

Она приходила на работу самая первая, по дороге покупая легкий завтрак, и уходила последней. Она любила прийти в отдел, где работали люди, начинавшие с дядей Володи много лет назад, и, задав им сложный технический вопрос, внимательно слушать и конспектировать все, что они говорили.

Если после экзаменов у нее оставалось немного времени, она вновь летела на работу, пока многие, напротив, рвались с работы домой. В какой-то момент суровый Владимир Иванович был так потрясен ее ярким выступлением на совещании «О видах крепежа для вентилируемых фасадов», что стал брать ее с собой на объекты и даже разрешал встречаться с заказчиками и подрядчиками самостоятельно. Все готовились к тому, что не сегодня завтра Свету повысят... Как вдруг появился Петя.

Безответственный. Наглый. С хамоватой манерой вести себя абсолютно со всеми.

Но что было самым страшным ударом – он был членом *ее семьи*, и потому в компании, где она с таким трудом завоевала уважение и признание коллег вдвое старше себя, Света стремительно начала терять авторитет и доверие.

Все. Это был конец. Теперь от своей семьи ей невозможно было спрятаться даже на работе.

Хуже всего было то, что Петя, как послушная первоклассница, докладывал матери Светланы обо всем. Так у Светланы начался ее персональный ад. Стопроцентный и вездесущий.

Глава 15. Отрыв

В мире иногда случаются очень странные вещи. И тем они страннее, когда в них, в этих доходящих до абсурда моментах жизни задействованы твои самые близкие друзья.

– Ага, попалась! – схватил кто-то Свету сзади.

На мгновение Светлана остолбенела.

– А мы решили, «...то Магомед идет к горе». Ты совсем про нас забыла! – обнимала Свету ее златоволосая подруга.

– Вас как сюда пустили? – с притворной улыбкой отвечала Светлана.

– А как нас непустишь! Забыла совсем про нас! На обед больше вместе не ходим, на выходных ты тоже пропадаешь неизвестно где. И, кстати, Вася до сих пор в машине возит все твои книги! Ты и про книги забыла? Может, ты и по-французски больше ни слова не помнишь?

Слова Златы заставили Светлану вздрогнуть. Ну конечно. Книги! Последняя память о бабушке! Она, судя по всему, просто забыла про них! Все осталось в прошлой жизни...

Вася стоял рядом, и, глядя в пол, улыбался.

– Ты сейчас нам расскажешь! Все расскажешь! Про парня своего!

К этому Светлана явно не была готова. Но, не имея сил противиться столь теплым, но редким моментам своей жизни, она покорно поплелась за своими друзьями в сторону лифта.

Светлана потом еще долго вспоминала тот день. Несмотря на погруженность в свои мысли, серьезный рабочий график, она почему-то запомнила тот самый момент... Момент, когда Вася увидел одну из девочек из бухгалтерии и вздрогнул. Недели спустя Света будет поминутно отматывать события того дня, чтобы понять, что значили те взгляды.

Но тогда... Тогда Злата бросилась в атаку – ей не терпелось узнать, кто же он, этот таинственный избранник подруги ее детства.

– Да нечего там рассказывать. Он старше, намного, воевал в горячих точках. Точно не женат, – засмеялась Светлана.

Злата молчала. Вася делал вид, что что-то ищет в телефоне – он очень боялся, что в истории со сломанной «шестеркой» его привлекут как независимого эксперта.

– Света, что ты делаешь? Зачем тебе все это? – не сдержалась пораженная Злата.

– Ну... с ним мне спокойно, – отвечала допрашиваемая каким-то мертвенно-холодным голосом.

– Прекращай это, пока не поздно. Он тебе в папы годится, ты не знаешь о нем ничего, – задышалась от возмущения Злата.

Света понимала, что пытаться объяснить подруге всю боль и нелепость событий, которые накрыли ее последние месяцы – накрыли лавиной, перекрыли кислород, – было бесполезно.

– Я, пожалуй, вернусь на рабочее место. И давай больше не обсуждать.

Злата же, понимая, что ее слова проткнули сердце несчастного Васи, все же крикнула что есть мочи:

– Он не такой как мы!

Вася опустил глаза. Казалось, кто-то сильно ударил его по спине, и он приготовился вот-вот упасть. Света остановилась. Она видела реакцию несчастного молодого человека, ей до смерти стало жаль его.

Потом она вспомнила разговор с Игорем. Повернувшись, каким-то странным взрослым не своим голосом, она медленно произнесла:

– Злат, а сколько можно? Ногти, тренажерный зал, обувь, украшения. Я на работу хожу, как новогодняя елка! Сколько еще я буду тратить не денег, нет, сколько я буду *тратить себя*, чтобы, наконец, я стала как бы нормальной и хоть кто-то из моих ровесников меня заметил?! Я

устала быть человеком-невидимкой. Я все сделала, чтобы стать нормальной, чтобы стать, как ты. Но, может, не судьба?!

И, немного помолчав, добавила:

– Нет никаких «мы». И не было никогда. Тебе не понять, в каком аду я живу с детства.

Глава 16. Остановка

Разговор со Златой как-то выбил Свету из колеи, и, воспользовавшись моментом, она решила съездить на один из вверенных ей объектов. По случайному совпадению он находился недалеко от квартиры Игоря, куда она могла приехать и, словно раненый зверь, зализать свои раны.

Света не рассчитывала заходить на стройку – техника безопасности всегда стояла у нее на первом месте. Но уже подъезжая, она поняла, что интуиция начала бить в набат. Приехав к строящемуся зданию, Света вышла из машины, и, посмотрев вверх, она замерла: на здании, который доверил ей Владимир Иванович, до сих пор отсутствовал огромный стеклянный павильон, который должны были установить пару месяцев назад.

Все-таки сила событий ее жизни докатилась и до качества ее работы.

– Что это? Что это такое? – подходила Светлана к зданию.

– Девушка, девушка, сюда нельзя! – заорал охранник.

– Я из управляющей компании, – машинально проговорила она, доставая пропуск, – А где павильон? Где стекло – его что, украли?

– Я тут через день, по сменам. Уже полгода. Не привозили стекло, – отвечал испуганный охранник. У нас тут журнал. Все зафиксировано.

– Где это чертово стекло? Не могло ж оно сквозь землю провалиться? – задыхалась Света, уже понимая, как сильно ее подставили... и этим кто-то, как ей казалось, был ее брат...

Света села обратно в машину, закрыла глаза, набрала номер Владимира Ивановича.

– Да, слушаю, – отвечал нарочито грубый голос дяди Володи – знак того, что он не один.

– перезвоните мне, пожалуйста, как сможете, у нас проблема на стройке. Надеюсь, незначительная, – уже помня о своих прошлых промахах отвечала Светлана.

Через полчаса она уже сидела в квартире у Игоря.

– Оплата была проведена, все было обговорено. Не знаю, что случилось. А теперь мы не успеем. Мы не успеем его сдать. А там мероприятие намечалось. А ведь это деньги, – мысли судорожно бегали по комнате.

– Свет, я говорил. Вся эта история с твоим братцем ни к чему хорошему не приведет.

Глава 17. Что-то происходит

История со стеклянной витриной с самого начала носила какой-то загадочный характер. В системе, где все было четко и ясно, внезапно случился сбой. Договор подписан, оплата проведена. С подрядчиками говорил лично дядя Володя. Казалось, все было выстроено четко. От того так странно было обнаружить, что деньги до строителей так и не дошли, а те, в свою очередь, не посчитали нужным позвонить и предупредить, что без предоплаты начинать ничего не будут. Все упиралось в бухгалтерию. И в банк.

– Вот поэтому мы и настаиваем на том, что в договоре должен был быть пункт «с момента списания денежных средств», а не «с момента поступления денежных средств на расчетный счет заказчика». Но я другого не понимаю, им позвонить, что ли, сложно было? – начинала уже срываться на ор Света. Перспектива того, что из-за ее ошибки Владимир Иванович потеряет огромные деньги, ее совершенно не радовала.

– Странно, – смотрели программисты вместе с сотрудницей бухгалтерии операции по счету. Все по срокам. Все вовремя. Деньги должны были уйти. А банк что говорит?

– Ничего. Ничего не было.

– А почему они не позвонили-то? Ну, сказали бы, что деньги повисли.

– Они говорят, что звонили. И неоднократно.

Девушка из бухгалтерии начинала явно нервничать.

Стеклянная витрина превращалась в порочный круг.

В конце дня Владимир Иванович принял решение забросить деньги во второй раз, но так, чтобы на этот раз процесс контролировался. А «повисшие деньги» необходимо было найти службе экономической безопасности. Вот тут-то и выяснилось самое интересное. То, что по какой-то причине пропустили разом и все. Лицензия банка несчастных «стекольщиков» была отозвана как раз в период перечисления денег на их расчетный счет. По закону плательщик, то есть контора дяди Володи и его банк считались исполнившими свои обязательства. Предъявлять к ним какие-либо претензии у получателя не было оснований. Казалось, наступило временное затишье.

Фирму, устанавливающую павильон, обязали выполнять заказанную работу без перспективы получить за это хоть что-то – судя по всему, им предстояло огромное судебное дело со своим же банком. Но дядя Володя сильно надавил на них, а его слово имело значение. К тому же все торопились закончить работы к запланированному мероприятию.

Светлане эта история сильно не нравилась с самого начала. Она понимала, что в компании, устанавливающий стеклянный павильон, работают такие же обычные люди. И факт того, что они будут делать столь важное дело без перспективы получить за свою работу хоть что-то, не радовала...

Но вопрос контролировал лично начальник службы экономической безопасности Михаил Федорович, единственный человек во всей компании, которого Светлана боялась даже больше брата и дяди Володи. Говорят, в прошлом он был офицером... Правда, про род войск никто ничего не знал...

Глава 18. Разбитое стекло

В тот день Света проснулась неожиданно рано. За окном как-то особенно зловеще свистел ветер. Серое небо давило.

Приехав в офис, девушка сразу почувствовала какое-то особо оживленное движение... По офису энергично ходили незнакомые люди, молодые сотрудницы шептались по углам – плохой знак.

Минуя броуновское движение своих коллег, Света направилась напрямик к Владимиру Ивановичу, когда услышала, что он громко и недовольно с кем-то разговаривал, явно нервничая.

В коридоре в Свету влетела та самая бухгалтер, с которой они вместе искали пропавшие деньги.

– Светлана Викторовна, слава Богу. Вы не представляете, что произошло!

У Светы мурашки побежали по спине.

– Стекло, помните, то самое. Не понятно, что пошло не так. Может, крепежи неправильно установлены были, может, мороз. Только оно упало. Рухнуло. Сейчас разбирают завалы и пытаются выяснить, не погиб ли там кто.

В глазах у Светланы потемнело.

– Где тебя носит?! – завопил Владимир Иванович, несмотря на то, что Света приехала, как обычно, ни свет ни заря. Его крик, казалось, пролетел через все здание и остановился на ней. – Ты мне ответишь. Ты мне объяснишь, какого хрена ты меня подставляешь так.

Свете показалось, что она идет по подвесному мосту, который сильно раскачивается. В висках начинал биться страх.

– Света, какого хрена это стекло было установлено на три месяца позже положенного, в самый мороз?

Закономерный вопрос.

Света молчала. Ей стало казаться, что все это сон. Просто страшный сон. Что это не тонны стекла – что это просто еще один посольский горшок. И все. Ничего страшного.

– Владимир Иванович, бухгалтерия перевела деньги в срок, – пыталась взять себя в руки Светлана. – Вы сами дали распоряжение продолжить работы, и работы продолжались. Разве нет?

Лицо Владимира Ивановича начинало багроветь.

– Сейчас будут звонить оттуда, докладывать, есть ли пострадавшие. Или не дай Бог погибшие. Уйди с глаз моих, видеть тебя не могу! Ты будешь отвечать, это твоя зона ответственности! – снова заорал на весь офис Владимир Иванович.

На секунду в офисе воцарилась тишина.

Свете показалось, что серое небо, которое она видела в окне утром, начинает накрывать и души ее.

Она понимала, что, если ты залезаешь в мир мужчин и их амбиций, нечего ждать пощады. Но то, что происходило вокруг, напоминало дурной сон.

Глава 19. Карма

Светлана с детства верила в карму. Она верила в то, что все, абсолютно все, что мы делаем, обязательно однажды к нам вернется.

Именно поэтому на данные ей на школьный обед деньги она могла купить еды для бродячих собак.

Именно поэтому она упростила своего отца одолжить Васе первый взнос для покупки его квартиры.

Именно поэтому, будучи взрослой, частенько покупая себе завтрак в семь утра, когда город еще спал, она покупала второй точно такой же для бездомного.

Именно поэтому она остановилась в тот день на МКАДе, чтобы помочь Игорю.

И, может быть, именно поэтому законы кармы повернулись таким образом, что в тот день на объекте не было ни души.

Все. Можно выдыхать.

Промерзнув до костей и убедившись лично, что все стекло убрано, Света решила снова навестить Игоря. В его теплой квартире, держа в озябших руках огромную старую чашку с чаем, Света неожиданно для себя заплакала. Ей почему-то впервые с момента начала всей этой истории стало безумно жаль себя.

– Там могли погибнуть люди, – повторяла она снова и снова.

Игорь молча посмотрел на нее и тихо сказал.

– У всего есть своя цена, девочка. Ты думаешь, это все просто так? Машина твоя, шмотки. Нет, это та цена, которую ты платишь за эту жизнь.

Света вздохнула.

– Я начала работать не ради денег. Знаешь, я маленькая с бабушкой много времени проводила. Потом с ее подругой – той преподавательницей французского. И как-то мне прямо с детства, знаешь, вот важно было именно *делом* заниматься. Вот так, по-советски. Я себя только через *дело* и чувствую. Понимаешь?

– Так занимайся *делом*. Где оно, твое *дело*? – обратился к ней Игорь, и она впервые увидела множество маленьких морщин у него на лице. Уткнувши голову в его подбородок, она внезапно спросила себя: «Почему мой папа так никогда не говорил со мной?»

Игорь улыбнулся той самой своей улыбкой. Как будто он знал...

Свете предстояло вернуться в офис, который постепенно превращался для нее в камеру пыток, похожую на квартиру ее родителей.

Глава 20. Снижение

Несмотря на то, что стрелка часов показывала одиннадцать вечера, в конторе дяди Володи по-прежнему разбирали завалы, на этот раз эмоционально-бумажные.

– Света, – начал Владимир Иванович.

– Там не было ничего, кроме бетона. Я лично стояла и смотрела, как они собирают и упаковывают стеклянные остатки нашего здравомыслия, нашей нормальной работы и моего здесь пребывания. Все эти несколько часов... Не говори ничего, – снова заговорило что-то Светиным голосом. – Мне кажется, у нас слишком разный взгляд на вещи. Люди не получили денег, хотя у нас бухгалтерия целый этаж занимает.

– Света, – пытался взять в себя руки Владимир Иванович.

Светлана не верила в то, что она говорила это. Ей казалось, что это какая-то взрослая, уставшая от жизни женщина говорит ее голосом. А она... она – это маленькая девочка, которая сидит где-то глубоко внутри и дрожит от страха. Как тогда в коридоре ресторана после новости о бабушкиной квартире.

– Света, это бизнес. Тебе никто не обещал, что будет легко. Ты сюда пришла, чтобы жизни учиться. А это и есть жизнь. Случается разное.

Светлана вдруг снова подумала о карме. А если бы?.. Нет, она думать об этом даже не будет.

– Тебе не обязательно будет обсуждать это с отцом. Я завтра же пишу заявление, сдаю все дела и ухожу. И можете считать меня богатой недалекой избалованной дурой.

Глава 21. Истинная скорость

Света и Владимир Иванович старались не смотреть друг на друга. Как это обычно бывает в случаях, когда взаимные ожидания были разбиты вдребезги, разбиты о стеклянный павильон...

Света раскладывала документы по папкам, когда ее телефон, нарушив мысли, сообщил: «Вася».

– Свет, ты книги свои когда забереешь? Они уже дома лежат у меня несколько месяцев.

– Васечка, Господи. Давай сегодня вечером заеду и заберу. Тут столько всего случилось! Я с работы уйду!

– Чего? Ладно, приезжай вечером. Расскажешь все.

Сколько же времени прошло! Месяц, два, три? Света зашла в любимое кафе, чтобы купить поесть. Подумав, она купила еще бутылку хорошего вина. Все-таки Вася действительно так выручил ее! Правда, сейчас все эти книги не имели больше никакого смысла.

– Я купила нам поесть, – протягивала Васе пластиковые коробки Светлана.

– Ты прямо уже точно увольняешься? Света, я не верю!

– Вася, там могли люди погибнуть, понимаешь? А ты бы видел, как он на меня орал! Как будто я виновата была! Знаешь, Вася, а я была. В том, что бабушка очень хотела меня хорошим человеком воспитать. Все боялась, что я вырасту избалованной. Поэтому и квартиру папе оставила, думала, он ее мне отдаст, когда я готова буду, чтоб понимать ответственность. Ей же квартира от моего прадеда досталась. Кстати, как там сейчас?

Вася опустил глаза.

– Злата тебе так и не рассказала?

Светлана удивленно посмотрела на своего друга детства. Странное предчувствие пронеслось у нее где-то между лопатками.

– Нет, мы больше не общаемся. Так что ты там видел?

Вася, с трудом подбирая слова, пытался описать, какой омерзительной сцены он стал невольным свидетелем.

– А в моей квартире теперь живет мой брат и его шлюхи, – засмеялась странным смехом Света.

Вася от ее смеха вздрогнул.

– Свет, а ты в знаки веришь?

– Вася, я верю уже во все.

– Я в офисе в тот день, когда вы потом со Златой поссорились, девушку видел – она как сестра похожа была на ту, что я видел в квартире твоей бабушки. Прямо знамение какое-то.

– Может, это она и была?

– И пять ее подружек в разные дни? У них там график что ли?

У Светы внутри что-то застучало.

Вася понял, что опять сболтнул лишнего.

– Свет... Как они смотрели на меня... Я, правда, тогда этих проституток из Бангладеш вспомнил.

– У тебя интернет есть?

Света встала с пола, где они так уютно ужинали с Васей, села за компьютер и открыла фото с какого-то корпоратива.

– Ты их видел у него в квартире? Ты *этих* девушек с проститутками из Бангладеш сравнил?! – показывая фото, кричала Света.

Вася мог не отвечать. Его округлившиеся глаза говорили все за него.

Глава 22. Перегрузка

Сдав дела и получив хорошее выходное пособие, Света вернулась в отчий дом, как раненые бойцы возвращаются домой после войны.

Несмотря на немалую площадь квартиры, в которой она обитала вместе с родителями, после ее увольнения мать всячески демонстрировала ей, что долго просто так оставаться без работы, живя в *ее доме*, Свете не удастся. В очередной раз выслушав о том, каким проклятием семьи с самого рождения она являлась, Света вновь отправилась к Игорю, ставшему уже ее постоянным орудием по борьбе с внутренней болью.

– Ты что-то совсем бледная стала, – вдыхал Игорь свои тяжелые сигареты, – Может, погулять пойдем?

Перспектива выйти на белый свет из такой теплой и уютной норки своего спасителя Свету не радовала.

– Я даже не знаю, когда последний раз днем была на улице. Я на работу приезжала спозаранку, уезжала иногда за полночь. Будильник на шесть утра, по дороге завтрак куплю и вперед. А по субботам у меня учеба была, сам знаешь.

Немного помолчав, Света продолжила:

– Я не знаю даже, как выглядит настоящее небо. Знаешь, с чем у меня ассоциируется небо? С балконной дверью. С балконом в своей квартире, на который я никогда в жизни не выходила.

– Как это? – улыбался Игорь, поворачивая свою огромную голову на подушке и удобнее усаживаясь.

– Я высоты боюсь. Поэтому никогда на балконы не выхожу, на самолетах не летаю... Даже по мосту пешком боюсь идти. Кажется, вот раз – и вниз.

– А я-то думал, что ты с родителями полмира объездила... С твоими-то возможностями.

– Да ты что, мне от одной мысли плохо. А Петьку, кстати, они брали. Кто бы знал, что такой выродок вырастет.

– Ты еще что-то узнала? – вновь душа под собой подушку спросил Игорь, закуривая еще одну сигарету.

– Мой брат – это какое-то собрание всех страшных пороков, только вот его ж, типа, трогать нельзя, он же у нас святой почти... – как-то неожиданно для самой себя ответила Света.

Игорь определенно действовал на нее как легкий наркотик, и из нее раз за разом вываливались мысли, которые она долгие годы, словно ненужную старую одежду, пыталась запихнуть подальше и повыше...

– Ты можешь рассказать мне все. Ты же знаешь, – снова закурил Игорь.

В этот момент у Светы как будто наступило отрезвление. Впервые за много месяцев она ясно идентифицировала то, что происходило в ее жизни. Она вспомнила вечера, проведенные со Златой и Васей, вспомнила свои уроки французского... И ей на мгновение стало не по себе...

– Ты уже знаешь все. Видишь все. Ты же видишь, что без тебя нет меня, нет моей воли, – и, улыбнувшись, добавила – Я без тебя дышать не могу...

Света уехала домой довольно поздно. Ей предстояло провести еще одну бессонную ночь в размышлениях о том, что ей делать со своей жизнью...

Но стоило ей отъехать от дома Игоря, как на то самое место, где еще пятнадцать минут назад стояла ее машина, приехала другая и в напористо-наглой позе, облокотившись о бордюр, закрыла глаза в ожидании своего хозяина.

Хозяин машины, высокий красивый брюнет лет пятидесяти с молчаливым каменным лицом, хотя и был одет в обычные джинсы и куртку, каждой деталью себя и своего внешнего вида выдавал принадлежность к миру, где большие деньги играли не последнюю роль.

Позвонив в звонок, он понял, что входная дверь была не заперта, и, зачем-то обежав взглядом лестничную клетку, быстро зашел в квартиру.

Хозяин квартиры молча курил на кухне.

– Я тебя еще месяц назад ждал, – задумчиво сказал он, выдыхая дым своих тяжелых сигарет.

Гость, не разуваясь, медленно прошагал на кухню.

– Что в прошлый раз не зашел? – продолжал, улыбаясь, Игорь, глядя гостю прямо в глаза.

– Все поверить не мог. В этом городе по крайней мере четырнадцать миллионов человек. Игорь не отвечал. Он продолжал молча смотреть в окно.

Гость, казалось, начинал снимать привычную каменную маску со своего лица.

– Знаешь, почему не зашел? Потому что про себя подумал: тут, блядь, работаешь сутками. Цифры, люди. Все в печенках сидит. Думаешь, вот однажды... когда-нибудь... А это «однажды» так и не наступает. Как будто завтра вообще нет – оно в голове сидит. Есть сегодня и мысли о завтра. И так двадцать лет.

Хозяин продолжал молча курить, как будто ожидая, что его неожиданный посетитель сделает дальше.

– Игорь, я б в жизни не поверил, если б мне рассказал кто. Смотришь на нее – дышать в ее присутствии страшно. А папа кто у нее, знаешь?... Хотя, у тебя и тогда башки не было. Но знаешь... Я вот себя спрашивал. Я б так дочь продал? Вот такому, как наш, продал? Он же ее *для себя* готовил. Прямо с первого дня. Хотя у него у самого две дочери, ровесницы ее, дружат до сих пор. Старшая вот замужем, родила недавно, а младшая, Злата... бегают все к нему. Она ему и рассказала, что у Светки мужик вдвое старше появился. Ты б видел, что с ним было. Он как раненый зверь орал.

– Стекло – его рук дело?

– Не поверишь, но нет, – отвечал Михаил Федорович, – Я к тебе по поводу стекла на самом деле и приехал. Братец ее у нас у всех в печенках сидит. Как по минному полю ходишь.

Оба молчали.

– Игорь, заставь ее говорить. Ты же можешь. Одно ее слово – и все.

Игорь молчал.

– Он не остановится ни перед чем. Только в этот раз за нее заступаться некому будет. Я знаю, что ты это лучше меня понимаешь.

– И это у тебя «отдел экономической безопасности» называется?

Гость понял, что в шутке Игоря содержалась издевка вперемешку с правдой – чудовищное сочетание.

– Заставь ее говорить, я тебя прошу. Пока не поздно. Да что я тебе объясняю. Ты же знаешь, бывших не бывает...

Глава 23. Прошлое

Света как-то случайно и потом поняла, что это был первый случай в течение всех их недоотношений, когда Игорь написал первым. Попросил приехать голодной и одеться поудобнее. Правда, адрес был какой-то странный. За пределами Московской области. Может, шашлыки ребята опять делают?

Но чем ближе подъезжала Света к пункту назначения, тем более эта поездка напоминала ей тот вечер... вечер, когда они с Игорем познакомились. Все было как будто нереально.

Наконец, Света вообще перестала понимать что-либо, когда ее машина подъехала к какому-то военному КПП.

Сидевший в будке молодой человек с каким-то детским испуганным лицом, увидев машину Светы, немедленно открыл шлагбаум.

Проехав еще метров пятьсот, Светлана впервые увидела Игоря. При дневном свете. И вот тут-то убежать было невозможно. За спиной таинственно перекрывал путь шлагбаум, а перед ней стоял огромный и страшный мужчина, со стальным взглядом, напоминающим ей взгляд самого страшного сотрудника на ее уже бывшей работе.

– Куда это ты меня привез? – медленно выходила из машины Света.

– На аэродром. Пошли.

У Светы подкосились ноги, и прервалось дыхание. Она почему-то вспомнила разом свой балкон и брата, и страшные мысли о смерти разом накрыли ее. Ей хотелось заорать, казалось, что-то внутри нее орало и проглатывало само себя. Какое-то инородное тело проглатывало ее и парализовывало волю.

Она плохо помнила, куда и как они шли. И главное – зачем. Хотя сомнения уже начинали закрадываться.

Ветер больно ударил ей в лицо, приводя ее в чувство.

– За пределами твоей семикомнатной тюрьмы есть жизнь, – обратился к ней показавшийся ей таким незнакомым Игорь. – Но если ты не сделаешь этот шаг, ты никогда не узнаешь, что такое жизнь. Выбирай.

Светлане показалось, что две огромные женские руки схватили ее за волосы и потащили назад.

– Игорь, у нас мало времени, – раздался мужской голос.

– Ты думаешь, я не помню, с какой скоростью ты тогда на дороге мимо пролетела? А? Сколько еще ты собираешься *катать свою жизнь по кругу*? – уже срывался он на крик – А к пьяным ненормальным мужикам тоже в следующий раз пойдешь? А?

И с этими словами он протянул ей руку.

И это был третий случай в ее жизни, когда Светлана пошла против... против кричащих голосов ее матери внутри.

Дальше все было похоже на какой-то психологический триллер – ее не покидало ощущение какой-то нереальности. Она не верила в то, что это происходит на самом деле. Это были эмоции, настоящие сильные эмоции. Такие, какие, по мнению многих ее «родственников» и «друзей», она в принципе не способна была испытать.

Впервые в жизни она ощутила рядом с собой настоящий... самолет.

– Первый раз все боялся. Не бойся плакать. Все первый раз плачут – значит, у тебя сердце есть, – пролетел, как в тумане, чей-то голос.

Сейчас или никогда. Ноги не слушались. Свете стало казаться, что она задыхается. Как будто кто-то сильно душил ее.

И она сделала этот шаг. Шаг в бездну своего страха.

– Смотри. Высотомер, указатель воздушной скорости, указатель вертикальной скорости, авиагоризонт, указатель поворота и скольжения, – говорил голос откуда-то извне, разбивая эту невидимую границу между миром, в котором Света жила все эти недели, и миром, в котором она оказалась сейчас.

Вокруг появились какие-то люди. Света плохо помнила их лица. Она вообще плохо помнила этот день. Игорь больно схватил ее за руку, с силой сжимал ее. И с силой говорил: «Ты должна победить свой страх».

Вокруг продолжали суетиться люди. Позже она поняла, что не могла никого из них вспомнить. Пилота она тоже не запомнила. Они как будто специально прятали от нее свои лица.

Огромный самолет начал свое движение. Снова контроль. Контроль ее жизни. Только теперь он в руках вон того человека и этой машины. Сердце выпрыгивало из груди.

Только сейчас до нее стало доходить, что все это время она жила, окутанная невидимым миром своих голосов. Голосов, которые как будто, не пускали ее в реальную взрослую жизнь. Она продолжала задыхаться от собственных слез. Ей не хватало воздуха. Она стала представлять, как у нее отнимутся ноги, затем – что самолет упадет, и все они умрут.

«Почему ты всю жизнь так меня ненавидишь? За что? – говорило что-то голосом Светланы. – Почему ты всю мою жизнь так издеваешься надо мной?»

«Тихо, тихо, тихо», – отвечало ей что-то, находящееся вне ее самой и вне какого-то другого ее тела, тела ее боли.

«Тело боли», ее боли – вот что думало и управляло ей все эти годы. А что такое была она сама – она и не знала толком. Как будто в тот момент, когда ей только предстояло познакомиться с миром, кто-то украл и спрятал ее тело, оставив только удушающую боль, наложив строгий запрет под угрозой.

«Тебе никто никогда не поверит», – прозвучал голос ее двоюродного брата.

«Мы тебе много раз предлагали ездить с нами, но ты же сама отказываешься, потому что летать боишься», – вторил брату женский голос.

Стук шасси взлетающего самолета стал превращаться в звук стучащих по паркету каблуков.

«Ты понимаешь, как ты меня довела? Понимаешь?!» – продолжал кричать голос ее матери внутри.

А самолет тем временем продолжал набирать скорость по направлению к самому страшному страху Светланы.

Она чувствовала, что все эти годы вокруг нее стоял невидимый барьер, разбить который она не могла в одиночку... а многотонная машина разбивала этот барьер за секунды. То, чего больше всего в жизни боялась Светлана, не боялся он, ее новый крылатый друг.

– Мне плохо, – закрывая глаза, она продолжала рыдать.

А мысли тем времени бежали нескончаемым потоком. Страх превращался в иголки, иголки – в стекло. Стекло. Оно разбивалось. Его нет. И никогда не было.

Сквозь собственные слезы и невыносимые воспоминания Света, наконец, увидела то, что не могла сквозь страх разглядеть годами.

– А это? Это что такое? – показывая на странное бегающее колесико, спросила Светлана.

– Это указатель курса.

Свете показалось, что колесико стало отделяться от панели, растекаться по полу и затягивать Свету вглубь себя. Так вот же она, ее жизнь, ее курс. Это колесико как будто знает все.

23 – Светлана идет в темном подъезде. Игорь. Дорога. Огромный ресторан, смеющийся дядя Володя. Похороны.

15 – Ее выпускной класс. Школа.

12 – Приехал погостить брат. Он сильно бьет ее по лицу. И тихо добавляет: «Тебе никто никогда не поверит».

6 – Вот он. Самый страшный ее страх. Она видит этот балкон. Огромный страшный балкон. Она чувствует спиной обледеневшую дверь.

«Ты видишь, как довела меня, ты меня довела! – кричит женский голос. – Я выброшу тебя сейчас, прямо с этого балкона выброшу», – продолжает звенеть голос.

Солнце уже садилось, когда шасси самолета коснулось земли.

Теперь Света знала, что, точнее, кто жил в ее теле все эти годы. Она навсегда оставила страх где-то далеко и теперь точно знала, что должна была делать.

Глава 24. Правда

– Это кто это к нам пожаловал? – заулыбался бородач так, будто той истории со стеклом не было вовсе. Его огромное лицо растянулось в доброй улыбке, которая так не сочеталась с огромным шрамом на его щеке и шее.

Света внимательно посмотрела в глаза Владимира Ивановича. Даже сейчас, когда он сидел, в расстегнутом пиджаке в довольной сытой послеобеденной позе, в его взгляде читалась сталь...

«Викинг, – подумала про себя Светлана, глядя на его огромные пальцы – он ведь убить одним ударом может».

Света внимательно смотрела на Владимира, как будто спрашивая себя в последний раз, готова ли она сделать то, что собиралась.

– Захотелось увидеть *тебя* на прощание, – произнес голос Светланы.

Как ни сдерживал Владимир Иванович свое удивление, скрыть его было сложно. Его огромный шрам выпрямился, и, как страж, стоящий рядом, будто говорил: «Я видел все. Я знаю правду. Не пытайся врать».

– Все так изменилось. А правду ты так и не узнал, хотя я считаю, что ты имеешь полное право знать. Ведь ты прав – я сама хотела этой жизни. И я ее получила. Прямо по полной.

У Светы мурашки бежали от собственных слов. Она понимала, что вот сейчас она сама уводит такую привычную и безопасную модель их общения туда, где изменить что-то будет сложно. Но осознавая ту огромную женскую силу, безапелляционно поражающую мужчин, способных прочесть ее жизнь и разглядеть ее характер, она начала выдыхать ту омерзительную гнусную правду, которая жила в ней уже неделю и отравляла ее жизнь и ее сон.

– Мой двоюродный брат, он пытается везде влезть и порядки устанавливать, прикрываясь именем «всесильного дяди Вити». А когда случается что-то, вешает вину на одну из девочек в отделе, потом шантажирует их.

Все. Вот оно. Сейчас или никогда.

Она подняла на него свои глаза, в которых впервые в жизни отразилось какое-то отчаянное бесстрашие вперемешку со злобой.

– Их мой брат шантажирует... и делает из них своих секс-рабынь, – с силой выбросила она, наконец, из себя то, с чем не могла больше жить.

– Что? Что ты сказала? – прохрипел пугающий голос Владимира.

– Я догадывалась, а *узнала* неделю назад. Но я слишком сильно боялась его. Это иррациональный страх, который врос в меня на долгие годы. И, главное, я слишком сильно боюсь мать. Я никогда не знала, что то чувство, с которым я жила все свои двадцать три года – это страх, банальный страх. И теперь я боюсь. Боюсь, что ты не поверишь мне. Боюсь, что согласишься на меня и позвонишь отцу. И тогда мне конец.

Она замолчала, ожидая его реакции. Сейчас или никогда.

Света опустила глаза. Кто знает, быть может, сталь, из которой сделан этот человек, разрежет ее прямо сейчас на маленькие кусочки. Но выбор сделан. В его руках теперь вся ее жизнь.

– Гаденыш, мелкопакостный гаденыш, – сжимал трясущиеся руки в кулаки Владимир.

Света подняла глаза, чтобы увидеть, какое же решение вынес этот огромный страж, молчаливый свидетель подвигов и преступлений своего хозяина.

Лицо Владимира на мгновение покраснело, и ярость, страшная животная ярость пробежала, как электрический разряд, вдоль его огромного шрама. Но через секунду оно вновь приняло холодное равнодушное выражение – стальная выдержка.

Нажав на телефоне большую оранжевую кнопку, он по слогам произнес:

– Службу безопасности на четвертый этаж, – и, повернувшись к девушке, сердце которой продолжало неистово биться, он тихо добавил, – Пойдем.

Глава 25. Посадка

В огромном кабинете, развалившись в черном кожаном кресле, облаченный в нелепый костюм розово-серого цвета Петр отпивал медленными глотками свалившуюся на него беспроблемную жизнь. Он с нескрываемым удовольствием крутил в руках свой дорогой телефон, потом внезапно вспоминал что-то, набирал кому-то сообщения и снова, потянувшись, как довольный кот, продолжал наслаждаться своим нынешним положением.

С самого детства у него была мечта – уехать из родного маленького городка, найти работу в шикарном офисе и получать много денег. И теперь, чувствуя, как его обычная мечта превращалась в его обычную реальность, он начинал чувствовать то наркотическое опьянение от уверенности в себе и вседозволенности, которое, как известно, способно далеко увести даже очень цельных людей.

– Я смотрю, ты хорошо устроился, Петь... Кабинетик такой у тебя, все как надо, – нарушил идиллию молодого начальника хриплый голос Владимира Ивановича.

Лицо красивого bruneta с огромными пухлыми губами и самоуверенно-равнодушным выражением лица изменилось, отчего молниеносно потеряло свою привлекательность и стало казаться ассиметричным и уродливым. Увидев генерального директора в неожиданной компании Светы, он вспыхнул:

– Не верьте ей, все знают, что она истеричка и психопатка. Мы уже *со всеми это обсудили*. Спросите у ее мамы – она подтвердит, – попытался упредить атаку испуганный до смерти Петя.

– Подожди, – смакуя каждое слово хрипел каким-то страшным голосом Владимир, – Подожди, подожди. Кто психопатка? – подходил он медленно уже к теряющему прыть молодому сотруднику. – Нина Васильевна Пашкина, сметчица восьмидесятилетняя? Которой ты предложил на смету пять лямов накинуть и пополам поделить? Или Мария Петровна из закупок? Кто психопатка-то, Петь?

Огромные красивые пухлые губы задрожали. Глаза его пришли в какое-то истерическое движение.

– Петь, – наклонил голову на бок Владимир, – Ты сидишь год, ни хера не делаешь. Зарплата у тебя как у хорошего топ-менеджера. Машина корпоративная девок снимать. Квартиру тебе Светкину, и ту дали. Но тебе мало... Может, ты на мое место хочешь?! А? Петь, хочешь на мое место?!

Восторженно-самоуверенное выражение красивого молодого человека заменило выражение уродливого, жалкого, постыдного страха.

Света стояла рядом как приклеенная. Она искренне не понимала, зачем она согласилась быть свидетелем этой гражданской казни.

– Ключи от машины, корпоративный телефон, карточку на вход и ключи от квартиры, – отчеканивал слова Владимир.

Красивый brunet, не отрывая взгляда от огромного викинга, молча выложил все на стол.

Владимир подошел к нему и едва шевеля губами тянущее, глядя прямо в глаза, прошипел: «Во-о-он».

Глава 26. Надежда

– Этого не может быть! Он хороший мальчик! Самый лучший! Самый умный! – продолжала причитать мать Светланы. – Это все она, она! Твоя дочь! Твоя придурочная дочь! Она всегда ему завидовала и наговаривала на него!

И повернувшись к Свете она заорала, что есть мочи:

– Что, рада?! Дура! – плюнула своим ядом мать на Светлану. – Радуйся, ведешь себя отвратительно!

– Люда, чтоб ноги его в моем доме не было... И чтоб имя его в этом доме никогда не произносилось... Говоришь, он в родной город возвращается? Вот и замечательно!

Шаровидная Людмила, поняв, что в попытках обелить своего «хорошего мальчика» сама может попасть под горячую руку (причем не только мужа), вдруг встрепенулась, и, как курица, которая хочет отряхнуть свой хвост от только что налипшей грязи, вдруг сказала:

– Да что ты разошелся?! Это вообще не моя идея была его к Володке устраивать.

Света решила, что не хочет больше смотреть это чудовищное представление.

Ей нужно было сбежать куда-то, и на этот раз у нее появился *хороший официальный предлог*. Она собрала вещи в небольшой чемоданчик, и, выходя из своей комнаты, крикнула:

– Папа, я у Златы буду. Она у Васи теперь живет, а я с ее собакой обещала гулять. Да, кстати, – открывая сумку и доставая ключи от той самой квартиры, продолжила Света, – Вот ключи от бабушкиной квартиры. Петька передать просил.

– Света, – внезапно оторвался ее отец от своего ноутбука, – бабушка всегда хотела, чтобы квартира стала твоей. Ты единственная внучка, и она гордилась тобой. Она тебя очень любила!

Света подумала о всех гадостях, которые ее брат устраивал на протяжении месяцев в *том* месте, и к горлу подкатила тошнота.

– Я никогда не смогу там больше жить, папа. Я туда даже зайти не смогу. Там все пропитано развратом и болью, – неожиданно жестко для самой себя снова ответила Света. – Бабушка любила не меня, а тебя, она доверяла тебе. Она считала, что ты поступишь лучшим образом. И знаешь, все так, как должно быть. И квартира эта твоя. Делай с ней все, что захочешь. Но не заставляй меня заходить внутрь. Это слишком.

– О чем ты говоришь, Света? – пытаюсь казаться равнодушным, отвечал отец.

Света молча положила ключи на стол. И засмеялась. Кто бы мог подумать – эти ключи действительно больше не имели для нее никакого значения.

Эпилог

- Побыстрее бы в Москву. Хоть поем нормально.
- Что это он такой сердитый? Кто обидел? Кто посмел? – смеялась стюардесса, глядя на надувшегося от обиды второго пилота.
- Так ты ж знаешь, пилоты не могут есть в одном ресторане, мало ли что. А тут на весь город единственное место, где, когда подают говядину – это точно говядина. Так они теперь график посещения устраивают, – раздался откуда-то сзади из темноты веселый голос старшей бортпроводницы.
- Просто не хочу есть, что попало. Может, я прилечу в Москву и поеду... в гости к какой-нибудь красивой девушке!
- Правильно-правильно, езжай голодный. Заодно проверишь, как она готовит и что у нее в холодильнике, – смеялся командир воздушного судна.
- А ты знаешь, – обращался второй пилот к стюардессе, – что на самолетах такие компасы есть специальные, где последняя цифра 33? Знаешь почему? 33 – это возраст, когда женщина уже точно должна выйти замуж.
- Идиот, – прохрипел голос командира корабля.
- Ты в его возрасте такой же был? – засмеялась красивая стюардесса.
- Что ты, хуже! – отвечал пилот, – эти вон с пеленок с техникой на «ты», на английском шпарят. Куда за ними угнаться!
- Это не 33. Это 330 градусов, – продемонстрировала свою осведомленность стюардесса, – И вообще-то там можно было дописать и 34, и 35, и 36. Так что у меня еще три года в запасе, – вновь засмеялась девушка, по-матерински обнимая юного второго пилота.
- А правда, что ты до двадцати трех лет никогда на самолете не летала? – продолжал свой допрос наглый юнец.
- Правда.
- Я вот тоже, в глубинке вырос. Нигде не был. Думал – сбегу от родителей, поступлю в летное. Мир посмотрю, – готовил огромный лайнер к полету молодой летчик.
- Там французы в «бизнесе» что-то хотят, не подойдешь? – раздался откуда-то из темноты добродушный голос старшей бортпроводницы.
- Иду!
- Свет, и какой был твой самый первый полет? Может, кофе выпьем, расскажешь? А? – хватался за последнюю возможность недавний выпускник летного училища.
- Не издевайся ты над мальчишкой, он и так про тебя уже все уши всем прожужжал, – забыв про несчастных французов, хохотала вошедшая в кабину старшая бортпроводница.
- Мой первый полет? На старом самолете на полузаброшенном военном аэродроме. Вся компания дружно уставилась на Светлану.
- Может, как-нибудь расскажешь? – спросил командир. – По дороге домой? Света посмотрела в иллюминатор.
- А я уже дома. Дом – это там, где ты счастлив. А для меня нет ничего лучше, чем ощущение, когда ты отрываешься от земли. И тебя никто и ничто больше не держит.

Все описанные события и герои являются вымыслом автора, любое сходство с реальностью случайно.

Первая любовь

История одного эмоционального переедания

Часть 1

Глава 1

*...характеристика невротической потребности в любви... это ее
ненасытность.
Карен Хорни*

Максим никогда не мог понять, что же было изображено на той картине. Одинокий маяк? Крошечный необитаемый остров, «проколотый» какой-то металлической конструкцией? Огромный булыжник, катившийся в тумане?

Когда Максим думал о всех тех стильных спальнях, в которых он побывал за последние несколько лет, оказалось, что почему-то более всех он помнил именно спальню Лены... Не саму спальню и не саму Лену, а эту странную картину на стене, висящую над кроватью. Эта картина потом еще долго являлась ему как символ чего-то, что он очень хотел понять, но не мог.

Есть люди, дни которых идентифицируются по списку дел в ежедневнике; есть те, кто просто переворачивает страницу за страницей отрывного календаря; кто-то жует жизнь, словно потерявшую вкус жвачку, однотонно и механически. Что касается Макса, то его дни (рабочие и выходные), несмотря на наличие официальной невесты из очень перспективной и полезной для него семьи, идентифицировались по спальне, в которой он просыпался.

Серые, бежевые, коричневые, белые, «стеклянные», «светящиеся», с зеркальным потолком, сине-болотные (как же они напились тогда!), в японском стиле, в китайском...

Нет, Макс не был подонком. Скорее, он просто пытался брать от жизни по МАКСимуму. Да и девушки друг о друге все знали. Точнее, знали все и все, кроме его невесты, пребывавшей в блаженном чувстве самоубеждения, что с тех пор, как он сделал ей официальное предложение и познакомился с ее отцом, она стала его единственной... Бедняжка, ей и в голову не приходило, что таким, как Макс, изменять невесте было в десять раз проще, чем изменять своим привычкам.

– Что на ней изображено? – завязывая галстук, сказал, взглянув мельком на картину Макс, поморщившись.

– Не знаю. Из Италии привезла, – отвечал еще не проснувшийся голос Лены.

– Странная картина. Сколько раз вижу, столько раз понять не могу, что это такое, – продолжал Макс, глядя на странное изображение.

И, еще раз с нежностью оглядев свое отражение с ног до головы, он повернул голову в сторону еще спящей девушки и улыбнулся своей фирменной улыбкой, в которой читались гордость за себя и нескрываемое удовольствие от всего происходящего.

Да, у Макса уже как несколько месяцев была официальная невеста.

Но это же просто секс, это даже не измена.

Изменять душой – вот что намного серьезнее, чем изменять телом. Макс был настоящим философом.

Глава 2

У Кати к ее двадцати годам сложилось четкое понимание того, что такое счастье. В ее понимании, счастьем считалось не вставать в 6:00 утра на работу пять раз в неделю.

Нет, Катя в целом любила свою работу. Точнее, ей казалось, что любила.

Она мечтала поступить в серьезный юридический ВУЗ, затем устроиться в какую-нибудь серьезную контору. Так что, в целом, мечты ее сбывались. Правда, несмотря на юный возраст, ее не покидало странное чувство... Чувство, что она тратит свою жизнь на что-то неправильное. И это мучило и не давало покоя. Особенно же муки сомнений накрывали Катю как раз в 6:00 утра, пытаясь таким образом оправдать ее естественное нежелание вылезти из-под уютного теплого одеяла.

В конце концов, Катя смогла договориться со своими муками: пренебрегая временем, требующимся женщинам обычно для нанесения макияжа, и прочими ненужными атрибутами принадлежности к женскому полу, Катя окончательно переставила будильник на 6:30. Кроме того, она в обязательном порядке начала брать с собой в дорогу (в общей сложности охватывающую два часа и три вида транспорта) какую-нибудь умную книгу, надеясь на то, что та, в свою очередь, поможет ей разрешить ее сомнения.

С одной стороны, в Катиной жизни все было достаточно правильно. Она самостоятельно поступила в серьезный ВУЗ, как перспективную студентку ее порекомендовали в хорошую фирму. У нее появился свой заработок. И каждый месяц она с предвкушением ждала момента, когда бухгалтер вызовет ее к себе и отсчитает и вручит положенную ей копеечку.

Но все это было как будто не то.

И муки продолжали съедать Катю.

Особой же мукой был один ее начальников по имени Максим Викторович. Или просто Макс, как он разрешал себя называть особо привлекательным подчиненным женского пола. Глядя на Макса, Кате все больше и больше начинало казаться, что она влюбляется в него – уж больно необыкновенно и красиво было все то, что его окружало.

Но к влюбленности примешивалось какое-то странное чувство зависти... Зависти к тому, что человек этот был как будто доволен своей жизнью. И Катя, обладая природным аналитическим умом, решила для себя в одночасье, что обязательно разберется в том, что же нужно ей для изменений в ее жизни, чтобы излучать такую же уверенность и самодовольство, как Макс. С того дня, Макс, сам не зная того, превратился в пристальный объект ее изучений. Отныне любые детали его биографии, выносимые на обсуждение их общими коллегами, подвергались многочасовому Катиному обдумыванию и анализу: она искренне надеялась найти ответы на вопросы, что же было не так с ее жизнью.

Глава 3

Макс, как и следовало ожидать, трудился в компании, принадлежащей его будущему тестю.

День свадьбы приближался. Кольцо невесты светилось все ярче, а вот кольцо свободы Макса, соответственно, сжималось с каждым днем все сильнее.

Макс хватался за последние возможности насладиться прелестями статуса *пока холостяка*, девушки, по-прежнему, провожали его недвусмысленными взглядами... До его квартиры провожали, а иногда до своей... Только на этот раз у него была официальная причина не иметь продолжения того, что он заставлял себя считать отживавшими себя *привычками*.

В этой связи особо приятными рабочими буднями стали для Макса поездки в налоговую – волшебное место, где очереди могут тянуться бесконечно долго... Например, до дома Маши (жившей неподалеку) и обратно...

А если Маша была занята, можно было взять одну из своих подчиненных (Алесью, например) и поехать к себе...

Ну, что ж вы хотите, в налоговой всегда дикие очереди!

Глава 4

В тот день все пошло с самого начала не так.

Маша заболела, а Алесья, хотя и ждала «своей очереди» в плотном расписании Макса, не могла сегодня провести с ним день из-за своего личного «женского расписания».

Макс был в замешательстве. Если бы Алеси не было в офисе, то на поле вышел бы один из запасных игроков, ну, например, Ира... Но Алесья, как назло, не просто была в этот день в офисе, но и пристально с каким-то хищническим взглядом наблюдала за бедным Максом, чтобы понять, на кого же ее сегодня заменят.

После недолгих размышлений, Макс решил, что одноразовое удовольствие не стоит того, чтобы портить отношения с всегда готовой и ждущей его Алесей, которая, при правильном подходе, вроде «Это все для бизнеса, а люблю я только тебя», вполне могла бы остаться «Алесьей» и после свадьбы. Поэтому, решив, что ему нужно было выбрать самую толстую и некрасивую девочку из отдела, он заранее избавил себя от возможных упреков недоверия сразу со стороны всех.

Он просто оставит ее в очереди в налоговой, а сам сориентируется на месте.

В конце концов, Маша была не единственной, кто жил в том районе.

Глава 5

Выйдя из смешной маршрутки, напоминающей окаменевшую буханку хлеба, неподалеку от офиса, Катя весело бежала навстречу самому приятному моменту всего ее дня – миндальному круассану из кофейни рядом с офисом.

– Здравствуй, Катюшка, тебе как обычно? – улыбалась красивая полная, напоминающая Frau из немецких булочных продавщица.

– У меня сегодня такое настроение хорошее, знаете, давайте два. Два круассана с миндалем и большой капучино!

– Та-ак, два круассана с миндалем... И один большой капучино, – повторила, улыбаясь, хозяйка кондитерской.

Все. Вот теперь все.

Катя радостно схватила бумажный пакетик со своими слоено-миндальными сокровищами: с таким богатством не страшно будет покорять новые вершины.

Глава 6

– Екатерина, если я не ошибаюсь? – окликнул Катю голос из-за экрана компьютера. – Вы у нас уже несколько месяцев, а лично мы не знакомы.

– Ой, Максим Викторович, – вытирая об стол жирные пальцы только и успела пролепетать Катя, – Да. Здравствуйте. Очень приятно, – улыбалась она сквозь уродливые толстые оправы дешевых очков.

Макс поморщился. Ради сегодняшнего дня он даже взял свою парадную спортивную машину. А теперь ему пришлось бы ехать в налоговую (где, возможно, он встретит кучу своих

знакомых) с этим «недоразумением» с испачканными миндалем руками. Макс подумал про внутреннюю отделку и то, смогут ли потом в химчистке оттереть этот чертов круассан.

Глава 7

– Катерина, прошу, – открывая дверцу своего новенького спортивного автомобиля серебристого цвета, отчеканил Макс.

– Спасибо, – опуская глаза и садясь в явно в не подходящую ее росту машину, скромно ответила девушка.

Сев внутрь, Катя огляделась. Вот как она выглядит – уверенность Макса изнутри. Шикарный бежево-черный салон, коробка передач «под дерево», чарующий аромат чистоты, уюта, денег и какого-то опьяняющего парфюма Максима Викторовича.

Она посмотрела на смуглую руку своего шефа, на которой красовались новенькие швейцарские часы: вот, оказывается, какая она – «рука, которая держит миллионы».

При всем том, Катя уже начинала чувствовать какой-то общий дискомфорт в этой пусть и элитной, но крошечной машине: во-первых, глядя в окно, ей показалось, что она смело могла посчитать крышки всех городских люков на дороге, во-вторых, Катины колени буквально упирались ей в нос и начинали затекать.

«Как же тогда супермодели в таких ездят?» – думала Катя, едва дыша.

Макс переключил передачу, машина резко повернула и выехала на большую дорогу. Автомобиль продолжал подпрыгивать от каждого люка, неприятно приземляясь и покачиваясь, отчего Катю стало укачивать.

«Если меня сейчас стошнит в этой машине, я в жизни не расплачусь за ее химчистку!» – пронеслось у нее в голове.

Машина продолжала лететь в сторону налоговой, подпрыгивая на каждой кочке. У Кати же от всего происходящего появилось странное ощущение будто ее запихнули в гигантский горшок и прихлопнули плотной крышкой. Колени продолжали неудобно упираться в нос, а с левой стороны ее все время пихал локоть Максима Викторовича, как-то странно переключающего ручную коробку передач. Что-то в его резких отрывистых движениях напрягло Катю с самого начала...

Резкий толчок в толстый бок Кати вернул ее обратно в реальность. Машина взвизгнула и снова повернула. На мгновение спидометр показал цифру 150.

– Не нравится мне все это, – подумала про себя Катя.

Глава 8

Приехав в налоговую, Кате только с четвертой попытки удалось вылезти из уже осточертевшего ей за час «дорогостоящего элитного горшка», в которую ее, такую ответственную и ни на что не претендующую, запихнул зачем-то сегодня Макс.

Макс молча смотрел на тщетные попытки Кати извлечь себя с пакетом документов из того, что он считал принадлежностью к своему статусу, и молча молился, чтобы в налоговой он ни встретил кого-нибудь из своих друзей.

Наконец, окончательно извлекши себя из спортивной машины Макса, качаясь на ходу после долгой поездки, Катя направилась в сторону главного входа главной финансовой мельницы города.

Но в тот день звезды, по-видимому, решили не просто посмеяться над Максом, но сделать это громко и издевательски: в обычно такой забитой налоговой не было ни души.

– Да что ж за день за такой, – думал про себя Макс, начиная выходить из себя.

Документы им оформили буквально за десять минут, и у Макса назрел закономерный вопрос, куда ехать дальше.

«Может отпустить ее домой, но попросить, чтоб сказала, что мы в налоговой были? – думал про себя Макс. – Она девочка вроде хорошая, неболтливая. А тут выходной у нее будет».

Идея Максусу как-то сразу понравилась.

– Катя, предлагаю вам джентельменское соглашение. Я вас сегодня отпускаю домой, хотя только одиннадцать часов утра. Все. Свободны. Но. В офисе вы всем скажете, что мы с вами весь день «по налоговым и по нотариусам». Как вам?

У Кати перед глазами пронесся ее любимый чай с бергамотом, очередной круассан и возможность поспать под любимым уютным одеялом.

Она улыбнулась несвойственной ей хитрой улыбкой, из чего Макс понял, что с этой девочкой можно будет договориться и в следующий раз.

– И зря я на нее наехал, – думал Макс, перебирая про себя телефонные номера тех, кто мог бы оказаться в это время дома. – Если она такая сговорчивая, ее вообще можно использовать в подобных случаях.

– Катюш, давайте до метро доброшу, – прокричал он ей с какой-то ребячьей радостью в голосе. – Только звонок сделаю.

Катя вновь запихивала себя в «крошечный серебристый горшок», когда увидела, как Макс в отдалении начал говорить с кем-то по телефону – вся его поза выражала радостное возбуждение.

Глава 9

– Катюша, а знаете, давайте музыку что ли включим? – прокричал радостно Макс, поворачивая ключи зажигания и нажимая на кнопки на панели.

Машина зарычала. Катю снова толкнул в бок острый локоть Макса.

Каким-то резким нервическим движением они повернули со стоянки, и мимо носа несчастной Кати снова понеслись городские люки.

Макс весело стучал руками по рулю, в такт музыке, одновременно пытаясь переключать передачи.

На мгновение машина как будто взлетела, и на спидометре Катя увидела это страшную цифру 220.

«Ох, не нравится мне все это, – думала про себя Катя. – А все же как это необыкновенно: увидеть весеннюю Москву с такого необычного ракурса.»

На мгновение Катя подняла глаза: мимо них несея на огромной скорости грузовик. Диски на его огромных колесах бежали в такт музыки. Катя чувствовала себя героиней какого-то модного музыкального видео.

Это было последнее, что она помнила. Потом был удар. И на мгновение она потеряла сознание.

Глава 10

...формой подкупа можно считать попытку добиться любви, проявляя понимание человека, помогая ему в умственном или профессиональном развитии, устраняя его трудности, и тому подобное.
Карен Хорни

Когда Катя открыла глаза, ей показалось, что она проснулась в сон. Голова как будто гудела, сердце неистово билось. Еще не понимая толком, что произошло, она резко повер-

нула голову влево, когда увидела рядом с собой окровавленное лицо Максима Викторовича, в странной позе лежащей на подушке безопасности.

– О Господи, Максим Викторович! Максим Викторович! Господи!

Макс стал медленно открывать глаза.

– Максим Викторович! Вы как! Надо треугольник вынуть, поставить, чтоб в нас никто не въехал.

В каком-то странном возбужденном полубреду, Катя вышла из машины. И вот тут-то все стало ясно. Прямо рядом с ними стояла разбитая машина такси, в позе, перепрыгивающая через двойную сплошную, словно ребенок, прыгающий через натянутую резиночку.

Мимо на бешеной скорости пролетали машины. Кто-то недовольно сигналил.

Водитель такси растерянно смотрел на машину Макса, и в глазах у него застыл ужас.

– С Вами все в порядке? – закричала Катя, – у вас есть знак аварийной остановки?

Но водитель такси был не в себе.

«Первым делом необходимо достать треугольник и оградить место аварии во избежание других аварий» – застучал в голове у Кати голос ее инструктора по вождению.

Да, у Кати были права. Она сдала на них по настоянию родителей еще в восемнадцать лет. Сама сдала, с первого раза. Без взяток и знакомств.

Макс все еще пытался прийти в себя.

Глава 11

Поняв, что она находится практически одна посередине огромного шоссе с шестью полосами, Катя, как обычно, выдохнула, и, сильно уколов саму себя ногтями, занялась раздуливанием ситуации, в которую врулил их обоих Макс.

Как будто зная, как открывается багажник в машине, в которой она сидела первый раз в жизни, она, сама не зная как, быстро извлекла оттуда заветный «треугольник».

«Далее необходимо вызвать ДПС» – продолжал голос внутри.

Катя достала телефон из сумки и набрала 112

– Добрый день! Мы находимся на... – начала Катя так, как будто делала это в жизни уже раз сто, – произошло дорожно-транспортное происшествие.

– Пострадавшие есть? Скорую вызывать?

Катя увидела, что Макс в это время уже вылезал из машины. Оказалось, что из его носа сильно хлестала кровь.

– Есть, но не тяжелый. Так что пришлите на всякий случай.

– Так, имя назовите свое. И Фамилию. И имя водителя.

Назвав всю необходимую информацию, Катя вновь услышала голоса внутри.

«Далее необходимо позвонить в страховую» – повторял голос инструктора в голове.

«Надо у Максима Викторовича спросить, где документы и где телефоны» – очень своевременно подумала Катя, потому что Макс, теряя ориентацию во времени и в пространстве, направился ровно в сторону проносящегося мимо троллейбуса.

– Максим Викторович, осторожнее! – крикнула Катя.

Макс вздрогнул.

«О Боже! Да он, видимо, не в себе!» – снова пронеслось где-то в глубине Катиного сознания.

– Так. Максим Викторович. Я вызвала ДПС и скорую. Сидите в машине. Вы знаете, где документы на машину?

Макс посмотрел на нее взглядом, напоминающим скорее сбитого на дороге щенка.

Катя села обратно в машину, открыла бардачок и судорожно начала искать хоть что-то.

Первые телефоны не отвечали. Наконец, с третьей попытки ей все же удалось дозвониться в страховую компанию и объяснить ситуацию.

– Максим Викторович, нужен Ваш паспорт и права! Максим Викторович!

Но Макс по-прежнему находился в состоянии шока, мешающего ему адекватно воспринимать реальность.

– Господи, да что же это! Максим Викторович!

Поняв, что помощи ей ждать *неоткуда*, Катя оттопырила солнцезащитный козырек, откуда на нее посыпались сначала какие-то бумаги, потом права Макса (свалившиеся ей на нос). На правах Катя успела разглядеть чудовищное фото Макса, на котором он был похож на героев происшествий из рубрики «разыскивается». Продолжая вытряхивать все содержимое полки, Катя поняла, что теперь ей на лицо и волосы, словно новогоднее конфетти, стали сыпаться презервативы, которые Макс хранил как раз в той самой полке.

– О Боже! – сглатывая с себя свидетельства разгульной жизни Макса уже почти плакала Катя.

Макс по-прежнему сидел в каком-то состоянии полушока. Пытаясь залезть обратно на свое сидение, Катя случайно задела кровоточащий нос сидевшего Макса, отчего на ее белоснежной блузке молниеносно появилось огромное пятно.

– Так, нужны салфетки. Максим Викторович, вы в порядке? Вы можете себе кровь с лица стереть?

Но Макс по-прежнему сидел в состоянии какой-то безэмоциональной парализации.

– Ладно, сейчас мы сами нос вытрем, – оттирая влажной салфеткой уже засохшую кровь с лица Макса приговаривала Катя.

Послышался звук приближающейся сирены.

– Максим Викторович, это ДПС. Надо с ними поговорить. Вам надо документы заполнить.

Макс повернул на нее голову, и в глазах у своего шефа Катя увидела такой неподдельный ужас и страх, что ей показалось, что на нее смотрит маленький ребенок, которого фашисты собирались угнать от родителей в концлагерь.

«Вот ты какой цветочек аленький!» – пронеслось у Кати в голове. И в тот момент она впервые подумала о том, что весь этот лоск Макса, благодаря которому он с таким достоинством держался в офисе, на самом деле был не более, чем напускаемым им же самим туманом.

Глава 12

В общей сложности оформление аварии заняло где-то два часа. У Кати заняло, потому что Макс все то время просто сидел на своем водительском сидении и продолжал смотреть в пустоту.

Рисуя схему дороги, направление движения, Катя подробно, словно на уроке математики, объясняла сотрудникам ДПС, почему в этой аварии ее любимый начальник совершенно не был виноват.

Наконец, разобравшись с документами и отправив машину на амбулаторное лечение в сопровождении эвакуатора, Катя выдохнула. Правда, напоследок ей пришлось еще раз проверить, все ли документы и бумаги они с Максом вынули из машины. От госпитализации Макс отказался.

Катя же, со свойственным ей параноидальным перфекционизмом, сфотографировала все повреждения машины, сфотографировала водителя такси, машину такси, а также взяла номер телефона таксиста.

Машина ДПС уже уезжала, когда Макс как будто пришел в себя. Посмотрев на Катю, он неожиданно сам для себя сказал:

– Катерина, вам сколько лет?

Действительно, важный вопрос в такой момент.

– Как вы это делаете? – с нескрываемым ужасом продолжал смотреть на нее Макс. – Пойдемте пообедаем?

Катя, понимая, что несчастный Макс еще не до конца пришел в себя, весело сказала:

– С вас круассан, Максим Викторович.

– Да я тебе кондитерскую куплю, – окончательно придя в себя, прокричал Макс.

Глава 13

В тот день Катя решила поехать ночевать к родителям – уж больно много событий случилось с ней за один день.

Макс в благодарность за моральную поддержку во время аварии купил ей целый пакет эклеров и круассанов. Так что Катя, гордо держа свою добычу, уже стояла перед квартирой родителей и нажимала на кнопку звонка.

Дверь отворила полная еще молодая женщина, и, автоматически сказав «Привет», пошла на кухню.

– Мама, ты не представляешь, что сегодня со мной произошло. Я чуть не умерла. Мы с моим начальником попали в аварию на спортивном автомобиле.

Катина мама равнодушно посмотрела на дочь, затем взяла пульт от телевизора и, сделав звук на полную громкость, твердо сказала:

– Тихо, тихо, такая передача интересная.

Катя тихонько села за стол, предварительно положив круассаны в холодильник.

– Мама, мы с моим начальником в аварию попали, – отчаянно пыталась ухватить Катя хотя бы кусочек материнской любви.

Катина мама поморщилась будто от звука скребущих друг о друга ножей.

– Ну тихо ты, передача идет. Не видишь, что ли?

Катина мама очень любила передачи, где герои, после долгих бесконечных поисков, длящихся иногда всю жизнь, в итоге находили друг друга. В конце герои передачи плакали, зрители тоже плакали, плакала от счастья и Катина мама.

Катя почувствовала бесконечное одиночество. В тысячный раз. А может и в сотысячный.

Она взяла свои круассаны и пошла в свою комнату заполнять свое одиночество сладким гостинцем от Макса.

Глава 14

В тот вечер Макс тоже не хотел оставаться в компании женщин, не способных понять все то, что с ним произошло, точнее, слава Богу, не произошло... И, хотя голова гудела все меньше, какое-то странное чувство никак не отпускало – чувство, что его жизнь после этой пусть и мелкой, но аварии никогда уже не будет прежней.

– Максик, любимый, – закричала красивая блондинка. – Как хорошо, что ты сегодня пораньше! Столько всего надо обсудить – мы кухню голубую будем делать или розовую?

Макс внимательно посмотрел на свою *невесту*, и странное чувство, похожее на страх перед будущим, словно полупрозрачное привидение прошло мимо него.

– Юля, я сегодня по дороге из налоговой попал в аварию и разбил машину. Голова еще гудит.

– Но все же в порядке? Машину сильно помял? – ответила Юля, невеста Макса и по совместительству дочь владельца компании, в которой он вот уже как год занимал довольно серьезный пост.

– Да, но это все равно было... как-то...

– Ну ты же домой вот на своих двоих приехал. Значит все в порядке. Знаешь, вот тут везде в журналах пишут, что надо настраиваться на позитив. Так что просто забудь. Так кухню голубую или розовую? Я вот тут штук десять журналов приготовила.

У Макса снова как будто зазвенела голова. Он почему-то представил, что вот *такие вечера, такие разговоры и такая Юля* вскоре будут занимать все его вечера. Ему стало не по себе, он почувствовал, что задыхается. Ему захотелось убежать отсюда подальше.

– Ох, черт, – вскрикнул Макс, – я в машине забыл документы. Бляяя... Они ж мне нужны завтра будут. Это ж мне куда ехать-то? Куда они ее увезли? – прокричал Макс, трогая документы, так бережно положенные Катей к нему в кейс. Пойду секретарше позвоню – придется ехать их забирать.

Юля сделала ему короткий жест рукой и снова погрузилась в журналы, рисующие эскизы их будущей с Максом семейной жизни.

Макс уже выходил из квартиры, когда Мария Иванова, его секретарь, взяла трубку:

– Машуль, я неожиданно рано освободился. Я что-то так устал, вся эта бытовуха достала. Не хочешь кофейку попить?

Глава 15

– Максим Викторович, здравствуйте! – весело прощепетала Катя, увидев на следующий день своего начальника.

Макс был искренне рад видеть эту странную полноватую девочку, но он вдруг понял, что его начало накрывать такое сильное чувство стыда за все то, что он сказал и сделал в день аварии, что он твердо решил для себя делать вид, как будто не произошло ровным счетом *ничего*.

Макс продолжал размышлять.

Для Макса было давно ясно, что чувство стыда возникает от ощущения собственной неидеальности, а следовательно – слабости. А больше всего на свете Максим боялся, что его посчитают слабым.

Ему предстояла свадьба с дочерью очень богатого и влиятельного человека, а, следовательно, за каждым его шагом должны были следить. А вчера... Вчера он итак позволил себе слишком многое. Поэтому, придя в офис, он твердо решил показать Кате *ее место*.

– Екатерина, что вы орете на весь офис? Садитесь работать. И так вчера времени сколько потратили на эту налоговую!

Катя, в свои двадцать, еще не понимавшая ни законов работы огромной корпорации, ни, тем более, психологию мужчин, искренне подумав, что замечание ей было сделано *за дело*, принялась впечатывать доверенности и протоколы.

Глава 16

Как и полагалось, в офисе Макс не стал сильно распространяться на тему своей аварии, не понимая, что тем самым он подставил несчастную Катю перед змеиным гнездом под названием «юридический департамент» компании А**. Мало того, что Макс и Катерина отсутствовали тогда целый день, так еще и в налоговой, как назло, в тот день оказалась подруга одной из сотрудниц компании, которая, кстати, упомянула, что очередей в тот день не было.

Не прошло и нескольких дней, как Катя стала ловить на себе презрительные взгляды коллег женского пола. Всех. Возраста от двадцати до пятидесяти пяти. Это отвлекало Катю от работы, злило. Но сделать она ничего не могла: Макс строго-настроено запретил ей рассказывать об аварии.

Вскоре безмолвные взгляды сослуживцев заменились вполне себе колкими замечаниями, которые Катя начинала слышать буквально со всех сторон.

– Катя, почему в этой доверенности точка вместо запятой? Так, Катя вызывает мозг, – говорила ей красивая Ира.

– Катя, ну почему вы всегда так плохо и так медленно работаете? Вы хотите, чтоб вам замену тут нашли? Найдут и быстро, – вторила Ире «та самая Алеся».

Катю разрывало от чувства обиды и несправедливости. И два круассана на завтрак плавно перетекли в четыре: на завтрак и обед. Катя продолжала стремительно набирать вес.

Ко всему прочему примешивалось то, что Катя, почти единственная, пришла в компанию «со стороны»... Она очень держалась за этот шанс и эту работу, ведь потеряй она это место, дорога к родителям для нее была бы закрыта...

Катю накрывало ощущение беспомощности. Ей хотелось закричать и спрятаться в свое тело одновременно. В такие моменты ей опять же хотелось есть...

В конце концов, не имея возможности обсудить сложившуюся ситуацию *со своей мамой*, Катя нашла себе маму-заменителя прямо в офисе. Вполне логично, что ей стала пожилая делопроизводитель Татьяна Петровна. *Многодетная мама* сотрудников офиса, а, по совместительству, главная сплетница всей компании.

Глава 17

Что же заставило отличницу и умницу Катю попасть в лапы к главной хищнице по новостям в офисе? Катя потом долго думала об этом. Быть может, тот факт, что, хотя мама у Кати как бы была, но всю жизнь Катя чувствовала себя сиротой?

Катин отец очень любил свою дочь, поддерживал все ее начинания, но...к сожалению, никогда не мог (или не хотел?) защитить Катю от ее мамы. И год за годом, с самого детства, Катя привыкала либо молча сглатывать нанесенную ее мамой обиду, либо *заедать* ее.

Субботние обеды были для Кати отдельным видом пытки. Мама презрительно смотрела на нее, и, неприятно хихикая, говорила:

«Ну что, дурочка ты наша, тебя еще не уволили?»

Или

«Толстوشечка наша, джинсы скоро порву-у-утся на этой жирной жопе!»

Вначале Катя пыталась противостоять этим колкостям и укусам. Но в ответ всегда получала что-то вроде: «Ты чего хамишь? Сейчас без обеда останешься!»

В такие моменты Катя пыталась искать защиты у отца, но тщетно... Он сидел молча, за другим концом стола, с лицом испуганного маленького мальчика, боясь даже пошевелиться. Кате же было запрещено каким бы то образом защищаться в подобных ситуациях. И с детства она выработала привычку гасить подобные ситуации, что называется, об себя.

Это был какой-то странный запрет на эмоции, когда отключается все, кроме чувства вины.

Правда, у ее мамы была еще одна дежурная фраза. Уничтожающая. Обезоруживающая. Бьющая враз и наотмашь.

«Это ты меня довела!» – слышала Катя с самого детства.

И Катя снова замолкала. И открывала холодильник.

Потом она научилась мечтать. И читать.

Книги стали способом выжить интеллектуально. Еда – эмоционально. И в Катиной жизни появился некий баланс, нарушаемый лишь вынужденными вылазками в реальную жизнь.

А Катя, тем временем, продолжала есть, она как будто становилась больше, и, потому, чувствовала себя сильнее и увереннее стоящей на земле. Так она закончила школу, поступила в институт и, подкрепляя знания большим куском жирного стейка, уверенно шла сдавать очередной экзамен.

Глава 18

В тот день Макс пришел какой-то особенно напряженный. Он долго ходил кругами по офису, потом каким-то истерическим движением снял с себя галстук и швырнул его в помойку. Некоторые девушки молча хихикали. Катя наблюдала за происходящим с нескрываемым ужасом.

Как назло, у нее на столе лежали документы, которые надо было нести Максу на подпись.

– Максим Викторович, извините пожалуйста, – пыталась просунуть Катя свое плотное тельце в крохотную щель между дверью и стеной, – Максим Викторович, у меня тут документы...

Макс поднял на нее свои уставшие глаза. Он хотел ответить что-то со злобой и даже внутри себя попытался поднять какие-то остатки того самого, мужского и агрессивного, того, чего так боялись его подчиненные... Но силы как будто покинули его. И, резко выдохнув, он бросил взгляд вместе с остатками своих сил на стол. И сам, казалось, рухнул, рухнул, откуда-то из своих странных и мучительных размышлений.

– Максим Викторович, простите меня... Максим Викторович, – задыхалась Катя, – а пойдемте обедать вместе. Говорить о работе не будем, я все равно ничего не пойму. Просто... вы какой-то белый... Мне кажется, у вас сахар упал... Простите меня.

Макс как будто проснулся.

– А пошли, Кать, – вскочил он из-за стола, – сейчас пальто возьму.

В этот момент Катю обуял ужас. Она сама не знала, зачем предложила своему начальнику пойти на обед *вместе*. Но ей было так бесконечно жаль его... Жаль в очередной раз. И, в конце концов, последнее время он был главным смыслом не только ее пребывания в этой компании, но и всей ее жизни.

И не прошло и месяца, как подобные обеды, полумолчаливые и немного грустные, стали для Кати и Макса чем-то обыденным...

Глава 19

Как ни странно это звучало, Катя начинала чувствовать, что ее полнота имела *одно неоспоримое преимущество*. С одной стороны, с каждым днем она все больше времени проводила с Максом, который рассказывал ей о своем детстве и своей семье. С другой, Катя была *толстая*, а потому, ни невесте Макса, ни коллегам не приходило больше в голову ревновать ее к главному сердцецу компании.

Так Катя стала для Макса приемной младшей мамой.

Катя хорошо знала эту схему поведения.

Она хорошо помнила лицо этого маленького несчастного мальчика, готового вот-вот заплакать и боящегося пошевелиться в присутствии *ее мамы*. Это был *ее отец*.

Когда-то давно, лет в десять, ей казалось, что она буквально усыновила своего отца, пожалела и усыновила. И спасая его раз за разом от маминых истерик и обвинений, к одиннадцати годам она превратилась в некое подобие маленькой женщины, доброй и всеохватывающей... всеохватывающей, в том числе, своим огромным полным телом.

Будучи толстой, Кате больше не приходилось соперничать со своей матерью за звание «Королева красоты». Катя просто отдала этот титул, взамен получив жизнь, намного более спокойную, чем она имела в восемь-девять лет, когда была тоненькой высокой девочкой.

Когда же мамины истерики и желание во что бы то ни было раскачать Катину психику все же побеждали, Катя начинала есть... снова есть... и снова есть... Стрелка весов двигалась вправо, и девушка начинала испытывать стыд и разрушительную боль... От которых, почему-то, становилось легче. Такой вот вид самоповреждения.

К образу всепрощающей матери к Кате вскоре прирос образ мученицы. Недаром, Катин папа, человек *необычайно щедрый и мягкий с друзьями*, всегда напутствовал ей: «Надо всегда и во всем помогать людям!» И Катя щедро использовала свои таланты, чтобы помочь или даже *прислужить* другим. Иногда в ущерб самой себе.

В школе она делала всему классу английский, в институте, почувствовав себя юристом, Катя составляла бесплатно всем друзьям и соседям иски и претензии, по которым те, в свою очередь, довольно успешно, возвращали немалые суммы.

Постоянная работа, учеба, чтение книг, занятость чужими проблемами, казалось, заглушали мамин голос внутри и, что важнее, заглушали то вросшее в Катю чувство вины от той самой фразы «*Это ты меня довела*».

Но иногда в Кате просыпалась злость. Злость, переходящая в ярость. Ярость, направленная на саму себя. Ярость за то, что помогла недостаточному количеству людей и прочитала недостаточно много для вечера. И Катя вновь начинала есть.

Так еда и всевозрастающая Катина полнота дали ей иллюзию контроля своей жизни.

Часть 2

Глава 1

Из припаркованного у самых дверей офиса дорогого огромного черного автомобиля вышел красивый безукоризненно одетый шатен и медленно направился к зданию. Его красивая осанка, уверенная походка, твердый шаг – все, абсолютно все в нем выражало два таких близких и дополняющих друг друга качества – презрение и превосходство. Его жизненный опыт на его красивом волевом лице отпечатался снисходительным взглядом и скептической улыбкой. И больше никаких эмоций никто и никогда не видел на лице Александра Андреевича, финансового директора компании, человека, сделавшего себя по образцу и подобию себя же, – того, что он считал идеалом...

Все в Александре стремилось к тому идеальному, бесчувственному, отстраненному, какому-то бесчеловечному.

Чувство безусловной власти рождало в нем подозрительность к мелочам.

Даже малейшее удивление непонятым свойствам этого мира рождало глубокое чувство скептицизма, и выражалось легкой усмешкой на его идеально красивом лице. Все, чего Александр не понимал, ему немедленно нужно было обесценить.

Снисходительность – вот главное оружие, которым пользовался Александр Андреевич, когда требовал полного подчинения. Если же эта тактика не срабатывала, то на смену ей приходила ярость. Самовлюбленная, беспощадная, нарциссическая ярость.

Нет, Сашу нельзя было назвать просто человеком. Скорее, это был какой-то сгусток концентрированного зла. Зла, взгляд которого не выражал ничего, кроме спокойной уверенности и непоколебимой наглости.

И каждое утро его снисходительная улыбка, как нож, разрезала каждого, с кем он здоровался.

– Александр Андреевич, здравствуйте, – поздоровалась Катя дрожащим голосом с финансовым директором, опуская глаза.

– Добрый день, – не глядя на нее, автоматически произнес Саша.

У Кати, как всегда, при виде финансового директора компании, начинали трястись руки: она знала, что этому человеку нравилось чувствовать власть, и он буквально упивался той реакцией, которую вызывал в молодых неопытных сотрудницах.

– А ведь тоже, как и ты, с самых низов начинал, – глядя на заходящего к себе в кабинет Александра Андреевича произнесла главная сплетница компании, делопроизводитель Татьяна Петровна.

Главным же врагом Александра Андреевича был, естественно, Макс.

Уже не первый месяц они тихо ненавидели друг друга, и, при встрече, старались уколоть друг друга побольнее. Но Макс из этих словесных поединков всегда выходил проигравшим...

«Максим, ты с ними хоть разговаривать умеешь или прям сразу? – цинично издевался над Максом финансовый директор. – Такое впечатление, что ты считаешь себя таким неудачником, что секс для тебя – единственная связь с внешним миром».

«Макс, ты же сам знаешь, какой ты слабак. И я это знаю. Также, как и то, что ни будь ты ее будущим мужем, мы бы не имели удовольствия видеть твою тупую физиономию каждый день и разгребать твоё дерьмо».

«Макс, это ты на девочек впечатление произвести можешь, чтобы они сначала обожали тебя, а потом при тебе прям кончали. Со мной это брось, а?»

«Сколько ты за эти наручные часы отвалил – они же в глаза бросаются своей безвкусицей! Почему тебе так важно показать всем, что без своего тестя ты никто?»

«Ой, Максим книжку прочитал. Первый раз за десять лет. Теперь будет по очереди ее девушкам на ночь цитировать. Главное, не забудь, кому ты ее уже цитировал»

Катя неоднократно становилась свидетелем их интеллектуальных поединков. И уже не раз ловила себя на мысли, что, несмотря на влюбленность в Макса, она все равно была на стороне Александра Андреевича – уж слишком сексуален был исходящий от него интеллектуальный блеск.

Просто самой Кате было хорошо известно, каково это – поступать без связей, учиться без поблажек, сдавать экзамены без знакомств. Ей с детства внушали: надо быть сильной. Нужно бороться и идти до конца. Работать по совести.

И, сама не зная того, Катя с детства презирала слабость.

И, соответственно, она невольно презирала и Макса в те моменты, когда Сашка «размазывал» его своими аргументами.

С другой стороны, в ее юной голове однажды возник сам собой вопрос – а какая она, женщина мечты Александра Андреевича? Та, что сможет его приручить?

Глава 2

И хотя у Юли, невесты Макса не было доказательств того, что ее жених регулярно засвечивался в спальне очередной красивой и модной девушки, «добрые люди» из компании ее отца регулярно намеками давали ей всевозможные поводы задуматься над тем, верным ли мужем будет тот, с кем она решила связать себя узами брака и долей в компании.

Но ко всему прочему Юля, будучи для своих лет довольно искушенной в вопросах любви и секса, понимала, что вне зависимости от обстоятельств на мужчину есть такие каналы воздействия, которые способны отмотать назад время и заставить отказаться от данного обещания, а этого Юля допустить не могла никак. Свадебное платье было уже куплено, фотограф оплачен. Банкетный зал уже готовился к приему трехсот гостей.

Нужно было действовать наверняка.

Компания ее отца входила в список... тот самый список из ста самых-самых...

Она стояла того, чтобы Макс женился на ней.

– Это тебе, – протянула она однажды за завтраком красивый розовый конвертик, повязанный ленточкой.

– Что это? – вытирая рот от дорогого французского джема, спросил Макс с нескрываемым любопытством.

– Я беременна, – хитро улыбнулась Юля.

Глава 3

Офис – это место, где о событиях узнают задолго до того, как они должны произойти.

Макс еще не успел припарковать свою непарадную машину (парадная все еще находилась «на лечении»), как коллеги уже поздравляли его с незапланированным и столь внезапно свалившимся на него отцовством.

В офисе по этому случаю был объявлен полувыходной режим: пицца, пироги, вкусный чай, отсутствие дресс-кода.

И во всей этой массе был человек, который смотрел на происходящее так, будто, имея тайное знание, пришел на этот пир издалека, чтобы испортить его, не дать ему состояться. Этим человеком была Катя.

Несмотря на обилие угощений, она не могла взять в рот ни крошки: она лишь молчаливо наблюдала за этим праздником жизни с каким-то неподдельным ужасом.

Подобно тому, как в животе у Юли сейчас зрела и росла жизнь, в животе у Кати поселилась и стала расти боль... Боль от того, что они с Максом больше никогда не будут вместе.

Самые страшные сожаления – это сожаления о той жизни, которая вполне могла бы быть, но которой уже никогда не будет.

Катя молча стояла в женском туалете, опершись о раковину, глядя на свое совершенно безумное от происходящих событий лицо. Как вдруг из одной из кабинок вылезла и поползла навстречу к Кате Татьяна Петровна.

– А ты тут что? Что не празднуешь, что не кушаешь? – игриво-издевательски поинтересовалась она, видя Катину боль, расходящуюся у Кати не только по животу, но и по ногам, рукам, лицу и, главное, глазам.

– Что-то подташнивает... Видно, тортиков и круассанов переела.

– А-а-а, – также продолжала с нескрываемым удовольствием измываться над Катей Татьяна Петровна, – А я думала из-за Макса переживаешь. Все-таки он женится, вон ребенок скоро появится, а все же знают, как ты за ним бегала. Одного понять не могли – *на что ты вообще рассчитывала?* Ты!

Кате стало вдруг так невыносимо больно за себя. Больно и обидно одновременно. Она вспомнила тяжелейшие годы учебы в своей элитной школе, затем – поступление в институт. Она вспомнила, как ее, перспективную, ответственную студентку порекомендовали в эту компанию; вспомнила, как на собеседовании ей задавали вопросы, на которые, как позже выяснилось, не мог ответить никто из ее отдела, даже Максим. Катя вспомнила свои подъемы в шесть утра и заедание этих ранних подъемов и этой длинной дороги до офиса всевозможными сладостями и булочками – Катя как будто хотела с помощью еды преодолеть предел человеческих возможностей и своей выносливости.

– Как вы тогда на весь день пропали, помнишь? А то мы не понимаем ничего... И потом обедать стали вместе ходить. Максу видно красивые девушки надоели, решил разнообразия, – продолжала свою омерзительную игру Татьяна Петровна.

Катя вновь вспомнила про свою тяжелейшую учебу. Про то, с каким трудом она устроилась в эту компанию. Она вспомнила обидные слова своей матери, которыми та контролировала с детства ее и ее вес. Потом Катя представила, что из-за этих сплетен она может потерять это место и эту работу. И ей до смерти стало обидно за себя. И злоба, отчаянная, неистовая стремительная злоба вдруг стала подниматься откуда-то из глубины Катиного желудка... Злоба, спящая не один год.

И прекрасно осознавая, что своими словами она навечно рвет все, связывающее ее с Максом, *ее первой и настоящей любовью*, она спросила каким-то не своим и угрожающим голосом:

– Татьяна Петровна, вы секреты хранить умеете?

На лице Татьяны Петровны расплелась омерзительная довольная улыбка.

– Могила, – отчеканила главная сплетница офиса.

– Мы в аварию попали в тот день, потому что Максим Викторович не умеет нормально ручную коробку передач водить... А теперь регулярно ездим со страховой разбираться. Потому что документы все в тот день заполняла я. А он сидел, обосравшийся от страха. Как ребенок, – выплюнула Катя свою злобу.

– Врешь, – схватилась Татьяна Петровна за сердце. Ее искренне оскорбило, что она могла пропустить столь потрясающую сплетню.

– У меня фото в телефоне, сейчас покажу. Макс в тот день в таком неадекват был, что мне и документы пришлось составлять, и со страховой разбираться, и с ДПС говорить, и скорую вызывать...

И, достав из сумочки свой простенький телефончик, Катя начала листать в заветной папке фотографии поврежденной машины.

– Ну дела-а-а-а, – прогудела старой трубой Татьяна Петровна. – А мы-то думаем, куда ты с ним? *Да на что она рассчитывает?* Она? В зеркало она в себя видела?

– Только я не из-за этого расстраиваюсь, Татьяна Петровна. Мне и вправду в компании невыносимо, но из-за другого человека... Мне кажется, что я его люблю, хоть из окна выходи. В жизни не видела красивее и умнее мужчины. Он совершенство, – уже заполняла Катя место в ее сердце, из которого она с таким трудом выдавливала Макса.

Татьяна Петровна усмехнулась от столь неожиданного признания.

– Ты это о ком? – с нескрываемым любопытством спросила она.

– Как о ком? – искренне удивилась Катя. – Конечно об Александре Андреевиче!

– Ну дела-а, – только и успела произнести старая сплетница, выходя из женского туалета. Но уже через секунду еще не переваренное удивление от только что добытой с таким трудом информации сменилось другим не менее занимательным удивлением – прямо перед ней в коридоре со странным непохожим на обычное свое выражение стоял их финансовый директор.

Глава 4

Его требование (невротика – прим. автора) содержит стремление быть любимым, ничего не давая взамен.

Карен Хорни

У Кати с детства была нарушена способность слушать и слышать свое тело. Именно поэтому, когда речь заходила о круассанах с миндалем, эклерах и пончиках, Катя не могла почувствовать ту грань, когда было пора остановиться и перестать есть.

Теперь же впервые в жизни Катя начинала чувствовать. Чувствовать свое тело через боль. Как будто ее душа кричала и рвалась на части, хотела выпрыгнуть из опостылевшего за долгие годы тела-тюрьмы.

Женщина внутри Кати просыпалась. Просыпалась, чтобы заплакать. Заплакать и прокричать: «Я люблю тебя! За что ты так со мной? Ребенок – это серьезно и насовсем. Ты теперь никогда не будешь моим. Часть тебя навечно будет принадлежать той, другой женщине».

Все эти годы Катя пыталась просто выжить... Выжить, становясь удобной. Ее полнота стала частью ее личности, симптомом ее души. Все, чего она хотела, чего боялась, чем хотела наказать себя и мать – от всего этого все эти годы ее защищало ее тело.

И теперь, от нахлынувшей на нее эмоциональной встряски, Кате нужно было обнулить свою личность. Обнулить и отречься от себя. Чтобы выстроить себя новую.

Все эти годы она несла это навешенное кем-то чувство неполноценности, чувство, заставляющее Катю частенько опускать глаза в ситуациях, когда ее унижали или просто издевались над ней. Ей казалось, что то была единственно верная модель. А теперь... Прошрое становилось слишком тяжелым, его невозможно было нести. Его заменила отчаянная боль, которая заполнила собой Катину голову и желудок.

После праздника по случаю беременности Юли, невесты Макса и, по совместительству, дочери владельца компании, прошло недели три или четыре, когда Катя вдруг услышала то самое, знакомое...

– Катюш, пошли пообедаем! – зазвенел над Катей веселый голос Макса.

От удивления Катя вздрогнула.

Как? Почему? Разве все будет так, как раньше?

Катя внимательно уставилась на Макса и не смогла выдавить из себя ни слова.

– Катюш, ну что вы замерли! Где Ваше пальто? Пошли, пока народу мало!

Катя начинала задыхаться.

«У тебя же скоро ребенок родится!» – вертелось что-то внутри нее.

Катя автоматически одела пальто, протянутое ей Максом, и, уставившись куда-то вглубь, в день, когда она узнала о беременности его невесты, Катя двинулась вслед за Максом в ресторан.

– Я так устал, ты не представляешь, – завел Макс свою обычную шарманку. – Она мне все нервы вынула, веришь? Сначала мы выбирали детскую, потом занавески. Потом ходили и покупали одежду. Блин, это нормально, что я теперь спать с ней не хочу?

У Кати открывался рот.

Что, черт подери, происходит? Зачем он говорит все это? Разве не видит, как ей больно?

Надо просто что-то ответить.

– Максим Викторович, ну у нее гормоны. Она будет более эмоциональна сейчас, чем обычно. А что касается близости, – Катя судорожно перебирала в голове цитаты из психологической литературы, – если у вас не будет регулярного секса, она может заподозрить вас в измене, – вдруг выдавила Катя из себя цитату из какого-то австралийского психологического журнала.

Оба вздрогнули.

– Максим Викторович, – обратилась Катя к своему шефу. – Нам не стоит больше ходить на обед вдвоем. Я, правда, рада за Вас. Но... не хорошо это.

– Злишься на меня? Да? – неожиданно для самого себя спросил Макс так, как будто это на Кате он собирался жениться.

Катя молчала. Она слушала свою боль.

В этот момент отголоски ее боли как будто дошли и до слуха Макса.

И, едва сдерживая эмоции, он закрыл глаза, будто сдерживая слезы, и проговорил шепотом с выражением какой-то страшной обреченности:

«Я до конца жизни не буду прощен».

Глава 5

Дни летели и превращались в одну сплошную линию. Их сложно было отделить друг от друга. И Катя перестала их разделять.

В ее жизни в принципе всегда было много разных эмоций. Некоторые из них растворялись в суе московских будней. Другие, напротив, застревали. В Кате. В ее голове. В ее сердце.

Иногда ее эмоции были ее личным опытом счастья, который становился ее ресурсом на всю жизнь. И Катя ныряла в них, когда ей было одиноко и холодно.

Другое дело – опыт боли. Травма. Нечто, что долго сидит занозой, гвоздем. И, порой, уже сложно отличить, где заканчиваешься ты, и начинается боль. И тогда боль следует сначала идентифицировать, разоблачить, а потом уже начать бороться с ней. Но иногда боль так сильна, что ты чувствуешь себя в ней, словно в заключении. Пожизненном заключении.

И если для того, чтобы справиться с болью, ее нужно определить, увидеть ее причину, то Катя причину своей боли увидела довольно ясно – ее болью, всепоглощающей, разрывающей и ослепляющей, болью, не дающей ей думать и работать, был Макс.

И настал момент, тот самый момент, когда Катя стала осознавать, что не могла больше нормально работать, так как не могла сосредоточиться. Перед ней все время стоял он, ее первая настоящая любовь, *ее Макс* с его непередаваемой болью в глазах. И как же жаль ей было его в тот момент!

«Я до конца жизни не буду прощен» – звучали у нее в голове его слова.

Катя начинала казаться себе пустой и бездушной, ибо все внутри нее говорило, что она должна была быть рядом с ним, что она должна поддержать его.

Но теперь они редко виделись. И потому, слыша его приближающиеся шаги, она закрывала глаза и просто пыталась прикоснуться в мечтах к тому, к кому не могла прикоснуться в реальности.

Она как будто видела, как он заходит в свой огромный кабинет, снимает пальто и садится в любимое кресло. Потом, подумав немного, звонит секретарше и просит ее принести ему кофе. Все это он делает спокойно и неторопливо, как человек, который наперед знает, что произойдет.

А еще... Еще она как будто чувствовала, что ему ужасно не хватало их совместных разговоров. Но кто такая она была, чтобы врываться в кабинет к своему начальнику с предложением поболтать за чашечкой кофе?

Катин поток мыслей продолжался, не давая возможности даже самым важным мыслям проникнуть в ее сознание.

Они стали часто встречаться в коридоре взглядами, и ей стало казаться, что в ней поселился страх. Правда, она не знала, кого она боялась больше – себя или его. Ее раздирало с одной стороны безудержное желание увидеть его, с другой, иногда казалось, что она отдала бы очень многое, лишь бы не видеть его никогда в жизни.

Иногда ей казалось, что он сердился на нее, иногда – что ненавидел, но только отпустить он ее не мог. За то время она стала для него чем-то вроде героина. И теперь, когда у него не было поводов общаться с ней каждый день, он заменил ее чем-то покрепче.

«Неужели я так дорога для него? Неужели он действительно так скучает?»

«Нет, – выплывало откуда-то из глубины ее сердца. Если бы он скучал, разве спал он со своей женой? Ходил бы с ней в кино по выходным?»

«Что же мне делать?» – мучала себя Катя одним и тем же вопросом.

Глава 6

Катя больше не могла читать умные книги в транспорте по дороге на работу. Ее мысли как будто рассыпались. Она не могла удержать их в голове.

Внутри Юли, невесты Макса, сейчас росла маленькая жизнь, которая сковала ее, Катину, будущее. Ее будущее с Максом. И мир вокруг стал как будто растворяться.

Катя почему-то все больше и больше вспоминала свое детство. Воспоминания о нем буквально лились на нее в течение дня, и несчастная Катя начинала захлебываться под ними, будто стояла под гигантским мощнейшим водопадом.

«Это ты меня довела», – повторял Кате голос ее матери снова и снова.

«Ничего, вырастешь и однажды растолстеешь», – продолжал голос мамы.

Боль продолжала расти в Катином животе, вот только спрятаться от нее стало некуда. Вечный спутник Кати, ее защитник. ее покров, делающий ее «человеком-невидимкой» – еда – больше не хотела ни подчиняться ей, ни помогать.

Сейчас есть нужно было просто для того, чтобы выжить.

И с трудом Катя впихивала в себя одну ложку йогурта на завтрак, одну – на обед, одну – на ночь. Иногда, забывшись, она могла съесть какой-то фрукт.

Но боль становилась невыносимой. И нужно было *сбрасывать* с себя что-то лишнее... чтобы просто выжить.

Глава 7

У Кати начался какой-то странный бронхит. Как будто та боль, которая поселилась в ее животе, сердце и голове теперь полностью захватила также и ее легкие.

Температура постоянно поднималась, Катю мучал удушающий кашель. Как итог – ей дали больничный, который ей продлевали, и продлевали, и продлевали... Так Катя провела три недели. Те самые три недели. Самые страшные три недели в ее жизни...

Она все еще как будто чувствовала свою ответственность за эмоциональное состояние Макса, вот только ни помочь, ни даже думать о нем она теперь не могла. Ее тело и проснувшаяся женщина в нем кричали об одном – надо выжить. И Катя, глядя в окно и тяжело дыша от свалившегося на нее бронхита вкупе с беременностью невесты Макса, впервые в жизни училась просто жить...

Это был какой-то странный период, который позже, сама для себя она назовет периодом «эмоциональной инициации» – ей нужно было пройти через ту боль, чтобы в ней, наконец, зародилась спрятанная столь глубоко ее женская идентичность.

Катя стала часто думать о своем детстве, как будто пытаясь понять, в какой момент *она потеряла себя*.

Она закрывала глаза...но глаза разрезал яркий свет – это мама Кати пришла к ней в комнату, посередине ночи, часа в три, включила свет и прокричала: «А чашку ты почему за собой не помыла? Вставай и иди мой! Я тебе тут уборщицей не нанималась!»

И Катя, умирая от чувства вины и стыда (чашку она действительно не помыла, в ее элитной гимназии ей обычно задавали столько, что ложиться спать за полночь лет с десяти вошло у Кати в привычку) шла мыть злополучную чашку... Прямо в три ночи... Катин папа в это время обычно спал сном младенца... Или делал вид, что спал.

Катя возвращалась в свои двадцать лет и в свой бронхит.

Теперь, по крайней мере, можно больше никуда не бежать. Она достигла своей конечной точки, и этой конечной точкой стал Макс. Она нашла его, влюбилась в него, чтобы навсегда потерять. Все. Теперь гонка заканчивается, и начинается *просто жизнь*.

Что ей теперь делать? С кем делиться своими мыслями? Кто будет покупать ей круассан на полдник?

Как она будет жить без него?

Ведь он – это он. Мужчина, благодаря которому она нашла в себе женщину... Хотя они даже не целовались ни разу.

Но чем больше Катя думала о Максе, тем более ее накрывала пустота. И день за днем эту пустоту начинал заменять страх. Страх перед самой собой, обновленной, но все еще больной...

Катя пыталась собрать эти странные мысли, она постоянно напряженно думала, но... Удерживать то, что было в тот момент в ее голове и в сердце не представлялось возможным – она слишком быстро менялась. Физически и эмоционально.

Катя больше не могла есть. Она не могла взять в рот ни крошки. А боль продолжала съедать ее. Ее и ее лишние накопившиеся за годы ее одиночества килограммы.

А может болью была она сама? И это она сама так сжирала себя?

Единственное, что оставалось – ее, любимое, нетронутое болью – ее шикарные длинные густые волосы, волосы, о которых она так мечтала, когда ее мама, неизвестно зачем, в школьные годы заставляла Катю носить уродливые стрижки и такую же уродливую челку... И теперь эти волосы высыпались из Кати и рассыпались по квартире... Огромными красивыми локонами...

Это была цена боли. Той самой боли, которую Кате пришлось заплатить за свое взросление. И пригласив свою подругу-стилиста, Катя согласилась на то самое, что так ненавидела в детстве – короткую послушную стрижку. Кате пришлось подчиниться своей боли.

Три недели... Те самые три недели подошли к концу, когда прямо перед выходом на работу Катя осознала, что ей совершенно нечего было надеть... Вся одежда стала уродливо болтаться на ней... За час до закрытия торгового центра Катя вбежала в него, придерживая на себе свою джинсы и саму себя.

Глава 8

– Простите, а есть такое же, только пятьдесят второго размера? – перебирая платья на вешалке, через плечо бросила Катя.

– Вам для мамы? – подбежала к Кате улыбаясь продавщица лет сорока.

– Нет, нет. Для меня.

Продавщица сконфуженно оглядела ее с ног до головы.

– Девушка, у вас сорок четвертый размер. Я в этой сфере работаю уже десять лет. Я знаю.

Катя впервые за долгие бесконечные недели улыбнулась неким подобием той самой улыбки... той самой улыбки, той самой толстой девочки в дешевых очках.

– Спасибо большое за комплимент. Но вы слишком любезны.

У продавщицы на лице отобразился шок. И она уверенным шагом подошла к белоснежному манекену, стоящему в центре магазина, и, резко сняв с него сначала дешевый парик, а затем и восхитительное в обтяжку красное шерстяное платье, бросила этим самым платьем прямо Кате в лицо со словами:

– Мерьте, вы брюнетка, вам будет идеально.

Катя попятилась назад, растерявшись.

– Я Вам молнию сломаю, – только успела проговорить она.

– Мерьте и берите. *Кому как не Вам с Вашим ростом и фигурой такие носить.*

Катя впала в ступор. Ей на мгновение показалось, что все это время ее мысленный образ был полностью оторван от реальности.

Катя решила, что со странной женщиной лучше не спорить. Она зашла в примерочную, медленно сняла с себя джинсы и свитер, последнее время странно болтающиеся на ее уже уставшем от страданий теле, и надела то самое платье, уже готовясь, что сейчас услышит давно забытый звук трескающихся швов. Катя аккуратно потянулась к молнии, чтобы застегнуть ее. Но молния застегнулась довольно легко.

– Я что, сплю? Что происходит? – думала про себя начинающая терять связь с реальностью Катя.

– Девушка, ну покажитесь нам! – раздался голос продавщицы.

Последнее, что помнила Катя, был звук отодвигающейся шторы.

– Ой, бли-и-н, – прокричала подбежавшая вторая продавщица. – Если б у меня такие ноги были, я б ни дня больше не работала!

Катя осторожно повернула голову в сторону зеркала и замерла.

– Не может этого быть, ну не может, – повторяла она сама себе, подкрадываясь к зеркалу, словно кошка, желающая схватить мышшь.

– Может, как видите. А мы думали – кто его возьмет?!

– Я не верю...не верю... Я три недели назад носила пятьдесят второй размер! Этого не может быть! – согнувшись в три погибели, почти дыша на свое отражение, прошептала Катя.

– А как это вам так удалось? – выкрикнула только что подошедшая вторая продавщица.

У Кати не было сил, в том числе, на то, чтобы врать.

– Человек, которого я считала мужчиной моей жизни, женится. И его невеста ждет от него ребенка...

Продавщицы переглянулись.

Затем та, что с таким усилием сдирала платье с манекена, подошла к Кате, обняла ее за плечи и, серьезно посмотрев ей в глаза, добавила:

– Не важно, сколько боли он тебе причинил. Теперь он – это просто твое прошлое. А с такой фигурой ты сможешь миром управлять. Миром мужчин. И тебе больше никогда не придется испытать подобное унижение, понимаешь?

Катя молчала. Она все еще приходила в себя от собственного отражения в зеркале. Просто дома у Кати не было зеркал... Никогда... Зачем же расстраиваться лишний раз?!

Глава 9

До рождения ребенка оставалось несколько месяцев. И Юля, манипулируя Максом с помощью отца, убедила его бросить к черту работу и улететь из бесцветной Москвы в разноцветный Таиланд. Так Юля окончательно отрезала от Макса его старые *привычки*.

А в Катиной жизни тоже происходили странные изменения. Ее боль и отчаяние доросли до таких размеров, что в какой-то момент заменили собой... еду.

Катя не могла тогда еще четко определить, идентифицировать все то, что с ней творилось. Но она чувствовала... чувствовала, что ее вечная неспособность определить и (главное!) выразить свои негативные эмоции, включая обиду и раздражение, в конце концов и привели ее в то самое, столь необычное для нее состояние, когда она не хотела и не могла есть неделями!

Хотя... ее странная, блокирующая без ее разрешения некоторые моменты жизни память все же выдала ей один эпизод ее детства, когда с ней случилось что-то похожее, правда не столь страшное и резкое.

Это было еще в школе. Ее, толстенькую некрасивую ботанического вида девочку пригласил в кино (в первый раз в жизни!) их новенький... красивый скромный мальчик из семьи скрипачей по имени Аркадий. Катя и Аркадий в тот день долго переписывались на биологии, и Аркадий вдруг сказал: «Катя, ты такая умная! Пойдем в кино на выходных!»

Катя была счастлива! Домой после школы она не бежала – она летела! Казалось, ее дешевые босоножки превратились в крылатые сандалии древнегреческого бога Гермеса и готовы были перенести ее прямо к звездам!

Правда, она решила не рассказывать ничего маме – тема мальчиков была в их семье жестко табуирована. Но вечером все же решила поведать о намечающемся первом свидании *своему папочке, всеми любимому и уважаемому профессору математики*, человеку, который много лет работал с подростками и студентами, написал не один десяток книг и, главное, всегда так мило и остро шутил, рассказывая смешные и милые love stories своих подопечных.

Отец лишь со злобой посмотрел на нее.

– Ты что, ничего не понимаешь?! – прошептал он каким-то не своим дьявольским голосом.

Куда делся тот маленький заплаканный мальчик, которого Катя защищала так долго от *их мамы*?

– Парням, мужчинам нужно от тебя только одно! Только одно!

– Секс, папа? Ты имеешь в виду секс? – робко проговорила Катя.

– Да к черту секс. Мужчинам нужна власть, – продолжал демонически шептать ее отец, – власть над тобой. Возможность манипулировать тобой. Возможность иметь тебя в зависимости от себя. Тебя вон в кино пригласили – и смотри какая радостная! Сидишь, секунды считаешь! А он специально не будет звонить, чтоб тебя на крючок подсадить! Чтоб поиздеваться! Бросай его на фиг, придурка этого! Или ты хочешь попасть в зависимость? Попасть в зависимость, как от алкоголя? Хочешь, как дядя Костя – алкоголик попасть в зависимость и умереть с бутылкой водки в руках, задохнувшись собственной рвотой? Хочешь?!

У Кати внутри все задрожало. От слов ее любимого папы, а главное – от его интонации – становилось жутковато. Никогда и ничего он не говорил ей столь страшным голосом.

С Аркадием ни в какое кино она, естественно, не пошла. И вообще старалась больше с ним не общаться. Ведь Катин папа был гений! Всеми признанный и всеми любимый гений! Он не мог ей врать!

Больше они к этой теме никогда не возвращались.

Катя в тот день прямо почувствовала в себе ту маленькую девочку внутри. И ей безумно захотелось пожалеть ее...

Правда, потом туман рассеялся. Катю больше не приглашали ни на свидания, ни в кино. И месяц за месяцем. Год за годом Катя убегала в еду.

Глава 10

Вернувшись после столь продолжительной болезни, да еще похудевшей килограмм на десять, Кате предстояло молниеносно и без поблажек нырнуть в работу. Коллеги с любопытством осматривали ее новый облик, но Катя лишь отмахивалась: «Да прекратите, подумаете, круассаны не ела три недели».

На столе Катю ждала огромная стопа неинтересных и безвкусных черно-белых юридических документов, которые она с инициативой принялась разбирать – *раз нельзя убежать в еду, Катя теперь постарается убежать в работу*.

Стрелки часов показывали уже десять вечера, когда внимание Кати привлек аккуратно сшитый (аккуратный до какой-то паранойи) распечатанный договор.

– Ого, договор поставки и такой большой! Надо бы почитать для общего развития, – подумала про себя Катя, когда то, что она читала страницу за страницей, заставили ее забыть не только о позднем времени, но и о Максе... Впервые за долгое время.

Глава 11

– Александр Андреевич, здравствуйте, вы не могли бы уделить мне десять минут? Это правда очень-очень важно, – заходила Катя в кабинет финансового директора на следующий день, когда в офисе уже почти никого не было.

Глаза Александра выразили легкое удивление, а по лицу проскользнула едва заметная скептическая улыбка.

– Екатерина, у Вас пять минут, не более.

Катя осторожно зашла в кабинет к тому, кого боялась, пожалуй, даже больше президента их компании.

– Александр Андреевич... Александр Андреевич, – пыталась собраться с мыслями Катя. Казалось, ее новый образ сексуальной женщины в облегающем шерстяном красном платье отвлекал ее саму от работы еще больше, чем мужчин, с которыми ей приходилось общаться.

Александр улыбался уже довольно широко. Катино смущение от факта его присутствия совсем рядом с ней ему импонировало. Саша обожал это чувство как ничто другое – чувство всевластия.

– Александр Андреевич, – опустив глаза, начала задыхающаяся Катя, – вы, возможно, знаете, что я попала в компанию по рекомендации Михаила Дмитриевича. Меня сюда взяли как одну из лучших студенток курса. И кому, как не Вам, знать, что значит учиться самому в серьезном брендовом ВУЗе.

Александр вновь улыбнулся. Раз за разом, эта двадцатилетняя скромная девочка нажимала на правильные кнопки.

– Александр Андреевич, мне очень-очень нужна эта работа. Ведь я – самая обычная. Обычная девушка, выросшая в крошечной хрущевской квартире. И, возможно, я одна из тех, кто будет бороться за эту компанию до конца. Мне очень нужна эта работа, – Катя остановилась и глубоко вздохнула, переведя взгляд на странную стопку бумаг, которую она все это время держала в руке.

Саша молча смотрел на нее.

– И если бы не эта причина, я никогда не отважилась бы сказать Вам... Вам, человеку, которого я уважаю, наверное, так же, как только уважаю своего отца, известного математика... Александр Андреевич, я должна показать Вам кое-что очень важное.

Катя со всей силы бросила бумаги на стол. От столь резкого и неожиданного ее действия Александр вздрогнул.

– Я пока только на четвертом курсе учусь, мне договоры здесь не дают... Но, признаюсь честно, я сама по вечерам, когда на учебу не надо ехать, сижу и вычитываю договоры, которые в папках лежат, уже подписанные. Для себя. Для практики. У меня специализация будет – гражданское право. А это – практика, живая практика. Кому, как не Вам, знать...

Александр снова улыбнулся. Его самомнение представляло собой огромный бездонный колодец, куда комплименты и похвалы можно было кидать в неограниченном количестве. И Катя хорошо это знала. В ее семье был именно такой человек – ее отец.

– Этот договор заинтересовал меня сразу, – начала Катя увереннее. Из поля личных разговоров она переходила в плоскость профессии, где чувствовала себя куда более уверенно. – Этот договор был какой-то... огромный что ли... И очень аккуратно сшитый. Видно, люди, кто это набирал, впечатывал, сшивал – они все по десять раз проверили.

Александр молчал. Он понимал, что это девочка приготовила ему какой-то сюрприз, который, возможно, будет намного интереснее, чем ему показалось вначале.

– Если внимательно вчитаться в условия этого договора поставки, мы должны будем им неустойку платить каждые пять минут. Вот просто за то, что дышим. И, судя по всему, там за эти две недели уже два миллиона натекло... А Максим, – Катя вспомнила те самые три недели, – *а Максим Викторович договоры в принципе не читает, подписывает, не глядя.* А если договор не на очень большую сумму, то его...его... его ассистентка Алеся подделывает Вашу подпись на листе согласования, чтоб Вы, не дай Бог, не уличили Макса в ошибке... И этот договор уже ушел.

Катя испуганно подняла глаза, когда увидела побагровевшее лицо финансового директора.

– Вы же всегда подписываете гелевой ручкой... И всегда синей... Я давно заметила – я люблю порядок.

Александр каким-то нервическим движением схватил договор вместе с листом согласования. И в глазах у финансового директора Катя впервые увидела что-то, похожее на страх.

Катя замерла. Она не будет чувствовать себя виноватой. Макс не понимает ее проблем, проблем почти нищей пробивающейся своими мозгами некрасивой толстой девочки... И она снова вспомнила бессонные ночи перед экзаменами и тонны прочитанных нормативно-правовых актов.

Лицо Александра продолжало багроветь. Но, в одночасье, он взял себя в руки, выдохнул в стол свой шок и, посмотрев на Катю каким-то совсем другим взглядом, в котором даже читалось что-то человеческое, прошептал:

– Никому не слова.

Глава 12

Кате не хотелось ехать домой в тот вечер. Еще меньше ей хотелось ехать к родителям.

И, решив, что сэкономленных на обедах денег ей вполне хватит, чтобы посидеть в каком-нибудь красивом и дорогом французском кафе, Катя решила провести вечер с чашкой дорогого кофе и еще более дорогого для нее прошлого.

Глядя на почти ночную Москву, бегущую, несмотря на высокие тонкие каблук; сигнализирующую, несмотря на работающий светофор; дребезжащую и обгоняющую, несмотря на пробки,

Катя впервые в жизни начала спрашивать себя, где же в этом огромном мире было место для нее.

Она вспомнила свое детство. Вспомнила, как же любила ездить куда-то с папой вдвоем и смотреть на проезжающие машины и пролетающие мимо дома. Вот чем тогда так зацепила ее та поездка с Максом... на его спортивном автомобиле... Она чувствовала себя маленькой девочкой. Она чувствовала себя в безопасности.

Она чувствовала, что она нужна и ее любят.

«Это мой муж, а не твой!» – нарушил Катины воспоминания голос ее мамы. И Катя вспомнила, как впервые была наказана только за то, что позволила себе сказать маме, как ей понравилось ехать с папой на машине вдвоем по вечерней Москве. Кате было, кажется, одиннадцать...

Она помнила, как мама проговорила эту фразу и заперла ее в комнате.

С тех пор Катина комната стала для нее тюрьмой. Потом на долгие годы тюрьмой стало для Кати и ее тучное тело... А еще была еда. Запретное удовольствие. За нее-то Катю точно бы никто ни в чем не обвинил.

Так начался многолетний конфликт между той Катей, которой она была, и Катей женственной, которая все эти годы жила где-то внутри и ждала, пока «уродливая жирная шкурка» отпадет...

Когда же получилось, что она влюбилась в Макса? В день аварии? Нет. Определенно нет.

Макс с самого первого появления ее в компании почему-то показался ей таким умным, добрым, сильным, всезнающим. Глядя на него, Катя не раз ловила себя на странных мыслях, что хочет просто подойти к нему, уткнуться свой лоб в его широкую грудь и... раствориться.

Где он теперь? Счастлив ли? Конечно, счастлив. Ведь теперь их трое. У нее в животе растет новая жизнь, вечность, которую создал Макс. И он будет любить этого ребенка. И потому – не будет уже их разговоров. И их общих обедов...

Катя вздохнула. От мысли, что в животе у какой-то женщины растет его ребенок, в животе у Кати все вновь сжималось.

Катя вновь посмотрела на свое новое красное шерстяное платье, вспомнила недвусмысленные взгляды мужчин, об которые она спотыкалась буквально повсюду.

Те три недели были одержимостью, истерией. Но именно они высвободили ее дух. И теперь, впервые в жизни, ее тело стало соответствовать ее душе. Яркой, жаждущей жить, не боящейся показать себя.

«Стройная брюнетка в красном платье», – подумала Катя.

Это определенно была она.

Ее перфекционизм, гиперчувствительность, аналитический ум – все по-прежнему было в ней и с ней.

Вот только голос... голос ее матери, заставляющий Катю заглушать себя и свои чувства, тот самый мистический голос почему-то замолчал. И чувства, чужие, заимствованные чувства, перекрывающие все эти годы Кате ее внутреннюю дорогу ко всему женскому и чувственному, что было в ней, как будто ушли...

Боль ушла. Она забрала с собой 10 килограмм Катиного веса. Ее прекрасные волосы. Но главное – она сорвала с Кати маску, которую та привыкла носить с детства.

Глава 13

Еда исчезла из ее жизни, даже в виде буханкоподобной маршрутки. И едва Катя подошла к привычной остановке, собираясь протянуть руку, чтобы поймать набитый пассажирами старенький бежевый фургончик с номером «1085», как со свистом, прямо у ее ног, остановился... белоснежный автомобиль марки Mercedes-Benz Maybach S-Класс, и полное доволь-

ное жизнью лицо открыто улыбнулось Кате из машины, приглашая Катю в новую комфортную жизнь, доступную девушкам в красном платье сорок четвертого размера...

А депрессия Кати тем временем сменилась ее личным бунтом. И, похоже, она знала, кого ей стоило пригласить ведущим на свою демонстрацию.

– Научите меня, Александр Андреевич, – произнесла Катя, монотонно глядя в пустоту. – Я рабом Вашим всю жизнь буду.

– И почему я должен тебя учить? – невозмутимо ответил Саша.

Катя подняла на него свои уставшие от невыносимой боли глаза.

– Потому что мы похожи. Потому что я просто хочу работать. Не доказывать, не хвататься подругам, а работать. И... потому что Вы... идеал. Вы умеете сосредоточиться, не отвлекаясь на эмоции. И это счастье и честь работать с таким, как Вы, для девочки, выросшей в хрущевке...

На лице у Саши появилась самодовольная улыбка: было видно, что, как обычно, Катя зашла с правильной стороны.

– Тебе придется получать еще одно образование, плюс у меня надо будет пахать.

– Я работы не боюсь, – отчеканила Катя, глядя ему прямо в глаза, – Я боюсь стать похожей на одну из девиц, которых посадили в отдел к Максиму.

Катя сама не верила, что говорила все это. Казалось, та боль, которая так невыносимо носилась невидимым духом над ней те три недели, начала раздувать ее изнутри и толкать в сторону чего-то такого, что Катя и сама объяснить не могла.

– Подумаю, – отчеканил финансовый директор.

Как ни пытался он быть равнодушным, но термин «идеал», который имел на Сашу магический эффект, все же сработал.

Катя же, улыбнувшись внутренне, снова попыталась сдуть свою боль до размеров, при которых она могла хотя бы работать.

Однако *употреблять пищу* Катерина по-прежнему не могла.

Боль заполнила не только ее разум, но и ее желудок.

Глава 14

Установка угождения может состоять в том, что невротик не смеет разойтись во мнениях с другим человеком или критически отнестись к нему, а проявляет в отношении его лишь преданность, восхищение и кротость. Если человек такого типа позволит себе критическое или неодобрительное замечание, даже безобидное, он испытывает от этого беспокойство.

Карен Хорни

Не зная зачем, Катя вновь решила навестить родителей. Хотя они с мамой никогда не были особо близки, последнее время градус напряжения событий возрастал с такой безумной скоростью, что Кате просто жизненно необходимо было поговорить с кем-то «взрослым».

– Мама, привет! Это тебе, я в центре была и купила тебе вкусняшек.

Катина мама, прижимая что есть мочи телефонную трубку радиотелефона, молча и безэмоционально, даже не улыбнувшись дочери, которую она не видела пару месяцев, за которые та похудела и изменилась до неузнаваемости, направилась в свою комнату.

Катя же, понимая, что ей просто жизненно необходимо было поговорить с взрослой женщиной, непривычно нагло поплелась ей вслед.

Катина мама, в свою очередь, сделав неприятное выражение лица, словно где-то рядом раздавался скрежет ножей, рукой показала ей на телефон и попросила выйти из комнаты.

Тогда Катя в очередной и, может быть, самый главный раз, поняла, что помощи ей искать было неоткуда. Надо было полагаться только на саму себя.

Молча надев пальто поверх того самого восхитительного красного платья, Катя молча покинула квартиру родителей.

Глава 15

Так иногда бывает. В самой образцовой семье нет человека, который скажет двадцатилетней девушке, что ей пора начать заботиться о самой себе.

Так же, как и не нашлось человека когда-то, много лет назад, который бы объяснил Кате, почему ее мама, ее самая лучшая мама, с которой они ходили в гастроном пить молочный коктейль; мама, с которой они вместе бежали, держась за руки, по вечерам домой, чтобы успеть посмотреть дурацкие бразильские сериалы; та самая мама, с которой они ездили на рынок и часами выбирали новые наряды для Барби; мама с которой они читали вместе, танцевали вместе, смеялись вместе вдруг в один день перестала любить ее, Катю? И, по странному стечению обстоятельств, этим днем конца материнской любви был тот самый день, когда Катя, корчась от боли, лежа несколько часов на полу, прошла тот самый природный обряд вечности, превращающий девочку в девушку.

Катин папа, всеми любимый и уважаемый, но совершенно не способный подарить дочке частичку тепла мужчина так и не смог дать ей то самое, что в будущем послужило бы опорой для ее нормального развития как девочки, а потом и девушки.

Еда стала понятным и удобным способом для Кати получить любовь.

А теперь и еда отказывала как будто в помощи.

Кате требовалось срочно и невротически опереться о кого-нибудь в надежде обрести защиту. И она обратилась к тому единственному, кто в корпоративной пирамиде их компании стоял выше Макса.

– Знаете, Александр Андреевич, а, по-моему, она просто дура, – неожиданно для самой себя произнесла Катя, глядя прямо в глаза финансовому директору компании, как только узнала от Татьяны Петровны, что очередная девушка, якобы после очередного избиения, ушла от Александра. – Если бы рядом со мной был такой мужчина, я бы убила ради него, но никогда бы не отпустила. Вы для меня как звезда в небе. Кажется, так близко и видишь каждый день, только не дотянуться... И знаете, вы правильно тогда Максу все это высказали. Единственный высказали, из всех этих лизоблюдов. Единственный, кто его родственников не боится.

На лице у Александра появилась странная усмешка вперемешку с шоком. Брови его медленно поползли вверх, а в глазах появился столь непривычное для его обычного каменного выражения интерес к происходящему.

– Но разве ей понять? Как мы тут все по пятнадцать часов в день подышаем? А ради кого? Ради чего?

– Совсем не боишься меня? – усмехнулся начинавший привыкать к ее характеру и новой внешности Саша.

– Боюсь... Поэтому уважаю. Поэтому все уважают... Но себя боюсь больше.

И протянув к нему руки, ладонями вверх, она прошептала:

– Вы прямо здесь... Под кожу и по венам.

Теперь точно все. Макс обрубил все связи с ней своей нелепой свадьбой и беременностью жены. Она сделает это руками Саши, за спину которого ей и впрямь сейчас хотелось спрятаться.

– Я пойду, – вернулась Катя в реальность.

И, уже повернувшись спиной к тому, кому по странному стечению обстоятельств выпала роль спасателя в этом странном треугольнике, вдруг услышала самодовольно-расслабленный голос, звучащий неприлично неофициально:

– Ну-ка поди сюда.

Глава 16

*Сиди дома
Ты к ней не ходи
И бойся грома
Бойся темной воды
Под кожей скрытая...*

*Колыбельную
Для разбитых фонарей
Поет снова
Лишь бы ты ее пригрел
Улыбающаяся, спасенная*

*Опасные знакомые незнакомцы
Когда кобра влюблена, она не спит
Помни об этом, мое солнце
Помни об этом, мое солнце*

The Hardkiss «Кобра»

Не верилось, что прошло несколько месяцев.

После продолжительного медового месяца в Таиланде, Макс с женой улетели в Америку, где, собственно, на свет и появилась их дочка, и где Макс, под предлогом «хорошего климата и приятного морского воздуха», оставил успевшую порядком надоесть ему жену наслаждаться материнством в компании ее мамы и новорожденного ребенка, а сам, устав от бесконечных разговоров о памперсах, детских криках по ночам и вечного «не хочу» и «устала», вернулся, наконец, в любимую Москву в предвкушении новых интересных приключений и своей столь дорогой ему свободы.

Подъезжая к офису, он увидел, что одновременно с ним парковал свою машину Сашка. Уже собираясь подъехать поближе и поздороваться, Макс вдруг заметил, что его вечный враг был в компании незнакомой высокой девушки, которой Саша открыл дверь и, словно высокую послушную лошадь, механически повел в сторону офиса. Девушка следовала за ним автоматическим, подстраиваясь под каждое движение «своего хозяина».

– Вот засранец. Оставь его на пару месяцев, он уже новую сотрудницу себе забрал.

Макс продолжал смотреть вслед девушки, и не мог не удивляться.

Все, абсолютно все в ее внешности, походке, одежде, манерах кричало и выражало только одно... То самое, что Макс ценил в женщинах большего всего – порок.

Слишком высокие каблуки слишком красных туфель, слишком обтягивающие джинсы, слишком короткая стрижка.

Внезапно девушка повернула голову. И у Макса побежали мурашки по спине.

– Не может быть, – задыхаясь, прошептал он сам себе.

Бросив свою уже отремонтированную машину прямо на тротуаре, Макс побежал в сторону офиса для того, чтобы понять, что означал странный мираж.

Глава 17

В чисто описательных целях такой характер можно было бы назвать нарцисстическим. Но при динамическом рассмотрении этот термин вводит в заблуждение: хотя такой человек все время занят

раздуванием своего эго, он делает это, главным образом, не из любви к себе, а пытаясь защититься от ощущения собственной незначительности и униженности или, в положительных терминах, пытаясь восстановить разрушенное самоуважение. Чем дальше его отношения с другими, тем более может быть интернализирована его потребность в престиже; в таких случаях она проявляется как стремление быть безупречным и замечательным в собственных глазах. Он испытывает как унижение любой, даже не явно выраженный, а смутно ощущаемый промах.

Карен Хорни

– Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – истерически проговорил Макс.

– Максик, с возвращением, – побежала навстречу ему Татьяна Петровна. – Как мы по тебе соскучились! Мы слышали, ты в Таиланде в аварию попал! Но вроде ничего серьезного? – начинала собирать информацию для новых сплетен главная по новостям.

– Татьяна Петровна, а что происходит?

– Ты о чем? А о Катке что ли с Сашей?

Макс молча стоял и смотрел на делопроизводительницу, чувствуя, как у него медленно открывается рот.

– Да, вот тебе и серая мышка. Он ей предложение уже сделал! Сейчас тебя еще обрадуют новостью, что она теперь у него в отделе работает.

– Чего? – вытаращил глаза теряющий связь с реальностью Макс.

– Максим, Максим, с возвращением! Как медовый месяц? Как Таиланд? Как авария там твоя?

Макс молча смотрел на Татьяну Петровну, которая, едва заметным движением губ, как бы показывала: «Ну вот так».

Макс прошел к себе в кабинет, включил компьютер, стал доставать папки из стола, но увиденное десять минут назад настолько потрясло его, что он никак не мог сосредоточиться. И дело было не в том, что перед ним стояла незнакомая, какая-то холодная, худощавая девушка. В конце концов, он сам не идеален, если хочешь сохранять форму – нужно соблюдать диету и ходить в тренажерный зал. Нет, потрясло его другое. Макса потряс ее какой-то плоский, бесстрашный, остекленевший взгляд, в котором сложно было прочесть хоть какие-то эмоции. Взгляд, похожий на Сашин. Взгляд человека, который может убить. Но что важнее – равнодушный. Было очевидно, что пока он был в Таиланде, она не сильно по нему убивалась.

У Макса начинало сбиваться дыхание, что злило его еще больше.

«Черт, я с ней даже не спал!» – говорил он сам себе.

Его бурный поток мыслей прервал стук в дверь.

– Да, войдите, – закричал Макс с какой-то особой злостью в голосе, злостью, которая была более обращена на ситуацию, которую он сам себе не мог объяснить.

– Извините пожалуйста, Максим Викторович, – пропищал тоненький голос крошечной секретарши Маши. – Это просто срочно. Я документы принесла.

– Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит и почему моих сотрудников Саша забирает без моего ведома?!

– Макс, а что тебя так бесит? – подняла на него свои уставшие лишенные надежды глаза крошечная Маша. – Что ее Саша к себе в отдел забрал или что кто-то отказал самому-самому? – улыбнулась непривычно-циничной для себя улыбкой Маша.

И, увидев эффект, который произвели на Макса ее слова, добавила:

– Я за нее рада. Сашка классный. И главное – ему ведь правда кроме нее никто не нужен. Представляешь, Макс?! Так бывает. Что мужчина может быть счастлив, не трахая, все, что движется.

Маша вновь улыбнулась какой-то совершенно не свойственной ей улыбкой.

– Я приду обратно, когда ты все подпишешь.

У Макса вспотели руки. Ему стало казаться, что его поместили в какую-то альтернативную реальность. И в этой реальности все было нереально.

Глава 18

Офис – это огромная система, в которой крутятся сразу и одновременно огромное количество совершенно непохожих друг на друга людей. И в этом хаосе есть, незаметные с первого взгляда второстепенные персонажи, которые в решающем акте играют одну из главных ролей.

– Машуль, не хочешь со мной кофе после работы попить? Сашка поехал с мужиками сегодня в боулинг играть.

Крошечная Маша улыбнулась такой же крошечной, как она сама, улыбкой.

– Удивительный Вы человек, Катя. Куда Вам теперь с нами, с простыми...

– Маш, прекрати. И на Вы меня тоже перестань называть. Так пойдем?

– Только пальто возьму, – запрыгала от радости Маша.

– Пойдем-пойдем, нас сегодня Александр Андреевич угощает, в самое шикарное место пойдем, – хитро улыбалась Катя, доставая из сумки стильную черную банковскую карточку.

– Ты как к панорамным барам относишься? Сорок восьмой этаж – не слишком низко?

– В самый раз, Катя. В самый раз! – запрыгала Маша от радости.

В этот момент в Катиной сумке зажужжал телефон.

– Прости, Саша звонит, – нажимая на кнопку нового мобильного быстро проговорила Катя. – Да, любимый. Где? Сейчас на работе, – начинала привычно отчитываться Катя перед своим будущим мужем. – Что делаю? С Машей говорю. Сейчас пойдем с ней кофе пить. С какой Машей? Ну с нашей Машей! Машуль, скажи что-нибудь моему любимому мужчине, – подавая телефон Маше, улыбнулась Катя.

– Александр Андреевич, это Мария Иванова, здравствуйте. Да, да. Мы в офисе. Да, вдвоем. Да, кофе пить. Конечно, Александр Андреевич, всего доброго.

Маша отдала Кате телефон.

– Сань, мы вдвоем. Кофе сейчас пойдем пить, на сорок восьмой, – продолжала Катя свой отчет. – Да, я такси возьму. Саш... Хорошо, пришли водителя. А то мало ли, украдут... Саш... прости, ну неудачно пошутила. Ну, прости, любимый. Прости пожалуйста, я сказала глупость. Просто устала, наверное. Конечно, пришли водителя. Все... Я тебя тоже.

– Маш, простите, – уже привыкала Катя оправдываться за своего контролера. – Ну, что с него взять. Ну, человек такой.

– Все нормально. Хорошо, когда есть кто-то, кому ты нужен, – грустно вздохнула Маша.

Глава 19

– Ничего себе! Отсюда всю Москву видно! Смотрите, это же Храм Христа Спасителя.

– Меня Сашка сюда на первое свидание притащил.

– Так странно, когда вы его Сашкой называете. Как будто это пацан какой-то, – хихикала миниатюрная Маша.

– Так он и есть пацан. Сложный, с характером, капризный пацан, – вглядываясь в пустоту медленно произнесла Катя. – Вот, как бывает.

– С характером, – глядя на вечеряющую Москву отвечала сидящая рядом с Катей Дюймовочка. И, погодя немного, робко ответила. – Помните, как он Макс в башку вазу запустил?!

Катя закрыла лицо рукой, как будто пытаясь оградить себя от неприятных воспоминаний.

– Не напоминай.

Обе молчали.

– Машуль, – осторожно начала Катя. – Мы с Сашей, возможно, поженимся... Мне надо понять одну вещь. Ты единственная, кто в том отделе относилась ко мне по-человечески. Я должна понимать, что там обо мне говорили... Прежде чем эти сплетни дойдут до Александра Андреевича, и мы все тогда...

Маша подняла голову и посмотрела на Катю своими пронзительными огромными похожими на детские глазами. Было видно, что ей было, что сказать. Но она не могла решиться.

– Ладно, я начну... В тот день... Мы с Максом в аварию попали... Потому что этот недоумок, как мы все теперь знаем после Таиланда, не умеет водить ручную коробку. Я до сих пор не знаю, как мы живы остались. Я тогда даже в церковь пошла, хотя, ты знаешь, у меня с религией отношения сложные...

Глубоко вздохнув, Катя продолжила.

– Отвечая на вопрос, который всех так интересует – у меня с Максом ничего не было. Вообще никогда и ничего. А то, что в тот день мне реально страшно было, – это факт. Что-то тогда изменилось у меня внутри.

Маша молча поднялась со стула, подошла к той, которая решила ей довериться, и, обняв Катю, легонько прикоснулась подбородком к Катиным волосам.

– Я не знала, – дрожащим голосом проговорила миниатюрная девушка. – Я даже не представляю, что ты пережила.

– Все нормально... Хочешь, фотки посмотреть? Я сохранила на память... Компромат, так сказать, на способности Максим Викторовича водить машину.

Катя снова достала телефон. И, кстати, очень вовремя. Вновь звонил Саша.

– Ты где? – начал он привычный допрос.

– Сашуль, мы как раз вот сидим. Кофе пьем. Вам, мужчинам, косточки перемываем... Саш... Саш, я на тебя не жалею. Наоборот, говорю, как мне с тобой повезло... Сашуль, ну что ты завелся. Любимый, ну пожалуйста... Мы вдвоем... Ну, ты же разговаривал уже с ней...

Катя молча протянула во второй раз телефон своей новой подруге.

– Да, Александр Андреевич. Да, именно здесь сидим... Я взяла мороженое фисташковое и капучино... Мы вдвоем... Что за голоса? Люди сидят. Хорошо. И вам всего доброго.

Девушки молча переглянулись.

– Маш, прости. Это... Я даже не знаю, как это назвать.

– Может... любовь? – засмеялась Дюймовочка.

– Не знаю... Знаешь, *мы как-то с мамой никогда на такие темы не разговаривали*. И, честно, откуда мне знать, хорошо или не хорошо. Плохо или не плохо... Но призналась я ему первая.

– Катя, я восхищаюсь Вами. Я знаю, как Вы учились. Как Вас друг шефа, профессор академии сюда порекомендовал. А то, что вы с Александр Андреевичем – это вообще за гранью... Знаете, мне сказать стыдно – я его побаиваюсь немножко.

– Ты знаешь, страх перед Александр Андреевичем – это самое правильное чувство, которое должен испытывать перед ним нормальный человек... Нечего было вазой кидаться.

Обе снова засмеялись.

– Маш, ты знаешь мою тайну. Расскажешь свою?

Маша грустно улыбнулась. И посмотрела куда-то вдаль. Где-то далеко внизу по реке плыл прогулочный теплоход.

– Знаете, я вот простой секретарь. Но... Вы же знаете, Катя. Мы все мечтаем о чем-то. О чем-то таком, волшебном. Мы все мечтаем, что однажды с нами случится сказка. И все изменится. Вот придет человек – и все изменится.

У Кати появилось странное предчувствие. Понимая, что сейчас она узнает что-то, что навсегда изменит ее жизнь, она сидела, боясь пошелохнуться.

– Я же понимала, что у Макса их десятки. Или сотни. Как у такого может не быть десятков, – грустно проговорила Маша. – Но, вы не думайте. Александр Андреевич не такой. Я его много лет знаю. Он в этом смысле очень порядочный.

– Маш, если у Александра Андреевича появится кто-то, помимо меня, кто выдержит его характер, – быстро проговорила Катя с акцентом на словах его характер. – Я вот ей лично памятник поставлю. За отвагу и мужество. Вот, честное слово.

– Смешная Вы, Кать. Оба с Александр Андреевичем. Особенно когда у него в кабинете спорить начинаете.

– Это ты у нас дома не была... Блин, я сказала «У нас дома»? Как-то быстро все..., – задумчиво произнесла Катя.

– А по-другому не бывает, когда любишь..., – начинала говорить загадками Маша.

– Маш...скажи, что собиралась. Я же знаю...

У Маши на глазах появились слезы.

– Катя, но ведь каждый имеет право на надежду, правда? Ведь, если я втайне мечтала, что он с невестой расстанется и останется со мной – это же не значит, что я очень человек плохой?

– Это значит, что Максим – кобель, – отчеканила Катя Сашиным голосом.

Девушки поняли это странное сходство и засмеялись в голос.

– Я уже его интонацией говорить начала. «С кем поведешься» называется. Скоро я тоже вазами кидаться начну.

– Если Макс у в башку – возьмите тогда вазу Татьяны Петровны. Она потяжелее.

– Маш, а вы садист, – пыталась улыбаться Катя.

Маша закрыла глаза и, сделав над собой какое-то странное усилие, вдруг проговорила:

– А давать мне деньги на аборт... Это не садизм с его стороны было? – каким-то неприличным голосом сказала Маша. – Он же даже поговорить со мной отказался. Просто сказал: «Ты же понимаешь, что я женюсь? Я тебе на аборт денег дам!» И все.

Кате показалось, что полы начали крутиться. И она падает.

Огромный круглый панорамный ресторан начал вращаться и летел вниз, словно опускающаяся тарелка-бумеранг.

– О Господи, О Господи, – только повторяла Катя.

Маша закрыла свои огромные глаза, из которых ручьем полились слезы.

У Кати снова сжался живот. Совсем так же, как в день, когда она узнала, что невеста Макса беременна. Жареный на гриле осьминог, так вкусно приглашавший себя съесть еще секунду назад, вдруг превратился в какой-то бесформенный эмбрион...

– О Господи, – продолжала повторять Катя.

Маша вытерла слезы.

– Спасибо, что рассказала, – сжимая крошечную руку Маши говорила уносящаяся куда-то на безумном бумеранге Катя.

– Спасибо, что выслушала, – прошептала Маша, начиная опять плакать.

Глава 20

Наша память – это удивительный саморегулирующийся механизм, способный иногда самостоятельно стирать целые массивы информации, в случае, если эта информация может вызвать в нас чувства, которые мы испытывать не хотим.

И хотя с момента аварии прошел всего год, как ни хотела Катя вспомнить содержание их разговора с Максом в тот день, но тщетно. Все унеслось куда-то и навсегда.

С другой стороны, за этот год ее жизнь так сильно изменилась, что все то, что было важно для нее еще год назад, уже давно перестало иметь смысл...

– О чем вы мечтаете, Катюш? – спросил веселый голос Макса, покупая им обоим по огромному мороженому.

– Я? Максим Викторович, ну вы спросите тоже! – засмузилась толстая девочка в очках. И, жадно откусывая хрустящую вафлю стаканчика, добавила:

– Ну, во-первых, я мечтаю похудеть. Знаете, я всю жизнь спрашиваю себя, какого это – быть красивой. Так, чтобы ты идешь по улице, и прям машины останавливаются.

Макс засмеялся. В тот момент он почему-то вспомнил себя в студенческие годы и то, как он мечтал иметь спортивный автомобиль.

– А еще, вот в такие дни, как сегодня, я прям мечтаю влюбиться. Мечтаю встретить свою большую единственную любовь. Такую, чтобы кроме меня для него вообще больше никого не существовало. Чтобы он заботился обо мне, а я нем. Чтобы всегда интересовался, где я и с кем. Чтобы мы все делали вместе и умерли бы в один день.

Макс улыбнулся наивности этой странной девочки, которой по странному стечению обстоятельств выпала доля провести сегодня с ним день.

– Понимаете, невозможно на любую ситуацию в жизни инструкцию иметь, – продолжала Катя, откусывая мороженое. – Вот сегодня, например, я в целом знала, что делать. А бывает, что не знаю. Так тем и интереснее.

– Катя, вы прям философ, – снова неожиданно для себя засмеялся Макс.

– Ой, мне в академии тоже так говорят, – продолжала Катя, облизывая мороженое. – Максим Викторович, просто я считаю, что нет ничего невозможного, просто надо уметь мечтать. Страшно, когда людям мечтать становится не о чем. Надеюсь, этот момент еще не скоро наступит.

Оба молча вздохнули. Как-то незаметно за этим странными разговорами они дошли до Воробьевых гор.

– Мне иногда кажется, что я не хочу быть юристом, – вдруг неожиданно для самой себя сказала Катя. – Я мечтаю путешествовать по миру, встречать новых людей. Мечтаю книгу свою написать!

Огромная волна ветра, несущая со стороны города, как будто ударила их обоих по лицу.

– А мне кажется, что я не хочу жениться, – сказал вдруг Макс, сам не зная, как это вырвалось.

Катя вздрогнула и внимательно посмотрела на своего шефа.

– Так не женитесь, Максим Викторович! Это же Ваша жизнь, за Вас ее все равно никто не проживет!

– Знаете, Кать, – продолжал, глядя себе под ноги Максим, – а я рад, что мы попали в эту чертову аварию, хоть у меня и голова до сих пор гудит, а у вас вон пятно на блузке, – показывая на пятно, засмеялся он. – Только что-то я замерзать стал.

– Ну, это как боевое ранение или, скорее, боевое крещение, – засмеялась Катя.

И взяв его огромную смуглую руку, она зажала ее между своих ладоней и смешно начала дуть на нее:

– Что ж такие руки-то ледяные. Сейчас еще заболеем.

– Вы мне прямо мою маму напомнили. Она всегда также делала, когда я маленький был. Тоже также брала мою руку и дула на нее.

У Макса в глазах появилось неизвестное до того выражение, потом он грустно вздохнул и тихо добавил:

– Она умерла, когда мне было шестнадцать.

Катя внезапно перестала тереть ладонь Макса, и, посмотрев прямо ему в глаза, добавила:

– Я уверена, что она гордится вами, Максим Викторович. Посмотрите, какой вы стали! Все вас любят, уважают, все хотят быть на вас похожим.

– Знаете, Кать, – вздохнул Макс, – мне почему-то рядом с Вами плакать хочется. Не знаю сам, почему.

– А вы поплачьте, я никому не скажу.

Макс, опустив глаза, засмеялся.

– Да что вы, Катя.

Катя сделала шаг назад и раскинула свои руки для объятий.

Внезапно для самого себя Макс обнял ее и зарыдал – видимо, последствия аварии все же дали о себе знать.

– Мне так ее не хватает. Она бы точно сказала, что мне делать, – продолжал рыдать Макс, упираясь мокрым от слез носом ей в плечо.

Катя только проводила руками по его волосам.

– Но она не прожила бы за Вас Вашу жизнь, Максим Викторович. Не прожила бы.

Все персонажи данной истории выдуманные. Любое сходство – чистое совпадение.

А вы не видели Олю?

Часть 1

Глава 1

Однажды у каждого человека наступает момент, когда он начинает смотреть на свою жизнь как на нечто пройденное, нечто, что можно отмотать исключительно назад, словно только что закончившийся фильм.

И она была готова к тому, что этот момент когда-нибудь настанет. Вот только даже в самые отчаянные минуты ей и представить было сложно, что настанет он столь быстро! По ее первоначальным расчетам лет пятьдесят у нее точно было в запасе!

Разбросанные на полу фотографии – словно черно-белые куски ее жизни... Жизни, которую порвали в клочья... Жизни, которую невозможно будет склеить обратно!

Она почему-то вспомнила Питер. И звуки бьющихся о набережную волн. Тогда ей казалось, что звуков, наполняющих ее жизнь смыслом, будет еще очень и очень много. Как же она ошибалась!

Момент, когда звуки ее жизни и ее воспоминаний превратились в звуки ее прошлого, наступил как-то совсем неожиданно. Счастье сменилось печалью. Вслед за печалью пришла боль. А после боли – пустота. Мелодия ее жизни подходила к концу.

Уже не первый день она испытывала странное ощущение, вспоминая свое прошлое, будто и прошлое это было не ее вовсе... Никогда она не думала, что наступит час, когда на свою собственную жизнь она будет смотреть, как на что-то инородное и чужое.

Пытаясь проанализировать все произошедшее за последние месяцы, она продолжала задавать вопросы: «Как?», «За что?», «Почему это произошло именно с ней?»

Но все это лишь усиливало страшную тянущую невыносимую боль ее сердца. И уже не первый день она пыталась убежать от этой боли. Но боль, словно тень, настигала ее, куда бы она ни приходила.

И тогда ее накрывало чувство *безысходности*.

За чувством безысходности следовал стыд.

Она, отличница в школе и в жизни, и вдруг – такая жалкая и беспомощная.

Все уже случилось. Она ничего не сможет изменить.

Безысходность усиливалась, превращаясь в *отчаяние*.

Ее предали. Ее, ее жизнь, ее идеалы и мечты. Боль становилась невыносимой.

А волны ее воспоминаний превращались в музыку, в медленные плавные переливы, переходы белых клавиш в черные. Может ли быть такое, что гигантские волны моря на самом деле – божественные звуки?

Она вспомнила, как они вместе гуляли по ночному Питеру, держась за руки. Как странно... Это больше не ее жизнь и не ее воспоминания. Все, что осталось ей от ее большой любви, – это беспросветная боль и чувство *безнадежности*.

Девушка еще раз посмотрела на свой огромный белый рояль. И заплакала.

«Как же я буду скучать по тебе!» – произнесла она, нежно поглаживая инструмент.

Сколько уже она не играла? Два месяца? Три?

С тех пор, как все, о чем она так мечтала, рухнуло, у нее больше как будто не было сил играть. Точнее, не было сил и духа. Силы воли и силы духа. Ведь начини она играть, ей пришлось бы поведать своему другу о своей главной боли. А ей не хотелось говорить об этом...

А сесть за инструмент – значит начать разговор с ним. Разговор по душам. А именно этого она и боялась больше всего.

Ей вдруг захотелось вскочить с кровати, открыть окно и громко закричать. Но кричать-то как раз она не могла.

На полу возле окна все еще лежали фотографии.

Вот они, вчетвером. Аспиранты, молодые, еще не знающие жизни.

Все закончилось. Для нее.

Еще несколько месяцев назад, просыпаясь по утрам, она задавала себе только один вопрос: «Почему в моей жизни случилось так много счастья?» А потом она подходила к своему роялю, нежно открывала крышку и начинала играть.

Теперь все по-другому. Ее больше не интересовала ни ее работа, ни исследования, на которые она потратила последние пять лет своей жизни.

Ее больше не интересовала ее музыка.

Она вспомнила его улыбку. И его слова.

«Моя шелковая».

Ну почему же все еще так больно?

Удивительное дело. Кандидат биологических наук и пианистка. Где такое видано? Казалось вполне логичным, что ее жизнь с самого начала была обречена на провал.

Нужно было принимать какое-то решение. И в этом решении был спрятан главный вопрос: жить ли дальше или нет.

Как же это странно – человек, считающий себя сведущим в работе мозга, вдруг перестал контролировать свой собственный.

А теперь и жизнь представлялась ей какой-то стопкой чужих фотографий: вот она едет в автобусе, вот заходит через проходную. Вот идут сотрудники их научно-исследовательского института и бесцеремонно показывают на нее пальцем и перешептываются.

«Они будут до конца жизни насмехаться надо мной!» – пронеслось у нее в голове.

Поднявшись на последний этаж главного здания НИИ, она долго стояла у огромного окна, глядя вдаль, как вдруг какой-то как будто знакомый женский голос позвал ее.

Девушка обернулась. Нет. Там никого нет. Это голос ее боли.

Ей не выиграть эту битву. Боль победила.

Ее больше нет.

Глава 2

– Бельчонок, бельчонок! – разрезал радостный мужской голос огромный стильный джазовый клуб в самом центре Москвы.

– Санька, Санька, я здесь, иди к нам! – вторил мужскому звонкий женский голосок.

– Бельчонок! – пробирался мужской голос через ряд плотно приставленных друг к другу столиков. – Бельчонок! Вот ты где! – зазвучал снова радостный голос, превращавшийся на глазах в симпатичного высокого брүнета, одетого в клетчатую с коротким рукавом рубашку и стильные джинсы. – Бельчонок!

– Ты глянь, в каком я розарии! – прозвучал самодовольный женский голос. И тут же продолжил:

– Девушки, познакомьтесь, мой лучший друг, Александр. Прошу любить и жаловать!

– Бельчонок!

За огромным натертым до блеска столом сидела группа весьма привлекательных особ женского пола, в платьях, оголявших абсолютно все, что было позволено оголять приличиями общества и правилами демократичного джаз-клуба. Они с нескрываемым интересом повернулись в сторону только что подошедшего красивого молодого человека и, не говоря ни слова,

улыбнулись. Их движения были настолько точны и синхронны, что они напоминали собой танцующий на стульях карде-балет. Посередине «танцовщиц», развалившись в нарочито развязной позе, сидела девушка в огромном, будто специально купленном не по размеру мужском пиджаке и большими жадными глотками отпивала кофе.

– Бельчонок, – обнимал красивый брюнет девушку в пиджаке, не замечая никого вокруг. – Это тебе. Сувенир, я знаю, как ты их любишь.

– Черт, кубинские! Сашка, спасибо! Прямо сейчас и открою – вдруг ко мне вместе с настоящей кубинской сигарой придет и настоящее вдохновение?!

И уже закуривая огромную коричневую сигару, она добавила:

– Мне срочно нужно вдохновение, иначе мне через два месяца будет нечем за квартиру платить!

Владелицу голоса, так гордившуюся обществом красивых девушек, сидевших с ней за одним столиком, звали Изабелла (или просто Белла) Мендис. И если бы какому-нибудь непутевому автору пришлось бы описать ее внешность, то задача эта была бы не самой простой, если не сказать – непосильной: Беллу как будто сложно было отнести однозначно к мужчине или к женщине. Она была собрана из разных кусочков, словно бумажная кукла, где части тела перепутались и склеились в хаотичном порядке. Лицо у Беллы было что ни на есть женское, даже немного миловидное, а вот прическа совершенно мужская: короткие волосы, топырившиеся на затылке ежиком. Грудь, талия – снова от женщины. А вот огромные плечи, способные нести на себе рюкзак с килограммами нот, а в случае экстренной ситуации и контрабас своего друга – мужские. Бедра Белле достались от женщины, а вот мощные накаченные икры явно принадлежали мужчине. Завершали образ огромные черные стильные ботинки сорок второго размера, которые ставили точку, как будто говоря: «И все-таки я мальчик!»

Белла уже закуривала одну из привезенных ей сигар, когда ее друг, заказав себе стакан виски, посмотрел ей в глаза и улыбнулся:

– Не знал бы тебя – решил бы, что ты лесбиянка! В этом пиджаке и ботинках, да еще в такой компании, – Сашка оглядел сидящих рядом с его «любимым Бельчком» высоких блондинок в довольно откровенных платьях, – ты реально как из голливудского фильма про мафиози.

– Завидуй молча, Дронов! – засмеялась мужеподобная девушка и снова затянулась сигарой. – Кайф! Спасибо... Как Куба? Как Маша?

Лицо Саши резко поменяло свое легкое беззаботное выражение.

– Не спрашивай... Она устраивала одну истерику за другой, и мы расстались!

Белла сделала еще одну затяжку и внимательно посмотрела на своего друга:

– Сань, мне жаль, правда, жаль... Она хорошая...

И не дождавшись ответа, она резко повернула голову в сторону сцены и, зажмурив глаза, начала подпрыгивать всем телом на стуле, приговаривая: «Вот-вот, мой любимый момент».

Концерт уже подходил к концу, когда ведущий вдруг объявил:

– Друзья, а у нас тут сегодня особый гость! Может, попросим ее сыграть что-то? Изабелла Мендис!

В зале раздались аплодисменты.

Услышав свое имя, Белла, неожиданно для самой себя вздрогнула.

– Белл, тебя, кажется, зовут, – засмеялся ничего не подозревающий Сашка.

Белла вздрогнула второй раз.

– Белл, ты в порядке? – начинающий уже что-то понимать интересовался Саша. – Может тебя домой отвезти?

Белла медленно поднялась со стула. Как вдруг мысль, что ей придется прямо сейчас пойти на сцену и сыграть что-нибудь для жадной до ее персоны публики так испугала ее,

что она замерла, словно крошечная гусеница, притворяющаяся мертвой под голодным взглядом огромной птицы.

Белла стояла возле стола, не шелохнувшись.

Ей хотелось сказать что-то вроде «Не сегодня, друзья», но тело перестало слушаться ее.

Она повернула голову в сторону бара, как вдруг ей показалось, что стены джазового клуба, такого родного и такого знакомого, начали двигаться навстречу друг другу, и она вот-вот окажется зажатой между ними.

– Это невозможно, стены не могут двигаться, – пронеслось в голове у Беллы.

Белла закрыла на несколько секунд глаза. Потом открыла. Стены стояли неподвижно, зато к горлу начинала подкатывать тошнота. Понемногу Белла начинала ощущать свое тело. Трясущими вспотевшими пальцами девушка извлекла из кармана своих джинс несколько денежных купюр, и, небрежно бросив их на стол, прямо рядом с только что подаренными ей сигарами, быстро выбежала вон.

Глава 3

Подходя к квартире Беллы, Саша посмотрел на часы. Они показывали ровно три ночи.

– Хорошо, что завтра выходной, – пронеслось у него в голове. – И хорошо, что мы с Машкой расстались. Ей бы это все не понравилось.

Борясь со сном, с полузакрытыми глазами, Саша позвонил в звонок.

Дверь резко отворилась, и перед ним предстала та, ради которой он уже много лет мог сорваться в любое время дня и ночи.

– Саша, – бросилась обнимать своего лучшего друга Белла. – Как я рада, что ты приехал.

Молодой человек посмотрел на свою подругу, которая стояла перед ним в одном спортивном черном белье. И хотя ее чересчур накаченные руки и плечи в сочетании с металлическими мышцами на животе создавали некоторую диспропорцию, выглядела она сногсшибательно.

– Белл, ты меня все-таки за мужчину совсем не считаешь, – начал засыпающий качающийся Саша. – Приехать к тебе посередине ночи – я еще понимаю. Но приехать посередине ночи и видеть тебя в одном белье, это чересчур. Ты так не считаешь?

– Извини, – выстрелила Белла, как будто все сказанное ее другом не имело для нее никакого смысла, и скрылась в районе ванной.

Вернувшись через минуту, облаченная в мужские спортивные штаны и огромную безразмерную футболку, Белла буквально набросилась на своего лучшего друга.

– Я ее видела, видела! – как обезумевшая начинала бегать Белла по комнате. – Вот как тебя сейчас! Она существует, понимаешь?

Сашка посмотрел на свою лучшую подругу, и в глазах у него появилась какая-то смесь из жалости и неверия.

– Ну, хорошо, – осторожно начал он. – Предположим, эта таинственная Оля существует! Почему тебе так важно найти ее? Что тебе это даст?

Белла остановилась посередине комнаты, и на ее лице отпечатался шок вперемешку с осуждением.

– Саш, ты издеваешься сейчас? Или как? Ты что, правда не понимаешь, что с тех пор как мне стала сниться эта таинственная Оля, я ни играть не могу, ни музыку сочинять. Я вообще ничего не могу! – отчаянно закончила Белла, и со всей силы плюхнулась в огромное кресло.

Красивый Саша медленно опустился в кресло напротив, сложил руки в замок, отчего татуировки на его красивых накаченных плечах поменяли очертания.

– Хорошо, – медленно начал он, понимая, что спорить с Беллой он не в состоянии. – Предположим, эта Оля существует. В параллельном мире или в этом. Как нам организовать ее поиски? С чего начать?

– Я не знаю, Саша, – заскулила Белла. – Ну, придумай что-нибудь. Ты же всегда знаешь ответы на все вопросы!

Саша сжал левую руку в кулак, подставил ее под нос, оттянув свои ноздри вверх.

– Белл, – начал он непривычно серьезным голосом. – Ты знаешь, как я дорожу... нашей дружбой. И я никогда не отказывался тебе помочь. Но в данном случае мы ищем призрак, понимаешь?

– О Боже, – вскочила Белла с кресла, – А что если Оля – призрак? И приходит ко мне из мира мертвых?

«И зачем я это сказал?» – закатил про себя глаза Саша.

Поняв, что простыми уговорами Беллу не успокоить, Саша воспользовался проверенным способом – он заставит ее поверить в некую иллюзию деятельности.

– Белл, ты знаешь, я в эти твои мистические вещи не верил никогда и не верю. Но вот знаешь... Машка мне как-то рассказывала случай из какой-то умной книжки очередной... Короче, там парнишка, в Нью-Йорке работал, все дела, при деньгах, – сделал серьезную мину Саша. – Короче, ему там типа женщина в белом одеянии начала по ночам во сне являться, прям как тебе твоя Оля. Ну, он пошел к психоаналитику – как у них, у американцев принято. Психоаналитик заставил его позвонить своим родственникам и рассказать, что происходило в его жизни до трех лет. Ну мать-то там какая-то тоже была. Ну, не знаю. Не стала, короче, ничего рассказывать. Потом он позвонил тете, и выяснилось, что у матери после родов была – как это называется? – послеродовая депрессия. И до пяти месяцев он, как это сказать, – задумался Саша. – Он, короче в больнице был, и за ним медсестры ухаживали. Ну, короче выяснилось, что эти женщины – это всего лишь медсестры той клиники. А почему они ему стали являться? – Саша закатил глаза, чтобы подобрать нужное слово. – Там какая-то у него ситуация была, девушка его что ли кинула. И у него типа травма повторилась.

Закончив свою историю, Саша серьезно посмотрел на Беллу. И хотя половину из того, что он рассказал, помнил он весьма смутно, эффект от рассказа подействовал на Беллу молниеносно.

– Как ты прав! – заорала от восторга Белла. – Ну, конечно! Это просто какое-то детское воспоминание. Я вспомню, и все пройдет.

Белла почувствовала, как приятное ощущение спокойствия стало разливаться по всему ее телу.

Все хорошо. Ничего страшного не случилось.

И чтобы закрепить произведенный эффект от рассказанной Сашей истории, Белла подошла к своему проигрывателю и поставила одну из любимых коллекционных пластинок.

Глава 4

– Ты послушай только, это же секс! Секс в чистом виде! – закуривала сигарету уже совершенно успокоившаяся Белла так, как будто ничего и не произошло.

«Cry me a river» вязко, но нежно поползли по комнате звуки известной песни.

– Ты знаешь, – заложив под затылок руки, начал Саша. – Говорят, много лет назад привезенные из Африки рабы, работая в полях, чтобы не сойти с ума, пели песни. Они будто улетали в свои родные края. Освобождались. Песня для них была попыткой убежать от страшной реальности.

– Прям как я после школы, когда маленькая была, – глядя вдаль, грустно произнесла Белла.

Сашка приподнялся с дивана, переложив подушку.

– Белл, а почему ты мне никогда не рассказывала про детство свое? Про маму твою? Если б не твоя просьба отвезти тебя на похороны в эту Тьму-Таракань – признаться, я даже не знал, что в Подмоскovie еще такие уголки остались – я бы даже и не знал, где ты выросла.

Лицо Беллы молниеносно поменяло выражение. Будто в самом вопросе ее ближайшего друга содержалось нападение.

– А что рассказать, – быстро проворчала Белла. И Саша заметил, что у нее на спине образовался горб, а лицо приняло особо грубое выражение. – Да я ж тебе рассказывала! Папа ученый был, известный. Гипнозом там каким-то занимался, хрень какая-то. Мама – домохозяйка. Ну, собственно и все. Саш, давай спать, я тебе сейчас твою подушку принесу.

Белла снова растворилась где-то в районе ванной и по возвращении держала в руках огромную подушку и белоснежное одеяло.

– Ты знаешь, у меня дома для тебя все персональное, – улыбалась Белла.

– Ценю, – улыбнулся в ответ Сашка.

И, плюхнувшись на кровать, прямо в одежде он со всей силы стукнул по принесенной специально для него подушке и сказал: «Я приехал, давай спать».

Улегшись рядом с Сашей, прямо в своих нелепых спортивных штанах и футболке, Белла протянула руку своему лучшему другу.

Сашка послушно протянул ей руку в ответ.

– Мы, как близняшки в животе у матери, – улыбалась Белла, зевая. – Будем поддерживать друг друга в этой темноте...

Держа за руку своего спасителя, Белла погрузилась в спокойный и глубокий сон.

Глава 5

Таинственная девушка по имени Оля, о которой с таким возбуждением рассказывала Белла своему другу и из-за которой уже не первый раз просила приехать к ней среди ночи, последние несколько месяцев приходила к Белле во сне с завидной регулярностью.

При этом сон этот начинался всегда одинаково: Белла видела себя в каком-то незнакомом здании, среди сотни незнакомых ей людей.

– А вы не видели Олю? – спрашивало все вокруг.

– А вы не видели Олю? – спрашивала Белла людей, которые, казалось, специально не замечали ее.

Сон обрывался. И Белла оказывалась в маленькой пыльной комнате с огромным окном. У этого окна всегда, в одной и той же позе, Белла видела красивый силуэт девушки. Мгновение – и силуэт исчезал.

Белла поначалу не придавала странным снам никакого значения, когда однажды, сев за любимое пианино, она на мгновение забыла разом все ноты, как будто и не умела вовсе играть. Но сны все повторялись и повторялись, и Белле все чаще и чаще казалось, что вначале пальцы, а потом и голова переставали слушаться ее.

«Что со мной происходит?» – задавала себе день за днем вопрос Белла.

Кульминацией этой странной истории со снами стал произошедший недавно случай в джазовом клубе, когда ее охватила такая чудовищная паника, что Белла выбежала на улицу ровно в тот момент, когда ее позвали на сцену.

Привыкшая с детства контролировать все и всех Белла была в отчаянии.

Нужно было срочно что-то предпринимать.

История, рассказанная Сашей про какого-то мачо из Нью-Йорка, стала ее единственной зацепкой. И Белла решила, наконец, доехать до родного города, где помимо поисков странного видения по имени Оля ей предстояли скучные наследственные процедуры.

Глава 6

«Были ли странные сны связаны с недавней смертью ее матери?» – вопрос, который Белла задавала себе не один раз. Но почему же тогда смерть любимого папы, умершего за пять лет до того, не вызвала в ней подобной реакции?

Поразмыслив немного, Белла купила билет до маленького подмосковного города, в котором она провела свое детство, а затем, упаковав себя и свой маленький чемодан в старенький вагон пригородного электропоезда, воткнула в уши бесконечность любимых звуков.

Белла, как могла, старалась не думать о том месте, где ей предстояло провести ближайшие несколько дней. Но память больше не подчинялась ей, и стучащие колеса электропоезда начинали отсчитывать ее прошлое.

Белла вспоминала свое детство.

Глава 7

– Ленка, ты сейчас ржать будешь! Че бы-ы-ыло вчера! Пиздец просто! – пыталась говорить задыхающаяся и уже начинающая кашлять от смеха Белла.

– Че? – хрюкнула толстая некрасивая Ленка, в свои тринадцать странно напоминающая взрослую полную женщину. – Че было? Че ржешь?

Белла пыталась выдать из себя слова, но вместо этого только сильнее начала кашлять. Наконец, вытерев небрежно рукавом нос, она продолжила:

– Ну, че, блядь. Вчера, короче, – сделала Белла затяжку. – Я после репы домой пришла уже часов в восемь, но у нас же, блядь, БИОЛОГИЯ.

Слово БИОЛОГИЯ Белла произнесла с особой интонацией – было видно, что абсолютно для всех учеников школы этот предмет последнее время содержал в себе какой-то сакральный смысл.

Белла снова сделала затяжку.

– Я, блядь, до двух ночи. С этими птичками, блядь, рыбками. Утром проснулась когда – оказалось, что я прям в одежде после репы как была, так и уснула.

– Пиздец, – понимающе кивнула некрасивая Ленка. И тоже сделала затяжку.

– Ну, я, короче, как была – вот прям рухнула, вырубилась, – размахивала руками Белла, чтобы показать, как именно она уснула после опостылевшей ей биологии.

– Ваще пиздец, – еще раз понимающе кивнула Ленка.

Было видно, что только они вдвоем понимали их какой-то особенный язык. Язык, который содержал в себе намного больше, чем просто матерную часть «великого и могучего».

– Ну, короче, сплю, блядь. Ну что? Началось в колхозе утро.

– Пиздец! И как ей не надоело! – снова понимающе кивнула маленькая женщина Лена.

– Чтоб моей? Надоело? Смеешься что ли? – удивленно посмотрела Белла на подругу.

– И че она? Опять?

– Слушай! – повернулась в сторону Ленки Белла и огляделась по сторонам так, будто собиралась сообщить ей государственную тайну. – Пришла, блядь, опять. Ну, знаешь! Девочка, блядь, наша. Тюк-тюк-тюк! На своих этих, каблучках сраных. Чтоб их.

Белла снова сделала затяжку, обвела глазами мрачный школьный двор и шепотом продолжила:

– Короче, приходит, включает свет и опять: «Ты подслушивала, ты подслушивала!»

– Белл, как ты это выдерживаешь?! Столько лет! – понимающе качала головой взрослая Лена.

– Знаешь, я даже как-то привыкать стала. Но вчера, – Белла снова сделала затяжку. – Она меня за ногу схватила и потащила, блядь, с кровати!

– Пиздец, – снова произнесла Ленка, но на этот раз в ее интонации было скорее сочувствие, чем удивление.

– Так ты прикинь? – снова начинала сваливаться в хохот Белла. – Я после репы, после биологии этой сраной даже глаза разодрать не могу! Она меня тащит и тут я как, – Белла набрала побольше воздуха. – Кхххх! – хрюкнула что было сил Белла. – И прикинь, мать аж отпрыгнула!

Ленка закатилась в истерике. Потом, отдышавшись немного, с ужасом в голосе спросила:

– А ты что, храпишь?

Было видно, что, несмотря на огромный вес и непривлекательную внешность, ее женскую натуру искренне потряс этот неожиданно открывшийся факт из биографии Беллы.

– Получается, что да, – развела Белла руками, и, как-то очень нелепо почесав затылок, добавила:

– Лена, и тут случилось чудо! Она вздрогнула, посмотрела на меня, выключила свет и ушла!

Ленка от удивления распрямила спину, посмотрела подруге в глаза и выкрикнула:

– Врешь!

– Сама, блядь, в шоке! Я те говорю! – снова обводила школьный двор Белла, как будто боясь, что их разговор кто-то может подслушать.

– Ты дальше слушай! – продолжала Белла так, как будто все рассказанное было лишь прологом. – Ну, сплю я, значит. Снится мне наш биолог. И подходит ко мне во сне со шприцом. И как мне в задницу воткнет его, – как-то продолжала Белла.

– Господи, – вздрогнула Ленка.

Белла снова начинала трястись от едва сдерживаемого хохота.

– Так я просыпаюсь, блядь, – сделала еще одну затяжку Белла. – А это мне ручка гелевая в задницу воткнулась! Я ж как дорисовывала эту биологию сраную, ручки так в кровати и остались!

– Ну, ты даешь! – залилась теперь смехом и толстая Ленка.

Девочки сначала долго смеялись, когда Белла заметила, что ее близкая подруга на самом деле притворялась. Было очевидно, что вся эта таинственная атмосфера и располагающий разговор заставили Лену выразить ее истинные эмоции, и дрожащее толстое тельце Лены на самом деле рыдало, трясясь.

– Ты чего, Лен? – по-взрослому спросила Белла. – Что случилось? Ты что плачешь?

Лена, уже не сдерживаясь от выливающих из нее слез, закричала:

– Она пятого ждет! Белла, пятого, понимаешь? Мало того, что я итак всю жизнь еду на всех готовлю, стираю, глажу, убираю. Она ведь родит и все. Это ее дети, а она ими в принципе не занимается! Так она пятого ждет! Белла, посмотри на меня. Мне тринадцать лет. Я ни разу в жизни даже на дискотеке не была, с парнем, ни разу в кино не ходила. Куда там! «А кто за братиками и сестричками будет смотреть?» Тут недавно прихожу со школы, – вытирая рукавом старенького платья нос, прошептала Ленка. – Посуда с завтрака немытая, стиралку никто не развесил, а она – по телефону с подружками! Белл, ты знаешь, кого-нибудь из класса, кто, кроме меня, у нас после школы ходит сразу в несколько детских садов братьев и сестер забирать? Белла, я одного не понимаю! Зачем?

Белла по-отцовски обняла свою лучшую подругу.

– Господи, а я к тебе со своими проблемами лезу. Лена, мне стыдно. Я-то приду домой и сразу на репетицию.

Ленка перестала плакать и внимательно посмотрела на Беллу.

– Не говори так, Белл, – серьезно начала Лена. – То, что делают твои родители – это за гранью. Если б мне при моем образе жизни еще и спать не давали, я б и дня ни прожила!

В этот момент из-за угла появилось некрасивое яйцевидное лицо Мишки, который также вышел во двор с секретной операцией «Покурить на перемене».

– Че ржете, дурынды?

– Мих, прикинь, – уже улыбалась толстая Ленка, – Беллке приснилось, что ей биолог укол делает, а она просыпается – это ей гелевая ручка в задницу воткнулась.

Миха, сделав глубокую затяжку и смешно скосив глаза, вынырнул из своих мыслей и, внимательно посмотрев на смеющихся девочек, вдруг со страхом на лице прошептал:

– Дуры, блядь, че ржете. Если б мне наш биолог блядь на хуй приснился, я бы на хуй не проснулся бы.

И резко бросив сигарету на асфальт, он потерял ее мысом своего сапога и побежал, как будто отмеривая расстояние, в сторону главного входа школы.

Глава 8

Белла вздрогнула и открыла глаза. Колеса электрички также монотонно и громко отсчитывали расстояние от Москвы.

Белле как будто самой не верилось, что детство ее закончилось, и *теперь она свободна*.

Решив, что школьных воспоминаний с нее на сегодня хватит, она перемотала на нужный трек, *трек своей песни*, и жадно погрузилась в воспоминания совсем другого толка. Сквозь музыку, через время она слышала давно забытые голоса, музыку своего прошлого.

Глава 9

– У вашей жены прекрасный голос, – по-мужски жестко сказала Белла толстому лысому мужчине, указывая на девушку за стеклом, которая, томно закрыв глаза, выводила одну ноту за другой.

За огромным пультом сидели сразу два звукорежиссера.

Лысый мужчина, не выражая никаких эмоций на своем пугающе большом лице, внимательно посмотрел на Беллу.

– Деточка, – протяжно зазвенел он своим низким голосом, словно старый контрабас. – Я ничего не понимаю в этой вашей современной музыке. Но если моя девочка хочет песню – я куплю ей самую лучшую песню.

Девушка за стеклом закончила петь и, широко улыбнувшись, посмотрела на Беллу.

Не говоря ни слова, огромный толстяк поднялся со стула и снова проскрипел:

– Все как обычно, Белла Аркадьевна. Мой юрист свяжется с вами.

– Буду ждать, Виктор Валентинович. Все, как обычно, – безэмоционально отчеканивала в ответ Белла.

Его силуэт уже исчезал в конце коридора, когда один из мужчин, сидевших за пультом, вдруг с омерзением произнес:

– Старый урод, только и знает, что сидеть и пердеть.

Было видно, что комментарий Белле не понравился. Она внимательно посмотрела на звукорежиссера и низким голосом медленно, отбивая каждое слово, прошептала:

– Не смей плохо говорить о моих постоянных клиентах.

– А то что? – издевательски усмехнулся мужчина.

Белла на мгновение вспомнила себя подростком, вспомнила, через что ей, девочке из провинции, пришлось пройти, чтобы сформировать свой неженский характер. Она вспомнила то чувство освобождения, которое ей принес ее первый заработок.

И, обезумев от свалившейся на нее ярости, Белла вскочила со стула, одной рукой схватила ненавистного шутника за горло и, прислонив его прямо к стене, зловеще прошептала:
– А иначе я тебя убью.

Глава 10

Белла открыла глаза. Голоса ее прошлого звучали так громко, что, казалось, их могли слышать и другие пассажиры вагона.

На мгновение, она почувствовала себя такой одинокой! В такие моменты, ей не хватало отца. Ну, или ей казалось, что ей его не хватало.

Белла снова отмотала на нужный трек. Вот она, песня, напоминающая ей папу.

Глава 11

Несмотря на то, что звуковой образ квартиры ее детства создавали непрекращающиеся крик и ругань ее матери, *Белла научилась слышать окружающий мир*. Сквозь ежедневные проклятия и обвинения, маленькая Белла слушала и слышала Нечто, что со временем она научилась превращать в музыку.

Не последнюю роль в этом сыграл ее отец.

Белла обожала тихие летние вечера, когда, сидя на крошечном балконе их крошечной квартирki, он рассказывал ей о научных разработках, работе мозга, сомнительных экспериментах, которые он проводил со своими коллегами «до того, как развалился СССР».

Отец научил ее главному – мир вокруг нас намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. И величайшее наслаждение уметь видеть и слышать (СЛЫШАТЬ!) мир не так, как слышат его другие.

Белла обожала своего отца и во всем старалась быть на него похожей.

Идя по улице, она специально прихрамывала левой ногой, совсем так, как прихрамывал ее папа.

Белла громко причмокивала суп во время обеда, совсем так, как делал ее папа.

– Учись видеть мир! Это величайший дар! И величайшее наслаждение! Никакие деньги не заменят удовольствия от возможности познавать себя и окружающий мир! – постоянно повторял он.

Белла так бесконечно любила отца, что в какой-то момент *ей даже становилось немного обидно, что она не родилась мальчиком – так сильно ей хотелось быть копией своего папы, его продолжением и продолжателем его идей*.

Но было в ее маниакальном желании быть похожей на папу еще кое-что – *тотальное нежелание иметь хотя бы что-то общее с ее мамой, истеричной женщиной, ежедневно вываливающей тонны звуков ругани на Беллу*.

Более того – чем старше становилась Белла, тем более *образ женщины-матери становился для нее пугающим и бесконтрольным*. И уже в детском не окрепшем сознании Беллы все четче и четче приобретала очертания мысль о том, что *быть женщиной само по себе заслуживает порицания*.

Глава 12

Шумный электропоезд продолжал уносить Беллу прочь из Москвы напрямик в город ее детства. Белла выключила плеер, музыка в ее ушах и душе замолчала на мгновение, как вдруг ее мысли прервал приятный женский голос.

– Есть стаканчики, есть эскимо, вам какое?

- Давайте мне эскимо, рожок, а для моей сестренки – пломбир, – отвечал голос помоложе.
- Не хочу пломбир, тоже хочу эскимо! – раздался громкий детский плач.
- Ну, ты же мне всю дорогу говорила, что хочешь, – снова полился девичий голосок.

Белла оглянулась и увидела полную девочку лет пятнадцати. Рядом, резвясь и крича, бегали двое детей. Было видно, что покупка мороженого просто была ее отчаянной попыткой успокоить непосед, которые так и норовили убежать на другой конец вагона.

Белла закрыла глаза. И снова вспомнила Лену, свою школьную подругу.

Глава 13

Лена... Ангел хранитель ее детства, человек, благодаря которому Белла начала писать музыку. Настоящую музыку... Человек, который всегда поддерживал ее, который любил ее, сильно и безусловно.

«Никогда не спорить», «никогда ничего не просить» довольно рано стали жизненными принципами Лены. Еще бы! Ведь мама ежедневно объясняла ей, что Лена должна была быть просто счастлива от осознания того, что у нее такая большая семья, и Лена как старшая сестра может круглосуточно заботиться о своих братьях и сестрах.

Лена долго и искренне пыталась найти счастье в том, что предлагала ей судьба. Но счастье, почему-то, так и не приходило...

И, в конце концов, Лена-таки сломала себя ради своей великой миссии.

Отныне счастье других людей стало ее жизненной программой.

Вот только сама по себе счастливее она от осознания этой жизненной истины не стала.

Что бы Лена ни делала, как бы ни помогала родителям, братьям и сестрам – в своей семье она оставалась неуютной для всех и каждого... Детских праздников для нее не существовало. Желаний и стремлений, ее личных желаний как будто бы тоже не было. Помогать, готовить, стирать, мыть и никогда не жаловаться – вот жизненные установки Лены, которым она должна была беспрекословно подчиняться.

Но самое грустное – Лена была виновата и в том, когда кто-либо из младших детей начинал болеть. И тогда к стандартным обязанностям по уходу за домом добавлялись и постоянные обвинения ее родителей.

Ведь это она не досмотрела! Из-за нее сейчас придется вызывать врачей!

Лена научилась стойко преодолевать предложенные ей жизненные обстоятельства. Но она не смогла преодолеть предложенную ей любовь. Особенно, когда это и не любовь была, а суррогат любви.

Белла гнала прочь эти воспоминания. Она хотела помнить Лену такой, как в тот день, когда они сидели на школьном дворе. Все остальное все эти годы Белла старательно замалчивала в себе – песня о Лене была написана, но продолжала болью прятаться глубоко в сердце Беллы.

Глава 14

Белла помнила тот день: она, молодая подающая надежды пианистка, неожиданно для самой себя решила освоить игру на гитаре. Одолжив заветный инструмент у одного из своих «друзбанов», Белла, сидя на скамейке детской площадки, коряво пыталась перебирать пальцами по струнам.

Рядом, в окружении своего семейного детского сада, что-то мастерила в песочнице Лена.

Идиллию девочек нарушил внезапно подошедший полный мужчина, который с первого взгляда почему-то Белле не понравился.

– Какая молодая мама! – сально улыбнулся он, глядя на Лену.

– Я не мама, – смущенно опускала глаза девушка. – Я старшая сестра!

– Даже так! – улыбнулся мужчина еще шире, и Белла на мгновение увидела в его взгляде нечто садистское.

Лена скромно опустила глаза. Белла же, почувствовав, что пришло время показать всем, *кто здесь мужик*, приподнялась со скамейки и тихо прошипела:

– Шли бы вы отсюда, товарищ. Это детская площадка. Нам-то еще восемнадцать лет, а вот вы тут что забыли – непонятно.

Стараясь не смотреть на рычащую на него Беллу, мужчина произнес:

– Твоя подруга просто омерзительна, девочка. Не общайся с ней. Она тебя ничему хорошему точно не научит! И, кстати, ты очень-очень красивая, я даже вначале подумал, не актриса ли ты! Ты, правда, очень славная девочка!

Лена покраснела. Белла же уже готовилась к реакции, которая, пусть и не часто, но иногда просыпалась в ней, доставляя впоследствии немало проблем.

«Бей!» – пронеслось в голове у Беллы.

Мужчина, видно почувствовав, что сейчас ему предстоит драка пусть с физически сильным, но подростком, быстро удалился.

Глава 15

– Беллочка, мне кажется, что я влюбилась! – как гром среди ясного неба пронесся голос Лены.

Белла вздрогнула.

– Ты же Андрея помнишь? Вы встречались на детской площадке, кажется?

«Замри!» – пронеслось где-то внутри Беллы.

– Помню... кажется, – начинала приходить в себя Белла.

– Ты не представляешь, какой он! Я никогда не встречала людей, похожих на него! Он такой образованный, начитанный, знающий! Он знает все, вообще все!

– Он мне не нравится, – почти про себя произнесла приходящая в себя от удивления Белла. – Ленк, тебе бы бежать от него...

– Да ты что! – заорала уже крепко сидевшая на крючке Лена. – Впервые в жизни я встретила человека, которому не наплевать на меня. Впервые в жизни кому-то интересно, о чем я думаю, чем я живу, чем я хочу заниматься по жизни. А ты говоришь, чтобы я бросила все это? Да я же умру!

– Лена, он старый. И он женат, по-моему. Не думаешь же ты, что он из-за тебя от жены уйдет? Тебе даже восемнадцати нет! – строго посмотрев на подругу, зло прошептала Белла.

– У нас любовь, Белла! Настоящая любовь! Тебе не понять – ты вся в этой музыке своей. А я жить хочу, понимаешь? Меня тошнит уже от этих горшков, памперсов и кастрюль. Кто я в своей семье, Белла, кто? Если бы придумали машину, которая одновременно тут моет, а ту за детьми смотрит, и я бы эту машину вместо себя оставила, мой уход и не заметил бы никто. Белла, я не человек! И никогда себя человеком не чувствовала! А с ним почувствовала, понимаешь? Ты знаешь, сколько он знает? А сколько читает? Больше нашего биолога!

Белла услышала неприятный скрежет. Потом в ее ушах зазвенело. Она не помнила, как попрощалась с Леной и шла домой. Она не слышала музыки своих мыслей. Боль от того, что у нее на глазах происходит что-то страшное, заглушила все вокруг.

Глава 16

– Я думал, что ты... А ты. Посмотри на себя – тебе только пятнадцать, а ты становишься такой же стервой, как и большинство баб, которых я встречал. Чем ты лучше моей жены – да ничем!

Лене невыносимо было от осознания того, что она сделала несчастным человека, который так много и долго посвящал ей себя и свое время.

– Андрюшенька, не говори так. Я очень сильно тебя люблю! Я... Я для тебя что хочешь сделаю!

– Да? – самодовольно улыбнулся мужчина. – Ну, тогда пошли!

И, схватив Лену за руку, он потащил ее в сторону своей машины.

Глава 17

Положив ноги на стол, Белла сидела погруженная в звуки, доносящиеся из только что купленных наушников. Одной рукой она беспрерывно курила, а другой все ощупывала заветную стопку новеньких банкнот – тех самых, что ей только что заплатили за новую песню.

Ее музыкальную медитацию прервал глухой стук.

Открыв глаза, Белла увидела свою ближайшую подругу, которая медленными неуверенными движениями стучала по стеклу, пытаясь привлечь внимание Беллы.

Белла вскочила со стула.

Открыв дверь, она прокричала:

– Ты что тут делаешь? Что-то случилось?

Ленка неуверенно посмотрела на свою подругу, и на лице у нее вдруг отобразилась беспомощность.

– Беллочка, а я тебя искала! Но потом поняла, что единственное, где ты можешь быть – это на студии.

– Заходи, я тебе кофе налью, – удивленно смотрела Белла на свою подругу, которая впервые за долгие годы решила заглянуть в любимый «звукозаписывающий подвальчик» Беллы.

– Беллочка, ты знаешь мои принципы, – неуверенно начала Лена. – Я считаю, что дружбу никогда не нужно портить деньгами! И если бы не исключительные обстоятельства, я бы никогда к тебе не обратилась!

«Замри!» – пронеслось по всему ее телу.

Белла впиалась взглядом в Лену.

– Беллочка, мне очень деньги нужны! Мне не к кому больше пойти! А я потом все отработаю! В Макдональдс устраюсь, как Ника, и все тебе отдам!

Белла продолжала стоять неподвижно.

Молчание Беллы Лена восприняла как зеленый свет к продолжению их разговора:

– Беллочка, я беременна. Мне очень нужны деньги на аборт!

«Замри!» – снова приказало что-то у Беллы внутри. Брови девушки при этом медленно начали подниматься вверх, а на лице выразилось такое удивление вперемешку с растерянностью, будто это Белла была отцом ребенка, которому сообщили только что столь неожиданную новость.

Когда в теле Беллы сознательные реакции, наконец, победили бессознательные, она легким движением руки вынула из кармана заветную пачку свеженьких иностранных купюр, положила их в руки Ленке и тихо сказала:

– Бери, отдашь, когда сможешь. Я этих песенок наклепаю еще десять штук. А сейчас лето тем более. Свадьбы, вечеринки. Бери.

От переизбытка чувств Лена заплакала.

– Беллочка, я все отдам.

– Бери... А где? То есть... Куда? – по-мужски чесала затылок Белла.

Лена, поняв вопрос, уже отвечала приготовленным ответом.

– Я бабушке позвонила. Она в курсе. В их городе там больница есть, там абортарий. Бабушка договорилась уже со своей знакомой. Белла, узнай мои родители – они ж меня заживо закопают!

Белла вздрогнула.

Слово «абортарий», расстелившись в ее мозгу неприятным ковром из звуков, превратился в еще более неприятное слово «крематорий».

Плохой знак!

«Замри!» – снова приказало что-то внутри Беллы.

Белла подняла на Лену свои умные глаза и жестко по-мужски добавила:

– Позвони мне, когда все закончится. Я буду ждать!

Глава 18

Получив гонорар за очередную «песенку», Белла стояла в магазине обуви, внимательно изучая ассортимент. Ее размышления прервал пронзительный крик, который, будто впивался в уши каждого, кому, по несчастью, выпала участь слышать его разговор:

– Сука, ты мне жизнь сломала! Понимаешь? Это последний раз, когда я с тобой в магазин иду, – прокричал огромный плохо одетый мужчина в коричневом пиджаке, плюнул прямо на пол и вышел из магазина, громко закрыв за собой дверь.

«Замри!» – пронеслось в голове у Беллы. И, превратившись в соляной столп, Белла замерла возле одной из полок.

Мужчина покинул магазин, но неприятные звуки его голоса все еще как будто царапали собой Беллу.

Она закрыла глаза на мгновение, а, открыв, строго посмотрела на продавщицу.

– Я вот эти возьму! – указывая на огромные лаковые мужские ботинки, зло прошептала она.

– Девушка, – захохотала продавщица, – да они же мужские!

– Да, у меня как раз сорок первый размер! Я возьму эти!

– Ну как хотите, – засмеялась продавщица, снимая с полки нужную пару обуви.

Белла сама не понимала, в каком месте и когда на пути к становлению своей мужской идентичности у нее отказали тормоза.

Глава 19

В квартире у Беллы редко звонил городской стационарный телефон. Оттого когда этот самый телефон однажды зазвонил, у Беллы голова начала разрываться от этого звука.

– Слушаю, Алло, – прошептала Белла в трубку.

В это самое время из динамика послышался какой-то шум.

– Беллочка, это ты? – раздался голос звонившей.

– Кто это? – медленно по слогам произнесла хозяйка квартиры.

– Это я, Лена! Беллочка, как хорошо, что я тебя застала! Это чудо! Беллочка, я не знаю, что мне делать! Я одна, и мне очень-очень страшно.

Белла попыталась понять суть происходящего, но вместо этого она погружалась в какое-то неприятное полусонное состояние. Даже Нечто внутри нее забилося куда-то внутрь, и пугливо озиралось по сторонам, боясь пошелохнуться.

– Что случилось? Ты где?

– Беллочка, я боюсь! Я очень боюсь! Я не знала, что все это будет выглядеть так. Белла! Они тут не аборт делают, они обезглавливают, понимаешь? Я как будто попала в лавку к мясникам! Тут все в крови, ведра крови, а они в этих страшных рукавах ходят, знаешь, как в фильмах ужасов, и все кровью забрызгано, – задыхаясь, плакала Лена в трубку.

– Уезжай оттуда, придумаем что-нибудь! – наконец, приходила в себя Белла, понявшая, что пришло время показать всю силу и мощь ее характера.

– Беллочка, куда я поеду. Меня родители убьют, понимаешь? Они меня прикончат! Беллочка, никогда не делай аборт, слышишь? Ты не знаешь, что это. Они тут ходят все, с тряпками окровавленными между ног. И все плачут. Плачут, орут. Как будто с ума сходят.

– Лена, ты куда попала? На улице двадцать первый век! Что происходит вообще, ты где? – пыталась не потерять связь с подругой Белла.

– А тетки тут эти, Белла, ты не представляешь просто! Наша химичка просто ангел рядом с ними. Ты не представляешь, как они со всеми разговаривают. Они как палачи тут. И каждой они скажут гадость какую-нибудь, каждой, Белл! – продолжала плакать Лена.

Белла замолчала. Она понимала, что молчаливая поддержка – это единственное, что она могла сейчас сделать для своего единственного друга.

– Белла, я умру, я знаю, что умру! – кричала Лена в трубку.

У Беллы затряслось все внутри.

Но, сделав глубокий вдох, она попыталась успокоить и себя, и Лену:

– Садись на ближайший поезд и уезжай оттуда. Мы что-нибудь придумаем.

– Нет, Беллочка, второй раз я на это не решусь уже. Да и что я родителям скажу? – как заведенная повторяла Лена. Казалось, возможная реакция ее родителей было вообще то единственное, что ее в тот момент интересовало.

Белла, как могла, пыталась удерживать себя от паники. Она понимала, что у нее перед глазами сейчас создается история, история ее жизни, и от того, что скажет или не скажет она сейчас своей подруге, будет зависеть и ее жизнь тоже.

– Я тебе помогу, у меня много друзей. Придумаем что-нибудь. Если ты чувствуешь, что что-то не то происходит, значит, так оно и есть. Надо учиться слышать себя, – неожиданно для самой себя заговорила шестнадцатилетняя Белла фразами своего отца.

– Беллочка, – каким-то мрачным голосом произнесла Лена и вздохнула. – Спасибо тебе за все. Я боюсь, но устала я еще больше. Никогда не влюбляйся, Белла! Это очень страшно!

Глава 20

Электropоезд резко затормозил, вернув Беллу в реальность ее взрослого «я».

Голоса ее прошлого на секунду замолкли, но не прошло и пяти минут, как они зазвучали с еще большей силой.

Глава 21

– Маргарита Павловна, – осторожно подошла Белла к своей классной руководительнице. – Скажите, а где Лена? Почему ее нет?

Преподавательница внимательно посмотрела на Беллу.

– Белла, а ты разве не знаешь? Я думала, что вы дружили с ней! Лены больше нет... Похороны же были две недели назад. Ребята многие приходили тогда. Лена поехала к бабушке, там с ней случился приступ аппендицита, ее не довезли, кажется... А я удивилась, почему тебя на похоронах не было.

На мгновение Белла перестала слышать. В ушах у нее как будто лопнуло что-то, и звуки окружающего мира заменила зловещая тишина.

Белла погрузилась в беззвучный сумрак своего шока и боли.

Она не помнила, как убегала из школы. Не помнила, как взяла билет до Москвы.

Она не слышала никого и ничего.

Боль пожирала звуки вокруг нее, и Белла знала, что позволь она боли продвинуться чуть-чуть дальше, боль начнет пожирать и ее саму.

У Беллы появлялось ощущение, что у нее отрезали какой-то жизненно важный орган.

«Лены больше нет... нет... нет... нет...нет».

Снаружи Беллу пожирала боль, убивая на своем пути все до одного звука, а внутри, поражая желудок, почки, легкие и (главное!) сердце разрасталось дерево одиночества...

Белла вернулась домой далеко за полночь, соврав родителям, что подрабатывала на очередном корпоративе. Отныне она точно была уверена только в одном: для того, чтобы выжить, ей придется полностью отказаться от своей женской идентичности.

И, надев на себя мужскую водолазку, мужские джинсы и те самые черные лаковые ботинки, прихватив с собой недавно купленный синтезатор, Белла не позволила дереву одиночества сломать совсем молодое дерево ее жизни.

Глава 22

*Под гнетом этой тревожности девочка ищет убежища в
воображаемой роли мужчины.*

Карен Хорни

Поняв, что теперь дочь-подросток не является препятствием в жизненном функционировании ее как женщины, мать Беллы практически перестала издеваться над ней.

Казалось, чем больше и больше Белла превращалась в мальчика, тем меньше она вызывала раздражение своей мамы. Вскоре к мужской одежде и обуви добавились нарочито грубая манера говорить и пачки выкуранных сигарет.

Сидя в музыкальной студии, жадно заглатывая в себя табачный дым, Белла представляла себя огромным толстым добряком с седой бородой. И потому, проходя мимо огромного зеркала, она даже немного расстраивалась, что в отражении виделся силуэт хрупкой худенькой девушки.

Со временем к внешнему проявлению гипермаскулинности добавились соответствующие привычки и манера говорить. Общаясь с ровесниками, Белла будто превращалась в мужчину, доброго и немного грубоватого простяка-работягу. А уже к семнадцати годам она и вовсе всем своим видом транслировала только одно: в ней не было ни грамма женственности, а потому *ее не нужно было ни ревновать, ни соблазнять*.

Она стала своим парнем. Везде и всегда.

И эта роль сделала ее пребывание и в школе, и дома, и в музыкальной студии абсолютно безопасным.

Мать перестала будить ее по ночам, да Белла и сама так «упахивалась» на корпоративах и праздниках, на которые ее регулярно стали приглашать, что все чаще и чаще ложилась спать прямо в одежде. К тому же, свадьбы и дни рождения вместе с аплодисментами и зрителями (ее зрителями!) давали еще кое-что – деньги. И Белла, поняв, что это прекрасная возможность выкупить свой нормальный сон, отдавала все без остатка матери. *Отказавшись от своей женской части*, отдавая маме все, заработанное до копейки, Белла внезапно почувствовала, что обретает свободу.

«Как мало, оказывается, человеку нужно для счастья!» – проваливаясь в сладкий сон, думала про себя шестнадцатилетняя Белла.

Единственное напоминание о том, что физически она оставалась женщиной, приходило к ней раз в месяц. Ее тело, будто так и не смирившись с тем, что Белла буквально *вытравила из себя женскую сущность*, продолжало биться за то, чтобы та осталась девушкой. И, не найдя иного способа, оно просто мстило Белле совершенно адской болью внизу живота и бесконечными обмороками. К счастью, через пару дней Белла вновь становилась собой.

Беременность и роды и вовсе вызывали в Белле приступ паники. Но Белла не придавала этому никакого значения. В конце концов, все итак ее любят!

На школьных дискотеках Белле больше не нужно было стоять в уголке в ожидании, что какой-нибудь мальчик пригласит ее на «медляк» – «медляком» стала она сама, когда ее пальцы касались приготовленного специально для нее огромного синтезатора.

Начав открыто выражать свое стремление быть мужчиной, Белла обрела так не хватившие ей многие годы чувства стабильности и безопасности.

Глава 23

Секс с самого начала воспринимался Беллой как нечто мерзкое и запретное. И Белла сама уже не понимала, как так получалось, что любой намек на флирт в ее присутствии вызывал в ней приступ тошноты, а иногда и рвоты.

Как-то Сашка, будучи еще совсем юным студентом, только познакомившись с такой же юной Машей (той самой, с которой они в очередной раз расстались, на этот раз на Кубе) пригласил близких друзей на вечеринку, совмещенную с просмотром какой-то глупой американской комедии.

Маша в тот день превзошла сама себя в кулинарном искусстве, а Сашка, путаясь в бесконечных проводах, долго подключал видеомэгнитофон к телевизору.

Гости весело щебетали, сидя на диване, когда, наконец, все пришедшие в тот день дождались той самой сцены, ради которой весь этот совместный просмотр и был организован.

Помимо криков, охов и вздохов, из огромных колонок Саши стали доноситься глухие характерные толчки... будто кто-то бил кого-то о стену...

Белле на мгновение показалось, что кто-то вбивает гвозди ей в живот. А затем жаркое, которое все еще томилось в духовке, бесконечные салаты и фрукты, так соблазнительно приглашавшие еще пять минут себя съесть, – все вдруг встало каким-то комом в животе Беллы. И так же, глухими равномерными звуками, стали проситься наружу. Поняв, что сейчас ей станет по-настоящему плохо, Белла быстро вскочила с дивана и побежала в сторону туалета.

Глава 24

– Беллочка, с тобой все хорошо? – стучала Маша в туалет, стараясь быть как можно более тактичной.

Стоя на четвереньках, Белла опустила свое лицо внутрь унитаза, готовясь вовремя поймать приступ накатывающей рвоты.

– Машуль, я сейчас... Это... Это грибы, наверное...

За дверью стали раздаваться шаги.

Знакомый мужской голос стучал дверь и громко спрашивал:

– Белл, открой дверь. Вдруг тебе там плохо сейчас станет совсем, я тебя хотя бы в больницу отвезу.

Поняв, что отступать некуда, да и приступ рвоты стал постепенно ослабевать, Белла медленно поднялась с колен, умылась и открыла дверь.

– Простите, что испортила ваш вечер, – тихо сказала она, глядя в пол. – Это, наверное, грибы...

– Сволочи, – застонала Машка, по-женски обвиняя первого, кто попался под руку. – Я тебе говорила, говорила, что грибы эти не свежие. А ты: «Бери, бери», – ворчала Машка, обращаясь к Сашке, прекрасно понимая, что ответственность за покупку грибов полностью лежала на ней.

– Я сейчас позвоню, позвоню... Такое устрою, – не замечая качающуюся Беллу, прокричала Машка и скрылась на кухне.

Глава 25

– Белла, я обещаю, что этот разговор останется между нами, – начала однажды взрослая Маша. – Ну, скажи. Это ведь не грибы, да? Тебя от той сцены затошнило, да?

Белла вздрогнула и испуганно посмотрела на Сашину девушку.

– Я почему-то хорошо запомнила, на каком моменте тебе плохо стало... Белл... Я ничего не скажу Саше, я знаю, как вы друг друга поддерживаете. Но мне ты можешь сказать?! Тебя изнасиловали в детстве, да? Отсюда и одежда эта мужская, и манеры?

У Беллы холодок побежал по спине.

«Замри!» – приказал ей кто-то внутри, и Белла, словно статуя, застыла в той же позе, в которой так неожиданно застал ее Машин вопрос.

– О Господи, какая я дура. Ну, конечно! – начинала плакать красивая Маша. – Я же подростковую психологию изучала. Вытеснение. Прости меня, пожалуйста, я никогда больше не заговорю об этом, – уже обнимала обездвиженную Беллу Сашина девушка.

Белла, уставившись на Машу, стояла все в той же позе.

– А как же твои родители? Как же мама? – уже строила целую теорию Машка. – Неужели никто не наказал этого подонка? Хотя, какие родители. Все, все, все... – успокаивала Беллу Маша, на самом деле успокаивая себя. – Чтобы там ни было, знай, всегда можешь обратиться ко мне и к Саше. А все, кто издеваются над тобой... Будут иметь дело со мной! – закончила строго Маша, и ее симпатичный носик смешно дернулся вниз, как будто подтверждая слова своей хозяйки.

Сквозь невидимые оковы, окутавшие ее тело, Белла заставила себя улыбнуться:

– Ты очень хорошая, – только и смогла произнести Белла.

Глава 26

Когда для того, чтобы выразить свою боль тебе не хватает слов – на помощь приходит музыка. И она пришла однажды к Белле... Пришла, надо сказать, неожиданно и внезапно.

На своем фортепиано Белла играла дни и ночи напролет. Она играла, но чужую музыку... Когда однажды тогда еще четырнадцатилетняя девочка Белла вдруг осознала, что в ее сердце, в голове и в пальцах поселилось что-то, не дающее ей ни спать, ни есть, ни играть. Какое-то инородное Нечто, которое кричало и требовало выйти наружу.

Не понимая еще происходившего с ней, Белла пыталась заглушить новое чувство. Но, казалось, чем больше она вдавливала Нечто в себя, тем сильнее Нечто выталкивало все, живущее в несчастной Белле.

На школьных уроках Белла не могла слушать преподавателя: Нечто все время рвалось наружу, и как будто требовало к себе внимания, с каждым днем все сильнее и сильнее, разрывая Беллу изнутри.

И тогда однажды Белла просто подошла к любимому пианино, открыла крышку, и пальцы стали сами бегать по клавишам в поисках нужного звука. Когда звуки были найдены, у Беллы

родилась мелодия. Ее первая мелодия. Мелодия немного странная, немного грустная, но, при этом, абсолютно ни на что не похожая.

За первой мелодией стала прорываться вторая и третья. Потом мелодии стали превращаться в песни – Белле казалось, будто кто-то нашептывал ей их по ночам.

И Нечто, словно найдя нужный выход, перестало мучить Беллу изнутри.

Так Белла заключила с Нечто молчаливый договор: отныне все свободное время она внимательно будет слушать голоса и звуки Нечто, слушать, воспроизводить, а потом и записывать Его в виде музыки, а Нечто хоть иногда начнет замолкать, давая Белле возможность поучить школьные уроки или поспать.

Слушая Нечто, полностью погружаясь в себя, Белла могла полностью отключиться от реальной жизни и погрузиться в мир, где время двигалось с какой-то другой скоростью.

Правда, еще была мама Беллы.

Ее, казалось, боялась не только Белла, но и само Нечто.

И вот Белла, сидя в ванной – тихом месте, в котором Белла пряталась от бесконечных скандалов ее родителей – держа на коленях нотную тетрадь, пыталась в очередной раз записать то, что с таким упорством рассказывало ей Нечто, когда мать в очередной раз стучала в дверь:

– Белла, что ты там в туалете так долго? Что ты там делаешь, убище ты маленькое? Я знаю, что ты тварь озабоченная! Все мысли только о сексе! Сидит там и наяривает! Ты там онанизмом что ли занимаешься?

Каждый раз в такие моменты Белла чувствовала, что ей нужно было ответить, но какая-то невидимая сила как будто говорила ей в ту же секунду: «Замри», и Белла с карандашом и нотной тетрадью в руках и с застывшим в глазах ужасом замирала...

Глава 27

Душная электричка, наконец, довезла Беллу до пункта назначения.

И девушка, запихнув плеер поглубже в свой рюкзак, а свои воспоминания – подальше от своего сердца, медленно поплелась по направлению к квартире своего детства.

Ощувив во всех смыслах твердую почву под ногами, Белла вспомнила, что теперь она взрослая. Нечто обнимало Беллу изнутри.

Глава 28

– Мендис, ах, ты, чертовка! А я думаю, ты или нет! – прокричал знакомый голос прямо за спиной Беллы.

От неожиданности девушка подпрыгнула.

– Какими судьбами! Совсем большая стала! А биологию-то так, наверное, и не выучила!

Белла, наконец, обернулась, и ее взору предстал полностью побелевший от покрывавшей его седины мужчина, в котором она узнала своего школьного биолога.

– Ну, расскажи, какими судьбами! – обнимая Беллу так, будто они были старыми добрыми приятелями, не унимался старик. – Ты в Москве, говорят! Известным человеком стала! Ну, как ты? Какими судьбами?

Беллу накрывало странное чувство, которому она не могла сопротивляться – она снова превращалась в неуверенного в себе подростка, боящегося поднять глаза в присутствии самого страшного школьного преподавателя.

Девушка стояла молча на одном месте, тщетно пытаясь разморозить свои реакции и свое «я».

– Я не знаю, зачем я приехала, – наконец, выдавила из себя слова Белла. – Мне кажется, со мной что-то происходит. Я не знаю, что мне делать. К кому обратиться. Я не знаю, кто может

мне помочь. Мне очень плохо. Я задыхаюсь. Я не знаю, как дальше жить, – сказала что-то голосом Беллы, и девушка снова начала погружаться в пучины своего темного детства.

Биолог внимательно посмотрел на нее.

– Мендис... Ты что?

– Мне очень плохо, – окончательно теряя сознание, прошептала Белла. – Меня съедают мои же воспоминания. И у меня больше нет сил бороться.

– Пойдем. Расскажешь сейчас все, – больно схватив Беллу за локоть, потащил биолог свою бывшую ученицу в сторону небольшого кафе «Пирожковая».

Придя в себя, Белла осознала, что уже сидела на неприятном металлическом стуле за столиком кафе. В руках она держала горячий пластиковый стаканчик, из которого струился приторным запахом сладкий чай.

– Так что с тобой стряслось? – спросили из-под огромных очков любопытные глаза биолога.

– Меня преследует один и тот же сон, – поражаясь собственной откровенности, начала Белла. – И он, как будто блокирует все внутри меня. Есть предположение, что это какое-то детское травмирующее воспоминание. Но что это за воспоминание – я не знаю. И, возможно, не знает уже никто. А я работать нормально не могу, – закрыв глаза, закончила свою странную исповедь девушка.

– И ты приехала сюда в попытках разобраться, – заключил старый знакомый Беллы.

Она кивнула.

– И куда ты собираешься идти? Мама твоя, я слышал, умерла, несколько месяцев назад. Прими мои соболезнования... Ты не связываешь странные сны с ее смертью? – продолжал свой допрос биолог.

– Я не знаю, – послушно отвечала Белла, словно была на уроке.

– Такс... Ясно... Ну, а папины бывшие коллеги что говорят? Они ж мастера были по этому делу!

Белле показалось, что кто-то или что-то толкнул ее глубоко внутри.

Предчувствие? Интуиция?

– Какие папины коллеги, вы о чем? – словно находясь под воздействием опиума, прошептала Белла.

– Какие?! – вскрикнул биолог. – Те самые, с которыми они сомнительными экспериментами занимались, и из-за которых ими когда-то очень-очень интересовалось КГБ! – важно закончил биолог.

– Впервые слышу, – равнодушно отвечала Белла.

– А ОЕАЛ? Ты хоть про него знаешь? Ты, вообще, знаешь, сколько мы с твоим папой спорили на этот счет?!

Белла приходила в себя, но окончательно терялась в словах биолога.

– ОЕ? Чего? Без понятия! – продолжала тонуть девушка, не понимая, чего от нее хотят.

– Да возьми себя в руки, Мендис! – вдруг заорал на нее собеседник. – Вспомни, какая ты была! Мне даже странно, кто тебя в такое состояние загнать смог! Соберись и возьми себя в руки! Тебе не сюда надо было ехать, а к Погрежицкому. Он же в двух часах езды отсюда работает сейчас. Езжай к нему, скажи, что ты дочь Аркаши, попроси помочь! Я поспорить могу, что он из тебя не то, что все твое детство – воспоминания о прошлых жизнях твоих вытащит! Ты не представляешь, что они на пару с отцом твоим творили! Их же чуть не загребли тогда! Сейчас экстрасенсы все эти современные меньший ужас на народ наводят, чем папаша твой со своими исследованиями. Езжай, не пожалеешь!

Часть 2

Глава 1

Входя в небольшое помещение читального зала старенькой провинциальной библиотеки, Белла услышала низкий громкий мужской голос:

– Бехтерев не считал гипноз сном, скорее – чем-то родственным сну. Происходит это так. Гипнотизируемый слушает гипнотизера, подчиняется только ему. Давайте же подумаем, как мы можем ввести человека в это состояние. И тут нам на помощь придут уже известные нам реакции человека при определенных жизненных эмоциях. Например, состояние оцепенелости.

– То есть для того, чтобы загипнотизировать человека нам необходимо ввести его в состояние «Замри»? – раздался детский голосок.

– Совершенно верно! И, как мы помним, у некоторых видов животных такое состояние возможно при внезапном появлении опасности, – отвечал лектор.

Тихонько войдя в зал, Белла прошла между рядами и заняла свободный стул. Она с трудом понимала то, что с таким интересом рассказывал мужчина в конце зала. Однако отдельные фразы как будто вызвали в Белле воспоминания о чем-то давно забытом.

Минут через десять рассказчик, к немалой радости и Беллы, и маленьких непосед, сидящих возле нее, произнес:

– Знание биологии и анатомии мозга открывает потрясающие перспективы! На сегодня все, всем спасибо!

В зале раздались скудные аплодисменты, и подростки лет тринадцати весело побежали прочь из библиотеки на свободу.

Набрав в себя побольше воздуха, Белла тихонько подошла к лектору:

– Здравствуйте, Лев Моисеевич. Мне очень нужно поговорить с вами.

Мужчина недоверчиво покосился на Беллу и молча продолжил снимать развешенные на доске картинки.

– Лев Моисеевич, меня интересует ОЕАЛ, – проговорила Белла, глядя лектору прямо в глаза.

Мужчина вздрогнул.

– Я не понимаю, о чем вы, – суетливо продолжил собирать ученый картинки.

Однако, как ни старался он скрыть свое удивление, от зоркого взгляда Беллы не ускользнул страх, пробежавший по всему его телу.

– Лев Моисеевич, мне, правда, очень-очень нужна ваша помощь! Я такой путь сюда проделала. Вы не представляете, чего мне стоило сюда приехать...

– Не могу вам ничем помочь! – ворчал старый ученый, быстро выходя из кабинета.

Белла понимала, что пришел момент действовать более радикально. И, собрав всю свою волю в кулак, она по-мужски жестко отбила:

– Я дочь вашего лучшего друга и соратника, Аркадия Мендиса. И я приехала сюда, потому что вы мой последний шанс, и мне не к кому больше обратиться.

Лев Моисеевич остановился. И, медленно поворачиваясь, тихо произнес:

– Белла?!

Глава 2

– Вы меня гипнотизировать, что ли будете? – спросила Белла, пытаясь казаться серьезной. Слова Льва Моисеевича о его «величайших разработках» начинали напоминать ей яйце-

голового Мишку, который при любом удобном и не очень случае «вешал» на всех свои грандиозные фантазии про девушек модельной внешности, с которыми у него якобы был секс.

Зачем она с таким упорством пыталась встретиться с этим старым дураком?

– Не совсем, – серьезно отвечал ученый. – Но ощущения будут схожими. Ты будешь слышать меня, подчиняться моему голосу. Ты должна будешь войти в воспоминание о своем сне. А потом спросишь у Оли все, что хочешь.

Белла улыбнулась.

– Садись и смотри на кончик ручки.

Теперь Беллу начинал уже разбирать настоящий хохот. Вся эта ситуация вдруг представилась ей каким-то гротеском: бывший не совсем нормальный ученый будет проводить над ней какие-то полулегальные опыты. Все это напоминало фантастический фильм для подростков.

– Ты расслабляешься, погружаешься в сон... Засыпай, – каким-то не своим голосом сказал Лев Моисеевич.

Белле захотелось зевнуть, но зевнуть она почему-то не смогла. Как будто тело перестало подчиняться ей, как тогда, в клубе: руки становились тяжелыми, в голове зазвенели неприятные звуки.

У Беллы начиналась паника, которую она, как могла, пыталась подавить. Огромный старый деревянный шкаф, все это время стоявший прямо перед ней, переставал быть огромным, а потом и вовсе исчез, оголив стену со старыми плохо оклеенными обоями.

– Прикажи себе оказаться во сне, где ты видела Олю. Иди в свой сон. Иди к Оле.

Белле становилось нехорошо. Она почему-то вспомнила свое состояние, когда из-за задержки рейса не спала больше тридцати часов. Ужасное состояние. Ты вроде бы не спишь, но при этом реальность становится не совсем реальной.

– Ты видишь что-то? – услышала, медленно проваливаясь в сон Белла.

Беллу накрывал какой-то не то туман, не то дым. И странная мелодия, похожая на детскую песню, стала тихо и неприятно звучать у нее в ушах.

– Не вижу ничего. Но слышу. Мелодию какую-то. Как будто знакомую, – пыталась отвечать девушка, ощущая неприятное тяжелое чувство в области лба.

– Попробуй вспомнить тот сон. И... Олю.

Тяжесть в области лба усиливалась и начинала окутывать собой и затылок.

– Я пытаюсь понять, что вижу, но все расплывается.

– Сделай глубокий вдох и прикажи сама себе оказаться в том сне, – вновь услышала голос Белла. – *Это же были твои сны. Значит, только ты можешь управлять картинкой, которую видишь.*

Белла уже сама не понимала, что за голос она слышала. Она начинала испытывать настоящую панику. Ей вдруг показалось, что она находится под действием сильных наркотических веществ, которые ослабляют контроль ее разума. И ей стало по-настоящему страшно.

– Что ты видишь? – вновь раздался мужской голос.

– Я ничего не вижу, – заорала Белла. – Мне страшно!

– Это хорошо! Теперь попробуй понять, чего ты боишься!

– Я боюсь всего, боюсь этой темноты, я боюсь потерять..., – начинала уже окончательно проваливаться в сон Белла, как вдруг странная мысль как-то сама собой озарила темноту, в которой она пребывала последние полчаса и, открыв глаза, она четко и громко произнесла, будто ничего и не было.

– Я боюсь потеряться.

Взгляд Беллы остановился на старом шкафу, который все это время неподвижно стоял на одном месте.

И уже окончательно придя в себя, она резко встала с кресла и неожиданно для самой себя произнесла:

– Я боюсь толпы. Боюсь потеряться. И тот сон про Олю... Он всегда начинается одинаково: я бегаю в толпе и ищу ее.

– Приходи завтра, мы найдем твою Олю, – проговорил, глядя вдаль новый знакомый.

Внимательно посмотрев на Льва Моисеевича, Белла вышла из квартиры исследователя и направилась в сторону гостиницы.

Быстро шагая вдоль обветшавших домов незнакомого провинциального города, Белла пыталась осознать все происходящее. И как-то незаметно все ее мысли споткнулись о странное воспоминание: последнюю из фраз Лев Моисеевич сказал, явно пытаясь не смотреть ей в глаза.

Глава 3

– Что ты видишь? – слышала голос исследователя Белла, вернувшись к нему на следующий день.

– Я вижу огромное окно. Вижу девушку. Она стоит и смотрит в окно... Подождите... Мне кажется, это она... Оля? Это ты?

Мужской голос замолчал, оборвав единственную связь Беллы с реальностью.

Все. Теперь она здесь. Одна. Бежать некуда.

Беллу вновь охватил страх. Силуэт девушки, той самой «шелковой» девушки, стоял прямо перед ней.

– Оля, – тихо произнесла Белла.

Девушка медленно начала поворачивать голову, как вдруг сила, какая-то неуправляемая неподвластная времени сила подняла Беллу, словно та была невесомой, и опустила прямо посередине толпы. Той самой толпы.

Белла почему-то вспомнила историю про Гулливера – эту историю ей читал когда-то папа.

Гулливер в стране великанов, – подумала про себя Белла. – И почему все люди вокруг такие огромные?

Беллу снова охватил страх. И, надеясь найти спасительный голос в своем странном видении, она вдруг сказала:

– Я в каком-то здании. Огромные окна. Все такое серое. Лестница. Перила. Здание похоже на те, что в советских фильмах показывают.

– Здание похоже на научно-исследовательский институт? – неожиданно для Беллы раздался уже ставший родным голос.

– Да! – заорала Белла. – Да, я именно в каком-то институте.

«Откуда он знает?» – пронеслось где-то, но Белла не придавала этому значения.

– Просыпайся! Приказываю тебе! – услышала голос ученого Белла.

– Но мы же только начали! – непривычно капризно начала Белла.

– Хватит. И с меня тоже хватит. Я сделал все, что мог. К сожалению, я не смогу тебе помочь. Уходи отсюда, уходи, – выпроваживал Лев Моисеевич Беллу.

Девушка поняла, что сегодня ученый точно не настроен с ней больше общаться и послушно покинула квартиру.

Но она это так не оставит. Ответы где-то рядом.

Глава 4

Когда в детстве Белла разрешила себе «не быть девочкой», она в придачу выдала себе санкцию в сложных жизненных ситуациях поступать по-мужски. Причем, в том и так, что представлялось мужским именно ей.

Поэтому, поняв, что Лев Моисеевич явно что-то недоговаривал, она, боясь не застать его дома в дневное время, пришла в начале одиннадцати вечера и громко начала долбить его входную дверь ногами, при этом крича, что есть мочи:

– Открой, старый идиот. А то я не знаю, что с тобой сделаю!

– Ты что творишь, дура! – выскочил как ошпаренный Лев Моисеевич из квартиры. – Хочешь, чтоб я тебя в милицию сдал?

– Это говорит мне человек, который проводил опыты с человеческим сознанием и мозгом и боялся, что его в КГБ загребут? – не замечая негатива в его словах, отвечала Белла. – Лев Моисеевич, я вас умоляю. Именем своего отца. Мне нужно у вас что-то спросить! – вновь становясь девочкой, нетерпеливо и по-детски капризно начинала манипулировать упрямым ученым Белла.

– Ты иногда напоминаешь мне свою мать, и это не комплимент, – толкнул Лев Моисеевич Беллу внутрь квартиры и запер за собой дверь.

Немного успокоившись, Белла начала свой допрос:

– Лев Моисеевич, послушайте. У меня, судя по всему, серьезные проблемы с психикой. Эта Оля стала являться мне, как призрак. Хотите, я на колени встану? – уже готовясь и впрямь опуститься на колени, причитала Белла. – Ради памяти моего папы. Ну, пожалуйста! Скажите мне уже, наконец, кто такие эти Ольга Платонова и Елена Ефремова.

Лев Моисеевич побелел.

– А фамилии ты откуда их знаешь? – спросил он каким-то мрачным голосом.

– Оля являлась ко мне во сне больше двадцати раз. В один из снов, когда я искала ее, кто-то произнес эти фамилии.

– Господи, – схватился за голову Лев Моисеевич. – Видел бы это твой отец, он бы умер во второй раз.

– Так вы мне скажете, кто это? – впиваясь взглядом в старого упрямца, спросила Белла.

Лев Моисеевич взял со стола свою старенькую отколотую чашку, сделал глоток чая и как-то очень молодецки произнес:

– Это сотрудницы института, в котором мы работали с твоим отцом.

Сердце Беллы закричало: «Выпустите меня отсюда, я не выдержу!»

Так они существуют в реальной жизни?

– Белла, я не знаю, зачем тебе знать эту правду. Чудовищно нелепую правду. Правду о твоём отце, которая исказит твоё представление о нём, испортит его репутацию как талантливого ученого. Но если это так важно для тебя, чтоб ты не съехала с катушек, я скажу тебе. Точнее, покажу.

Лев Моисеевич открыл створку старенького деревянного шкафа и извлек оттуда огромный фотоальбом в красной кожаной обложке.

– Садись, – указывая на место рядом с собой на диване, брякнул ворчливо хозяин квартиры.

Белла тихонько села на диван. Она уже сама не верила, что её очередное превращение в почти-мальчика могло привести к положительным результатам в деле расследования о её прошлом.

– Вот, – открывая альбом и указывая на огромную черно-белую фотографию, проворчал Лев Моисеевич, – Видишь этого красивого стройного молодого юношу? Это я.

Беллу начал разбирать смех. Несмотря на то, что мужская часть её души была довольно значительной, она не могла также заглушить и женскую, которая уже мысленно цинично поливала сарказмом несчастного Льва Моисеевича за его желание даже в такой момент похвастать перед молодой девушкой своей юношеской формой.

«Старый маразматик!» – прошептала женщина внутри Беллы.

А Лев Моисеевич тем временем продолжал:

– А это – твой папа. Смотри, какой он тут. Красивый. Ну, я, конечно красивее был, и девушки за мной больше бегали... Все... Кроме Оли.

У Беллы по спине забегал холодок. Впервые за все время этой дикой истории Оля, которую и она, и Сашка считали ни то призраком, ни то выдумкой, начинала обретать реальные очертания.

– Вот они, Ольга Платонова и Елена Ефремова, – указывая на девушек на фото, продолжал свои откровения ученый.

– Эх, молодость, ты глянь только – красивые какие! – продолжал любоваться собой Лев Моисеевич.

– Так они существуют в реальной жизни? – спросила Белла трясущимся голосом.

– Существуют, – как бы поставил точку Лев Моисеевич. – Думаю, ты в детстве от папы слышала эти фамилии, вот они тебе и снятся. Как видишь, никакой мистики! – еще раз полюбовавшись на фото своей ученой молодости, закончил Лев Моисеевич и закрыл альбом.

– Но почему же тогда... – хотела спросить что-то Белла, но хозяин уже как будто не был настроен на продолжение разговора.

У Беллы же в голове, да и во всем теле стало носиться какое-то странное неприятное ощущение.

– А что за правда, о которой вы хотели мне сказать?

– Какая правда? – как ни в чем не бывало начал хозяин квартиры, демонстративно зевая. – Ты просила узнать, кто это, а я показал.

– Вы сказали, что есть правда, которая может испортить репутацию папы как талантливого ученого.

Лев Моисеевич состроил гримасу.

– Да все, нет никакой правды.

Белла, оценив ситуацию, поняла, что ей нужно сделать заход с другой стороны.

– Ладно, – как будто тяжело вздохнула она. – Ничего я от вас не добьюсь. Если бы я сразу знала, как все это будет – и не приезжала бы. Мой папа постоянно вспоминал вас, ваши совместные исследования, – впервые в жизни начинала привирать Белла. – Уж сколько лет его нет – а я помню! И вот я приезжаю к вам, еду в этой душной электричке. Ради чего? Ради того, чтобы вы высказывали мне полное равнодушие?

И решив, что если уж играть ва-банк, то до конца, Белла включила внутри себя все то, спрятанное, женское, что она старалась по понятным ей одной причинам никогда не показывать на людях.

– У вас нет ни души, ни сердца, ни совести, – пыталась выдавить хоть слезу не привыкшая плакать, а тем более упрашивать, Белла. – Если бы ваши дети приехали к моему отцу, он бы сделал все, чтобы помочь им! Я который день прошу, нет – я умоляю рассказать мне правду, – продолжала выдавливать из себя хоть слезинку Белла. – А вы!

Как ни странно, но неожиданная игра Беллы возымела результат.

– Ну, что? Что ты хочешь от меня услышать? – завопил несчастный, припертый к стенке Лев Моисеевич. – Что твой папаша иногда совершал странные поступки? Да, совершал! Ольга Платонова была не просто нашей сотрудницей – она невестой его была. А ты знаешь, какая она была? По улице шла – люди оборачивались! Не из этого мира была, понимаешь? Ну, нет таких больше. Нет, и не было. Все в ней – и красота, и ум. Так еще и пианистка профессиональная!

Белла старалась переварить свалившуюся на нее информацию. Она почему-то вспомнила, как однажды в детстве она помогала Ленке вскрывать фильтр от пылесоса, но нечаянно потянула за шнурок так сильно, что сама оказалась погребенной под слоем пыли.

– А твой папа! Разве он заслужил? Да ему что Оля, что Лена, что Маша – один черт. Его наука только интересовала. А они все по нему с ума сходили. А тут твоя мама... Она не нашего даже круга была! Ты меня спроси, кто твоя мама по образованию – я не знаю! А что я о ней

знаю, я, лучший друг Аркаши, что знал про его жену – да ничего! Он ее как будто прятал всю жизнь от нас! Стеснялся что ли?

Белла поймала себя на мысли, что переставала слушать.

– Оля была невестой моего папы? – неожиданно для себя самой прокричала она.

– Да, – опустил голову Лев Валерьянович, – была. Хотя лучше б не была...

– А как тогда получилось, что невестой папы была эта идеальная во всех смыслах Оля, а женился он на маме моей? – не понимая наивности своего вопроса, продолжала Белла.

Лев Моисеевич поморщился.

– Тебе восемнадцать-то есть, девочка? – удивленно посмотрел на Беллу из-под огромных очков рассказчик. – Как? Да очень просто. Оля из приличной московской семьи, дочь ученых, сама ученый. Она не из этого мира была. Все хотела жизнь по правилам разложить. А тут... Твоя мама. Она ж тогда вроде костюмершей при театре при каком-то или я путаю? Не успела с отцом твоим познакомиться, приходит и говорит: «А я беременна».

Глава 5

– В последний раз, – взмолилась Белла.

«Это твой сон и твоя жизнь. Создавай ее такой, какой хочешь. Ты можешь все».

Голос Льва Моисеевича замолк, оставив Беллу наедине со своим призраком – Белла вновь увидела стоящий к ней спиной силуэт «шелковой» девушки.

– Оля, пожалуйста! Не делай этого! Я знаю – тебя предали, и тебе очень-очень больно. Но любая боль проходит рано или поздно. Я не всегда буду сопливым младенцем. Я вырасту, я стану музыкантом, Оля! Хорошим музыкантом! Мне так много нужно тебе рассказать! Оля, Олечка! – кричала Белла. – Я ведь даже не узнаю, какой замечательной ты была! Оля!

Ее монолог нарушил страшный мужской голос. Он словно гром разрезал пространство.

– Скажи ей то, что собиралась.

Белла вдруг увидела свое старенькое пианино. Она будто вновь вернулась в ту, маленькую себя, ту, которую она на протяжении многих лет привыкла прятать очень и очень глубоко.

– Олечка, – вдруг закричала что есть мочи Белла. – Ты должна быть... Это ты... *Это ты должна была быть моей мамой!*

Впервые за много лет из глаз Беллы брызнули слезы.

Картинка стала растворяться. Белла возвращалась в себя взрослую.

В комнате Льва Моисеевича все было также: огромный уродливый деревянный шкаф, два стареньких кресла и... Белла. Она лежала на пыльном ковре и рыдала. Рыдала впервые за много лет. Как самая настоящая девочка.

Тяжело вздохнув, Лев Моисеевич ушел на кухню. Белла не знала, сколько он отсутствовал. Отныне она смотрела на мир, как на кино, в котором она одна могла менять скорость показа и громкость звука. Время больше не сливалось с ее жизнью. Время текло где-то далеко, и она сама могла определять скорость его течения.

Вернувшись, наконец, с кухни, Лев Моисеевич уселся рядом с Беллой на корточки и протянул ей чашечку:

– Выпей шалфея, девочка. Тебе надо успокоиться.

Но внутри Беллы вместе со слезами проснулась такая ярость и злость, что ей хотелось крушить все вокруг.

Лежа на старом пыльном ковре в квартире Льва Моисеевича, Белла заскулила, словно потерявшийся щенок.

– А вы знали! Вы с самого начала все знали! – кричала как обезумевшая Белла.

– А что я мог тебе сказать? На дворе было начало 90-х. Ты даже не представляешь, что это было. Хаос, сюрреализм. Мы потеряли привычную жизнь. Люди теряли работу, им нечего

было есть. Никому дела не было больше до наших исследований. А в тот день в институте был вообще дурдом. А тут еще твой отец пришел с тобой маленькой. Хорошенькое дело – говорить с бывшей невестой, когда на руках у тебя ребенок от женщины, на которой ты женился «по залету». Мы начали искать Олю, когда твой папа понял, что ты потерялась. Мы искали тебя. Бегали по всему институту. Тогда она и прыгнула... Теперь ты знаешь все. Ольга Платонова, Елена Ефремова, Аркадий Мендис и Лев Погрежицкий. ОЕАЛ – это просто первые буквы наших имен. Мы в шутку называли так наши дурацкие исследования, исследования, которые, как оказалось, на хрен никому не нужны...

Собрав остаток сил, Белла поднялась с пола.

– Я еду в Москву, Лев Моисеевич. Спасибо за помощь, – по-мужски сухо произнесла.

Глава 6

– Белла, куда это ты с топором идешь? – спросила полная женщина в огромной нелепой юбке в цветочек.

Уверенно поднимаясь вверх по лестнице ветхого мрачного подъезда, Белла крикнула:

– Дверь ломать, тетя-Валь!

Напоминающая огромную разноцветную чашу тетя Валя остановилась и удивленно спросила:

– А зачем же топором? Может, МЧС вызвать? Я вот тоже однажды ключи забыла...

Но Белла уже не слышала. Она уверенно шла наверх, чтобы, наконец, лицом к лицу встретиться со своим страхом.

Войдя в квартиру, в которой Белла провела свое детство, она остановилась, чтобы отдышаться.

Вот она, ее пыточная камера.

Белла посмотрела на дверь в родительскую спальню, ту самую дверь, когда память начала выдавать то, что с таким трудом Белла скрывала не только от Саши, но и от самой себя.

«Нас с твоим папой ночь помирят! Понимаешь?» – прозвучал голос ее матери.

«Это я занимаюсь с ним сексом, я, а не ты, поэтому он сделает все, что я ему скажу, а ты – просто маленькая сопля».

«Ты же подслушивала, да? Я знаю, как ты меня к нему ревнуешь!»

Одну за другой Белла вспоминала фразы своей матери. Вот только тошнота уже не подкатывала.

«Маленькая проститутка! Мысли только об одном!»

Белла огляделась.

Вот здесь она избивала ее. Вот здесь она стукнула ее головой об стену. Вот здесь больно толкнула. И в конце мать всегда добавляла:

– И не жалуйся отцу, я сплю с ним, а не ты. Поэтому он сделает то, что скажу ему я. А твою жизнь я все равно однажды превращу в ад. Даже не надейся.

Белла медленно и неуверенно вошла в свою комнату и огляделась: вот она, та самая деревянная кровать, на которой она спала в детстве. Пыталась спать... А потом... Белла вспомнила, как ей приходилось слушать эти глухие казавшиеся тогда страшные звуки-толчки. И знала, что это звуки ее страха и ее боли. Звуки, означающие, что издевательства над ней продолжатся и на следующий день.

Он не станет заступаться за нее.

Лишь в очередной раз посмотрит своими огромными умными глазами. И, как обычно, скажет: «Белла, ну, ты же сильная. Ты справишься! А твоя мама... Ну, она такая нежная хрупкая. Ну... такая она. Бог терпел и нам велел».

Белла оглядела еще раз свою крошечную комнатку: деревянная кровать, письменный стол, старенькое пианино. Все так же, как и много лет назад.

Оказалось, что пытаюсь освободиться от своих детских ощущений, все эти годы Белла лишь глубже в них увязла.

Она смотрела на старенькие такие привычные, но ставшие уже далекими предметы интерьера своей комнаты, а прошлое в ее голове начинало оживать.

Вот Белла сидит с синтезатором в наушниках, и мать заходит к ней, в очередной раз, пытаюсь обвинить ее в том, что она «подслушивала».

А вот Белла сидит у своего пианино. Рядом – ее мать и ее подруги.

– Музыку она там пишет какую-то. Да какая тебе музыка! Возомнила о себе неизвестно кого! Тоже мне, блин, Моцарт.

– Я научилась писать музыку, мама! Хорошую музыку! – крикнула Белла что было мочи, как будто забыв, что в квартире она была совершенно одна.

И вдруг, неожиданно для самой себя Белла почувствовала такую внутреннюю силу, силу, способную разрубить на кусочки не только ее прошлое, но и всю ту боль, которую держала в себе эта квартира.

Боль ее детства.

Подойдя к двери в родительскую спальню, она, размахнувшись со всей силы, зачем-то повернув топор обратной стороной, ударила им о дверь.

От мощного удара раздался громкий неприятный звук, и дверь слетев с петель, слегка покосилась.

Белла же, в страхе от того, что сделала, отбросила топор, который, ударившись сильно об пол, подпрыгнул несколько раз, создавая причудливый ритм.

Ритм. Она снова слышала ритм.

И Нечто. Оно снова зазвенело в ее сердце и в ее голове.

Нечто. Главный друг Беллы, ее спаситель и самая большая и светлая любовь ее жизни.

И в этот самый момент дождь, золотой дождь, состоящий из невидимых звуков, буквально полился на Беллу. Дождь, который приносил с собой освобождение, спокойствие и любовь. Золотой невидимый дождь, окутывающий ощущением счастья. Изнутри и снаружи.

Казалось, Белла впервые в жизни училась слышать. Не только мир, но и себя, биение своего сердца, и... мелодию.

«Это твой сон и твоя жизнь. Создавай ее такой, какой хочешь. Ты можешь все».

Белла увидела лицо Ленки. Все то же. Доброе милое.

«Белла, я умру, я знаю, что умру».

И впервые в жизни Белла осознала, какой на самом деле невиданной силой она обладала. Она умела слышать людей, слышать мир и переводить эти звуки в музыку.

А невидимый дождь как будто все капал и капал на ее пальцы. И, пытаясь воспроизвести так неожиданно свалившиеся на нее звуки, Белла подошла к своему старенькому пианино, открыла крышку и взяла первый аккорд.

«Раз, и, раз, два, три, четыре» – воспроизводя звуки ударившегося об пол топора, уже играла Белла свою новую песню.

Кто бы мог подумать – звуки упавшего топора превращались в звуки ее новой жизни.

«Сашка, жду всех завтра на студии, – прокричала Белла в телефон, не замечая, что часы уже показывали четыре утра. – Будем музыку делать!»

Глава 7

Когда ты решаешь взять жизнь в свои руки, писать мелодию своей жизни, эта самая мелодия обязательно найдет тебя.

И Белла, найдя, может, впервые в жизни, свою мелодию, хотела поделиться ей.

«Раз, и, раз, два, три четыре» – изображая кружащие в воздухе самолеты, веселились музыканты на студии, весело подпевая в такт ее новой песни.

«Раз, и, раз, два, три четыре».

Белоснежным крылом свадебного платья, словно прекрасная царевна-Лебедь, продолжала ритм жизни и мелодии Машка.

А Саша... Когда их глаза встретились, ему на мгновение показалось, что Белла знала о его любви к ней. Всегда знала. И именно поэтому и поступила именно так.

«Раз, и, раз, два, три, четыре».

Вот они и приехали. Выходя из машины, Машка, с уже весьма округлившимся животиком, улыбнулась:

– Иди, Белла, они ждут тебя.

Белла неуверенно направилась в сторону огромного белого здания, которое таинственно пряталось среди деревьев, словно замок злой ведьмы.

«Раз, и, раз, два, три, четыре».

Огромный зал. Они ждут ее. Она надеется, что ждут. Ведь ей так хочется поделиться с ними. Пока еще не поздно.

Белла поняла, что никогда еще не видела столько людей, напоминающих ей ее саму, ее Ленку, яйцеголового Мишку...

– Каждый из вас оказался здесь не просто так, – начала неуверенно Белла. – Вы бежали от боли так же, как бежала когда-то и я. Мы бежали в одном направлении, но разными способами...

«Раз, и, раз, два, три, четыре».

– В моей жизни, как мне казалось год назад, было много мистики. Я изводила часами своих друзей, пытаясь найти какую-то Олю... Когда, наконец, поняла, что искала я не призрака, а свое прошлое и свою... маму.

«Раз».

– Иногда в твоей семье происходят вещи, о которых ты не можешь рассказать ни друзьям, ни знакомым, – дрожащим голосом продолжала Белла. – И особенно страшно, когда эти вещи происходят в семье, которая, на первый взгляд, может считаться относительно благополучной.

Белла тяжело вздохнула и взяла аккорд своей новой песни.

«Раз, и, раз, два»

– Моя покойная мама имела очень странные привычки. Она любила избить меня, а потом, прикрываясь именем отца, начать издеваться. Она могла ударить, унижить, обидеть, а потом сказать что-то вроде *«Это я занимаюсь с ним сексом, я, а не ты, поэтому он сделает все, что я ему скажу, а ты – просто маленькая сопля»*.

По залу пробежал таинственный шепот.

– По ночам они с отцом занимались сексом так, что спать не мог весь дом. А потом она заходила ко мне посередине ночи и, говоря: «Ты подслушиваешь!» снова начинала меня бить. Папа, бывший в те годы ученым в области работы мозга, не богатым, но уважаемым человеком, не делал ничего.

Белла остановилась. И почувствовала, как у нее из глаз потекли слезы.

«Раз, и, раз, два, три, четыре».

– В школе у меня была единственная подруга, которой я могла рассказать все. Ее звали Лена. Ей, бедняжке, тоже было не сладко. Ее мать каждый год рожала ей нового брата или сестру, которыми приходилось всецело заниматься Лене. Она уже в тринадцать и внешне, и по характеру напоминала многодетную мать. Формально их семья ни в чем не нуждалась, поэтому Лене и сформулировать было сложно, что не так...

Белла вздохнула, вспомнив последние слова Ленки.

– Лене очень не хватало заботы и любви, – продолжала Белла. – Поэтому когда в пятнадцать она познакомилась с мерзким мужчиной, вдвое старше, который просто назвал ее «славной девочкой», она влюбилась в него без памяти.

«Раз, и, раз, два, три, четыре».

– Лена умерла в шестнадцать в одной из провинциальных клиник от неудачного аборта.

Белле самой не верилось, что впервые в жизни она могла так легко и без прикрас рассказать все самое сокровенное о своей жизни. И особенно странно, что на здании, в котором она сейчас находилась, красовалась огромная табличка:

«Центр реабилитации алкоголизма и наркомании»

– Мы избегаем боли. Мы начинаем всячески глушить ее. И то, от чего наша боль становится слабее, и становится нашей зависимостью. Мы бежим к человеку, который, как нам кажется, спасет и поможет. А кто-то бежит... в другой придуманный мир. Я убегала в музыку. Но главное – другое. Мы бежим, когда понимаем, что источник нашей боли никогда не изменится. Он, словно глухая стена, будет молчаливо и бездушно смотреть на нас, даже не понимая, почему нам так плохо. Никогда не поздно начать все сначала, победить страшную зависимость и освободиться, – продолжала свою исповедь Белла. – Главное – услышать биение своего сердца, свой ритм и музыку своей жизни. Музыка помогла мне не чувствовать боль, а потом – выражать себя и находить людей, которые могут понимать меня. Не бойтесь говорить. Говорить о том, от чего вам больно. Не бойтесь не молчать. И, главное, – не бойтесь творить. Непохожесть не значит ущербность. Непохожесть не значит брак. Вам не следует ненавидеть себя за то, что сделали с вами ваши родители. Отпустите свою вину. Перестаньте создавать красивую картинку. Будьте собой. Непохожесть – значит уникальность, то самое, что необходимо для того, чтобы творить. Творите. Творчество начинается там, где есть уникальность.

Белла вытерла слезы и подняла глаза, чтобы посмотреть в глаза тех, кому она, быть может, впервые в жизни доверила то, что не могла доверить даже самым близким друзьям.

Окинув взглядом огромный зал, Белла увидела, ощутила, осознала каждой клеточкой то самое, что она искала всю свою жизнь – СЕМЬЮ.

Все персонажи данной истории выдуманные. Любое сходство – чистое совпадение.

Если тебе очень плохо и не с кем поговорить – поговори с книгой

1. Робин Норвуд «Женщины, которые любят слишком сильно».
Книга для тех, кто только знакомится с понятием «Созависимость». Есть похожая книга «Синдром Мерлин Монро», но она о том же.
2. Онно Ван дер Харт, Эллерт Р. С. Нейенхёус, Кети Стил «Призраки прошлого. Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы».
Огромный научный талмуд, знакомящий с понятием «Диссоциация».
3. Екатерина Безымянная «Беги. Мучители-манипуляторы».
Книга больше похожа на разговор с подружкой за чаем. Легко и ненавязчиво о важном.
4. Сьюзан Форвард «Токсические родители», «Эмоциональный шантаж».
5. Ланди Банкрофт «Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять».
Хорошая книга. Узнала о ней из книги Екатерины Безымянной.
6. Джанет Войтс «Взрослые дети алкоголиков».
Еще один талмуд. Слог отличный, но темы тяжелые. Рекомендую читать несколько раз.
7. Книги Тани Танк.
8. Эмбер Смит «Какой я была» – художественное произведение, описывающее последствия пережитого сексуального насилия молодой девушкой. Книга небольшая, но сильная.
9. «Похороните меня за плинтусом» Павел Санаев. Еще одна художественная книга, на редкость реалистичная.
10. Катерина Шпиллер «Мама, не читай». Книга дочери известной писательницы, автора повести «Вам и не снилось» Галины Щербаковой о сложных взаимоотношениях со своей матерью.
11. Харриет Брейкер «Кто дергает за ваши ниточки, или Как не позволить манипулировать собой».
12. Мари Кардиналь «Слова, которые исцеляют». Книга написана в 1975 году, но не теряет своей актуальности.
13. Аннабель Питчер «Моя сестра живет на каминной полке». Это «Похороните меня за плинтусом», но на английский манер.
14. Лиз Бурбо «Пять травм, которые мешают быть самим собой». Прекрасная книга, перечитывала ее раз пять.
15. Патрисия Эванс «Не бьет, просто обижает. Как распознать абьюзера, остановить вербальную агрессию и выбраться из токсичных отношений». Перечитываю по главе раз в неделю. Это книга-тренажер по прокачиванию навыков определения словесных абьюзеров.
16. Роберта Шалер «Как бороться с конфликтами в рабочих джунглях».
17. Светлана Моторина «Травля. Со взрослыми согласовано». Книгу рекламировала лично автор в одном из образовательных порталах. Очень популярно написано о причинах травли в школе.
18. Карен Хорни «Невротическая личность нашего времени». Это сейчас номер один в моем рейтинге.
19. Юлия Пирумова «Хрупкие люди. Тайная дверь в мир нарциссов». Полезная и легкая книга, знакомит с понятием «дефицитарный нарциссизм».
20. Паола Миллер «Бегот от токсических родителей». Реальная история сложных взаимоотношений с родителями и ее последствия.
21. Марион Вудман «Сова раньше была дочкой пекаря. Ожирение, нервная анорексия и подавленная женственность».

22. Дональд Калшед «Травма и душа». Шикарный научный труд по диссоциации с точки зрения юнгианианского аналитика.